ИЗВѢСТІЯ

XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 1. 15—27 Августа 1902 г. № 1.

I.

Списокъ членовъ Харьковскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ:

Предсѣдатель: Д. И. Багалѣй.

Секретарь: Е. К. Рѣдинъ.

Члены: Н. И. Алякритскій, А. С. Бріо, В. П. Бузескулъ, П. Н. Буцинскій, А. К. Бѣлоусовъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Н. К. Грунскій, А. В. Гуровъ, Я. А. Денисовъ, М. С. Дриновъ, А. Я. Ефименко, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. В. Ивановъ, Е. М. Ивановъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій, А. Ѳ. Котовъ, А. Н. Красновъ, В. П. Крыловъ, Н. О. Куплеваскій, В. В. Лапинъ, Л. Ю. Лазаревичъ-Шепелевичъ, А. С. Лебедевъ, П. Э. Лейкфельдъ, М. Д. Линда, Б. М. Ляпуновъ, Н. А. Максимейко, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, И. Н. Миклашевскій, И. В. Нетушилъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. А. Остроумовъ, М. М. Плохинскій, А. М. Покровскій, М. А. Поповъ, А. А. Поповъ, П. П. Пятницкій, П. Г. Риттеръ, Е. К. Рѣдинъ, В. И. Савва, Н. Н. Сомовъ, С. В. Соловьевъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, Е. П. Трифильевъ, Н. А. Федоровскій, Ю. А. Ферберъ, О. І. Филевскій, Б. Г. Филоновъ, М. Г. Халанскій, Р. П. Шерцль, Г. Ѳ. Шульцъ.

Иногородніе члены Комитета:

Б. Д. Гринченко, Зарѣцкій, П. В. Ивановъ, П. П. Короленко, В. П. Милорадовичъ, Я. П. Новицкій, А. А. Русовъ.

Списокъ депутатовъ командированныхъ на Съѣздъ учеными Обществами и учрежденіями.

1. **Отъ Императорскаго Московскаго Университета**: проф. Д. Н. Анучинъ, Р. Ө. Брандтъ, Д. Н. Зерновъ, А. И. Кирпичниковъ, А. П. Павловъ, Д. Я. Самоквасовъ, М. И. Соколовъ.

2. **Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета**: проф. П. А. Лавровъ, С. Ө. Платоновъ, А. И. Соболевскій.

3. **Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета**: проф. А. А. Кочубинскій, А. И. Линниченко, прив.-доц. Б. М. Ляпуновъ, проф. проф. В. Н. Мочульскій, А. А. Павловскій, Э. Р. фонъ-Штернъ.

4. **Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета**: проф. Д. И. Багалѣй, А. С. Бріо, В. П. Бузескуль, П. Н. Буцинскій, А. К. Бѣлоусовъ, А. С. Вязигинъ, прив.-доц. Н. К. Грунскій, проф. Я. А. Денисовъ, М. С. Дриновъ, прив.-доц. Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кодлубовскій, проф. А. Н. Красновъ, В. П. Крыловъ, Л. Ю. Лазаревичъ-Шепелевичъ, А. С. Лебедевъ, Н. А. Максимейко, пр.-доц. М. А. Масловъ, проф. И. В. Нетушилъ, М. А. Остроумовъ, М. А. Поповъ, П. П. Пятницкій, Е. К. Рѣдинъ, пр.-доц. П. Г. Риттеръ, В. И. Савва, С. В. Соловьевъ, проф. Н. Ф. Сумцовъ, прив.-доц. Е. П. Трифильевъ, проф. М. Е. Халанскій, Р. И. Шерцль, Г. Ф. Шульцъ.

5. **Отъ Императорскаго Казанскаго Университета**: проф. А. И. Александровъ, А. С. Архангельскій, Д. Вл. Айналовъ, Д. А. Корсаковъ, И. Н. Смирновъ, прив.-доц. Н. Н. Өирсовъ.

6. **Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета**: проф. І. І. Квачало, М. А. Дьяконовъ, Е. В. Пѣтуховъ, А. Н. Ясинскій, В. К. Мальмбергъ.

7. **Отъ Императорскаго Кіевскаго Университета**: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Ю. А. Кулаковскій, Г. Г. Павлуцкій, М. Н. Ясинскій.

8. **Отъ Императорскаго Варшавскаго Университета**: проф. Карскій.

9. **Отъ Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко**: проф. М. Н. Бережковъ.

10. **Отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ**: А. Е. Крымскій, А. С. Хахановъ.

11. **Отъ Археологическаго Института**: Н. В. Покровскій, Н. И. Веселовскій, А. П. Вороновъ, А. Л. Погодинъ.

12. **Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи**: и. д. доцента Д. И. Абрамовичъ, проф. Н. В. Покровскій.

13. **Отъ Московской Духовной Академіи**: проф. А. П. Голубцовъ.

14. **Отъ Казанской Духовной Академіи**: В. А. Нарбековъ.

15. **Отъ Кіевской Духовной Академіи**: проф. проф. В. З. Завитневичъ, Н. И. Пэтровъ.

16. **Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ**: Н. И. Алякритскій, Ф. Л. Германъ, А. Я. г-жа Ефи-

менко, П. С. Ефименко, М. Д. Линда, Д. П. Миллеръ, М. П. Савиновъ, Н. А. Федоровскій, о. І. Филевскій.

17. **Отъ Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ:** А. А. Левенстимъ, проф. В. Ф. Левитскій, прив.-доц. Н. А. Максимейко.

18. **Отъ Историческаго Общества Нестора—Лѣтописца при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра:** Н. Ѳ. Бѣляшевскій, В. З. Завитневичъ. О. И. Левицкій, В. Г. Ляскоронскій, Е. Н. Мельникъ, Г. Г. Павлуцкій, А. І. Степовичъ, Б. И. Ханенко, проф. М. Н. Ясинскій.

19. **Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ:** проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Янчукъ.

20. **Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ:** проф. А. И. Александровъ, Д. В. Васильевъ, Н. К. Горталовъ, проф. А. А. Штубенбергъ.

21. **Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Институтѣ Кн. Безбородко:** проф. М. Н. Бережковъ, Е. И. Кашпровскій.

22. **Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ:** проф. А. И. Маркевичъ, А. А. Павловскій, проф. Э. Р. фонъ-Штернъ, Х. П. Ящуржинскій.

23. **Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей:** П. А. Ивановъ, проф. А. А. Кочубинскій, проф. И. А. Линниченко, А. В. Лонгиновъ, проф. А. И. Маркевичъ, П. А. Маврогордато, В. Н. Мочульскій, проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.

24. **Отъ Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній:** Гуго Лихтенштэйнъ.

25. **Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества:** проф. проф. Н. И. Веселовскій, Н. В. Покровскій, С. Л. Пташицкій и Князь П. А. Путятинъ.

26. **Отъ Императорскаго (Московского) Археологическаго Общества:** проф. Д. В. Айналовъ, проф. Д. Н. Анучинъ, А. И. Бунинъ, проф. К. М. Быковскій, В. А. Городцовъ, Ю. В. Готье, Н. Г. Добрынкинъ, И. Е. Евсѣевъ, проф. Д. И. Иловайскій, проф. А. И. Кирпичниковъ, проф. В. Ф. Миллеръ, В. Н. Рогожинъ, В. И. Сизовъ, проф. Д. Я. Самоквасовъ, С. С. Слуцкій, В. К. Трутовскій, Графиня П. С. Уварова, В. Н. Щепкинъ.

27. **Отъ Псковскаго Археологическаго Общества:** Бибиковъ, Ф. А. Ушаковъ.

28. **Отъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Академіи:** проф. проф. В. З. Завитневичъ, и Н. И. Петровъ.

29. **Отъ Калужскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества:** В. М. Кашкаровъ, Д. Д. Соколовъ, Д. В. Смирновъ, И. Ѳ. Цвѣтковъ.

30. **Отъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности:** Д. Ѳ. Кобеко, Н. П. Кондаковъ.

31. **Отъ Московскаго Нумизматическаго Общества:** В. К. Трутовскій, С. П. Щуровъ.

32. **Отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытаній Природы:** В. Д. Соколовъ.

33. **Отъ Ученаго Эстонскаго Общества состоящаго при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ:** Маг. А. И. Фейерейзенъ.

34. **Отъ Русскаго Библіологическаго Общества:** А. Л. Липовскій, А. І. Лященко, А. С. Раевскій.

35. **Отъ Екатеринославскаго Научнаго Общества:** А. С. Синявскій, Н. В. Чеховъ.

36. **Отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ Имени ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III:** А. В. Орѣшниковъ, В. И. Сизовъ, В. Н. Щепкинъ.

37. **Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ:** Ю. В. Готье, С. О. Долговъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Н. А. Анчукъ.

38. **Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей:** И. А. Вахромѣевъ, А. А. Титовъ.

39. **Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи:** А. Н. Ачкасовъ, Г. Г. Лукьяновъ.

40. **Отъ Археографической Коммиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія:** С. Ѳ. Платоновъ.

41. **Отъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ:** О. И. Левицкій.

42. **Отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія:** г.-л. Н. Е. Бранденбургъ.

43. **Отъ Владимірской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи:** В. Т. Георгіевскій, А. В. Селивановъ.

44. **Отъ Воронежской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи:** Свящ. С. Е. Звѣревъ, В. С. Преображенскій, Л. М. Савеловъ, М. Д. Свербеевъ, В. Н. Тевяшовъ.

45. **Отъ Костромской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи:** Н. М. Бекаревичъ, П. Н. Масальскій.

46. **Отъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи:** В. С. Малченко, Д. В. Скрынченко.

47. **Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи:** В. Н. Крейтонъ, А. И. Черепнинъ, С. Д. Яхонтовъ.

48. **Отъ Таврической Губернской Ученой Архивной Коммиссіи:** проф. Д. И. Багалѣй, А. Н. Ильинъ, Г. Я. Есиповичъ, А. И. Маркевичъ.

49. **Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи:** А. Н. Нарцовъ.

50. **Отъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи:** В. И. Колосовъ.

51. **Отъ Черниговской Губернской Архивной Коммиссіи:** А. М. Васютинскій, А. В. Верзиловъ, П. М. Добровольскій, А. К. Ярыгинъ.

52. **Отъ Ярославской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи:** И. А. Вахромѣевъ, проф. И. Я. Гурляндъ.

53. **Отъ Калужской Ученой Архивной Коммиссіи:** Предсѣдатель И. Д. Четыркинъ, П. А. Трейтеръ и В. М. Кашкаровъ.

54. **Отъ Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи:** Предсѣдатель В. Н. Поливановъ.

55. **Отъ Орловской Ученой Архивной Коммиссіи:** Ѳ. Ѳ. Похвалинскій.

56. **Отъ Волынскаго Губернскаго Статистическаго Комитета:** И. И. Леонтьевъ, С. В. Люба-Радзиминскій.

57. **Отъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета:** Свящ. С. Е. Звѣревъ, А. М. Правдинъ, Т. С. Рождественскій, Д. Г. Тюменевъ.

58. **Отъ Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета:** Н. И. Златоверховниковъ, А. А. Танбовъ.

59. **Отъ Екатеринославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета:** Я. Г. Гололобовъ.

60. **Отъ Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета:** С. М. Иваницкій, Свящ. Е. Г. Сѣцинскій.

61. **Отъ Харьковской Городской Управы:** проф. И. К. Зарубинъ, С. А. Раевскій, М. И. Свѣтухинъ.

62. **Отъ Національнаго Этнографическаго Музея въ Будапештѣ:** И. Янко.

63. **Отъ Общества любителей изученія Кубанской Области:** В. М. Сысоевъ, В. В. Скиданъ.

ИЗВѢСТІЯ

XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 2. 15—27 Августа 1902 г. **№ 2.**

II.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта XII Археологическаго Съѣзда

14 Августа 1902 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 час. вечера въ торжественномъ залѣ Императорскаго Харьковскаго Университета, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Московскаго Предварительнаго Комитета Съѣзда, графини П. С. Уваровой, въ составѣ депутатовъ и представителей отъ нижеслѣдующихъ учрежденій и Обществъ:

От Харьковскаго Предварительнаго Комитета Съѣзда: В. П. Бузескулъ, П. Н. Буцинскій, А. В. Ветуховъ, Н. К. Грунскій, В. В. Ивановъ, А. П. Кодлубовскій, А. Н. Красновъ, Н. О. Куплеваскій, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, М. А. Остроумовъ, М. М. Плохинскій, Е. К. Рѣдинъ, В. И. Савва, Н. Ѳ. Сумцовъ, Е. П. Трифильевъ, Н. А. Федоровскій, о. І. Филевскій, Г. Ѳ. Шульцъ, И. А. Зарѣцкій, Е. П. Радакова, В. А. Бабенко, А. М. Покровскій, В. Е. Данилевичъ.

Отъ Императорскаго Петербургскаго Университета: С. Ѳ. Платоновъ.

Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета: Э. Р. фонъ Штернъ, И. А. Линниченко и В. Н. Мочульскій.

Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета: В. П. Бузескулъ, А. С. Лебедевъ, М. С. Дриновъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, Д. И. Багалѣй, Г. Ѳ. Шульцъ, П. Н. Буцинскій, М. Е. Халан-

скій, Е. К. Рѣдинъ, А. П. Кодлубовскій, В. И. Савва, М. А. Масловъ, Н. К. Грунскій и Е. П. Трифильевъ.

Отъ Императорскаго Университета Св. Владиміра: Г. Г. Павлуцкій.

Отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: А. С. Хахановъ.

Отъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института: Н. В. Покровскій, Н. И. Веселовскій, А. П. Вороновъ и штабсъ-капитанъ В. Л. Андреевъ.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи: Н. В. Покровскій.

Отъ Кіевской Духовной Академіи: В. З. Завитневичъ.

Отъ Казанской Духовной Академіи: В. А. Нарбековъ.

Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ: М. Д. Линда, Н. А. Федоровскій и о. І. Филевскій.

Отъ Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ: А. А. Левенстимъ.

Отъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра: Н. Ѳ. Бѣляшевскій, В. З. Завитевичъ, В. Г. Ляскоронскій и Г. Г. Павлуцкій.

Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ: В. В. Каллашъ.

Отъ Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ: Э. Р. фонъ-Штернъ и А. П. Ящуржинскій.

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Э. Р. фонъ-Штернъ, И. А. Линниченко и В. Н. Мочульскій.

Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: Н. И. Веселовскій и Н. В. Покровскій.

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: графиня П. С. Уварова, В. А. Городцковъ, Ю. В. Готье, В. Н. Рогожинъ, В. И. Сизовъ и Х. И. Поповъ.

Отъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи: В. З. Завитневичъ.

Отъ Русскаго Библіологическаго Общества: А. Л. Липовскій.

Отъ Общества Любителей Изученія Кубанской Области: В. М. Сысоевъ.

Отъ Екатеринославскаго Научнаго Общества: А. С. Синявскій.

Отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ: В. И. Сизовъ.

Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ: Ю. В. Готье.

Отъ Тульской Епархіальной Палаты Древностей: Н. И. Троицкій.

Отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Н. В. Рождественскій.

Отъ Архива и Библіотеки Св. Синода: А. А. Завьяловъ.

Отъ Археографической Коммиссіи: С. Ѳ. Платоновъ.

Отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія: ген.-лейт. Н. Е. Бранденбургъ.

Отъ Архива Государственнаго Банка А. А. Мироновъ.

Отъ Воронежской Архивной Коммиссіи: В. С. Преображенскій, М. Д. Свербеевъ.

Отъ Костромской Архивной Коммиссіи: Н. М. Бекаревичъ, и П. Н. Масальскій.

Отъ Пермьской Архивной Коммиссіи: В. С. Малчевко.

Отъ Таврической Архивной Коммиссіи: Д. И. Багалѣй, Г. Я. Есиповичъ.

Отъ Тамбовской Архивной Коммиссіи: А. Н. Нарцевъ.

Отъ Ярославской Архивной Коммиссіи: И. Я. Гурляндъ.

Отъ Симбирской Архивной Коммиссіи: В. Н. Поливановъ.

Отъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Т. С. Рождественскій.

Отъ Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета: о. Е. І. Сѣцинскій, С. М. Иваницкій.

Секретаремъ засѣданія былъ избранъ Василій Григорьевичъ Ляскоронскій.

Графиня Уварова доложила собранію о разрѣшеніи Г. Министра Народн. Просвѣщ. открыть съѣздъ.

Доложены и провѣрены списки депутатовъ отъ разныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ, сверхъ того оказались назначенными отъ Императорскаго Варшавскаго Университета Е. Ѳ. Карскій и отъ Тверской ученой архивной коммиссіи А. Ѳ. Селивановъ.

Доложены отношенія Гг. Министровъ Народн. Просвѣщ. и Финансовъ о разрѣшеніи гг. профессорамъ и преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній обоихъ вѣдомствъ присутствовать и оставаться на вышеупомянутомъ съѣздѣ до его окончанія.

Прочитано отношеніе Г. Министра Народн. Просвѣщ. относительно времени открытія и закрытія съѣзда въ г. Харьковѣ. Доложены собранію новые вопросы и запросы, а именно:

1. Г. В. В. Хвойко—Городища средняго Приднѣпровья, ихъ значеніе, древность и народность.

2. Г. Ю. Тиховскій--Южно-русскій кодексъ Луки изъ Тернополя (1569 г.) и его отношеніе къ трудамъ Скорины и южнорусскому кодексу 1575—7 года.

3. Его же—Малорусскія и западно-русскія учительныя Евангелія XVI—XVIII вв. и ихъ мѣсто среди южно-русскихъ и западно-русскихъ переводовъ священнаго писанія.

4. И. А. Евсѣева—Евреи въ юго-западной Руси въ XIV—XV в.в.

5. Его же—Григорій пресвитеръ, переводчикъ времени болгарскаго царя Симеона.

6. Л. В. Падалки—О населеніи Полтавской губерніи въ бытовомъ отношеніи.

7. Н. А. Максимейко—Русская Правда и обычное право Литовско-русскаго государства до изданія Статута.

8. Е. Ѳ. Карскаго—Къ вопросу о распредѣленіи русскихъ народностей.

9. В. А. Городцова—Погребеніе съ лошадью въ Европейской Россіи.

10. Л. М. Савелова—Коротоякскій уѣздъ въ археологическомъ отношеніи.

11. Г. Вахевича—Литовская лѣтопись.

12. Н. И. Троицкаго—Древнѣйшій храмъ Херсонеса Таврическаго, открытый при раскопкахъ настоящаго времени.

13. А. Н. Краснова—Особенности одежды и жилища населенія Харьковской губ.

14. М. А. Русова—Игры дѣтей въ Полтавщинѣ.

15. В. Р. Апухтина—Опытъ Археологической карты Орловской губерніи.

16. Л. Г. Лопатинскаго—О нѣкоторыхъ суффиксахъ русскаго языка (ск, ко, чи), образовавшихся подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ: грузинскаго, черкескаго и оварскаго.

17. А. С. Сѣнявскаго—О древнѣйшихъ насельникахъ окрестностей города Екатеринослава по курганымъ раскопкамъ.

Предсѣдателемъ доложены правила XII археологическаго съѣзда, послѣ чего было приступлено къ выборамъ должностныхъ лицъ съѣзда, причемъ оказались избранными:

Предсѣдателемъ съѣзда: графиня Прасковія Сергѣевна Уварова.

Секретарями съѣзда: Василій Григорьевичъ Ляскоронскій, Юрій Владиміровичъ Готье, Владиміръ Николаевичъ Рагожинъ, Василій Михайловичъ Сысоевъ.

Предсѣдателемъ Распорядительнаго Комитета: Василій Васильевичъ Ивановъ.

Членами Распорядительнаго Комитета: Сергѣй Александровичъ Чернышевъ, Михаилъ Михайловичъ Серебряковъ, Василій

Алексѣевичъ Бабенко, Михаилъ Федоровичъ Пискуновъ, Николай Александровичъ Федоровскій.

Казначеемъ съѣзда: Евгеній Парѳентьевичъ Трефильевъ.

Предсѣдателями и секретарями секцій.

I. сек. Древностей первобытныхъ.

Предсѣдателемъ—Николай Ивановичъ Веселовскій.

Секретарями—Николай Федоровичъ Бѣляшевскій, Василій Михайловичъ Сысоевъ, Александръ Александровичъ Мироновъ.

II сек. Древностей историко-географическихъ и этнографическихъ.

Предсѣдателемъ—Николай Ѳеодоровичъ Сумцовъ.

Секретарями—Владиміръ Владиміровичъ Каллашъ, Алексѣй Васильевичъ Ветуховъ.

III сек. Памятниковъ искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Предсѣдателемъ—Егоръ Козьмичъ Рѣдинъ.

Секретаремъ—Василій Ефимовичъ Данилевичъ.

IV сек. Быта хозяйствен. и домашній, юридическій, общественный и военный

Предсѣдателемъ—Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

Секретаремъ—Владиміръ Ивановичъ Савва.

V сек. Древности церковныя.

Предсѣдателемъ—Николай Васильевичъ Покровскій.

Секретарями—Александръ Александровичъ Завьяловъ и Александръ Александровичъ Мироновъ.

VI сек. Памятники языка и письма.

Предсѣдателемъ—Евфимъ Ѳедооровичъ Карскій.

Секретарями—Арсеній Петровичъ Кодлубовскій и Николай Козьмичъ Грунскій.

VII сек. Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія.

Предсѣдателемъ—Эрнестъ Романовичъ фонъ-Штернъ.

Секретарями—Михаилъ Алексѣевичъ Масловъ, Арсеній Петровичъ Кодлубовскій и Владиміръ Ивановичъ Савва.

VIII сек. Древностей славянскихъ.

Предсѣдателемъ—Маринъ Степановичъ Дриновъ.
Секретаремъ

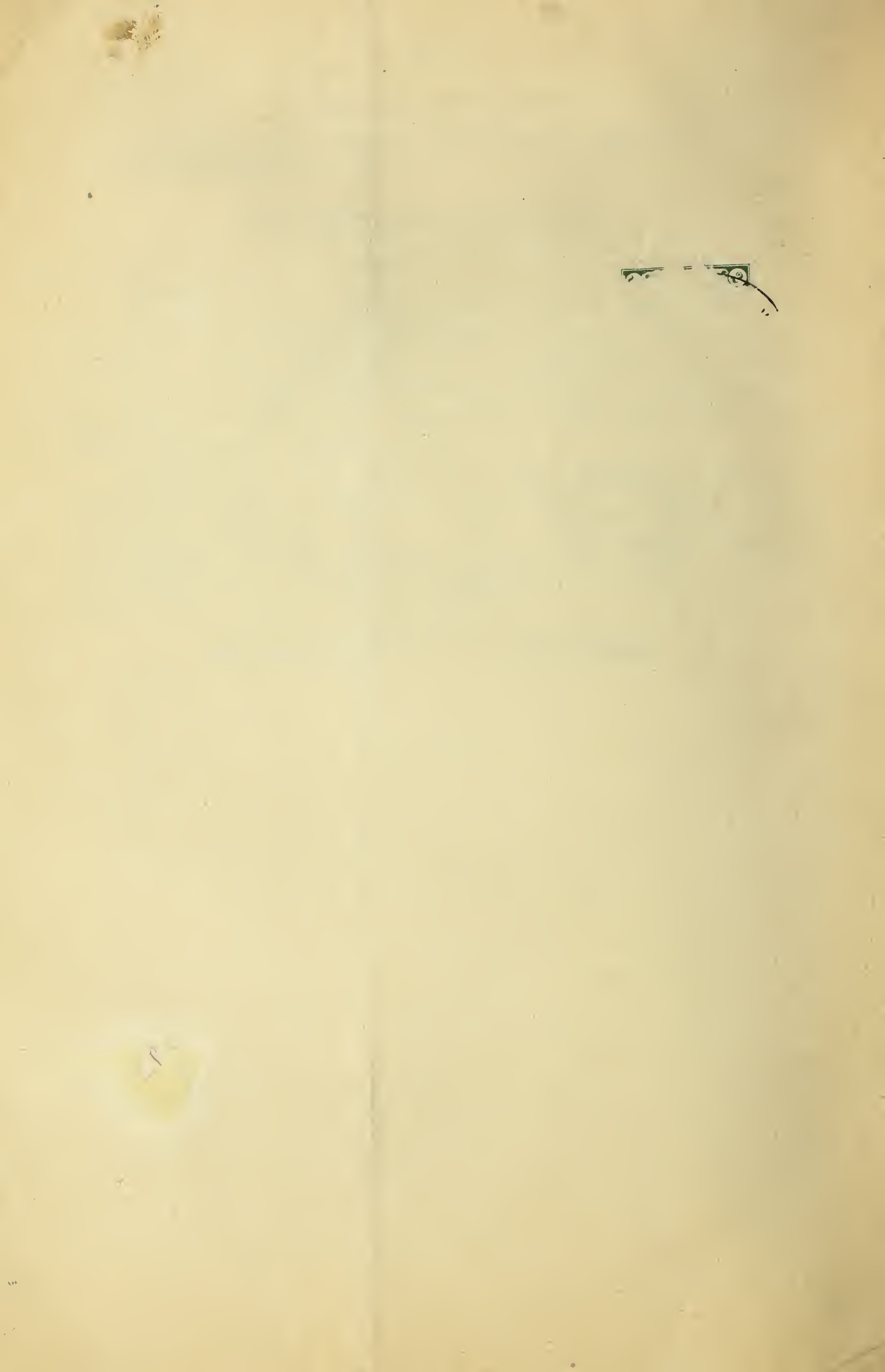
IX сек. Памятниковъ археографическихъ.

Предсѣдателемъ—Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ.
Секретаремъ

Предсѣдателемъ ученаго комитета съѣзда единогласно избранъ проф. Дмитрій Ивановичъ Багалѣй. Затѣмъ ввиду, категорическаго отказа профессора В. Б. Антоновича отъ званія предсѣдателя секціи древности первобытныхъ, по предложенію предсѣдателя съѣзда В. Б. Антоновичъ, былъ единогласно выбранъ почетнымъ членомъ съѣзда.

Професоромъ Д. И. Багалѣемъ было доложено о предполагающихся трехъ экскурсіяхъ: 1) въ имѣніе г. Харитоненко, на станціи Кириковка, 2) въ селеніе Верхній Салтовъ и 3) на Донецкое городище, причемъ предположено первую экскурсію назначить на 25 августа, а третью на 18 августа; относительно второй время еще не установлено.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

ИЗВѢСТІЯ
XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 3. 15—27 Августа 1902 г. № 3.

I.

Открытіе XII археологическаго съѣзда.

15 августа, во второмъ часу дня, состоялось торжественное открытіе XII археологическаго съѣзда. Въ 1 часъ дня въ университетской церкви совершено было молебствіе, предъ началомъ котораго совершавшій молебствіе проф. богословія о. Тимоѳей Буткевичъ произнесъ пространное, посвященное съѣзду, слово.

Послѣ молебствія въ актовомъ залѣ университета, роскошно декорированномъ тропическими растеніями, собрались: Г. попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, почетный опекунъ графъ В. А. Капнистъ, управляющій губерніей М. М. Осоргинъ, предсѣдатель судебной палаты Е. А. Пушкинъ, прокуроръ той-же палаты С. С. Хрулевъ, ректоръ университета Н. О. Куплевасскій, харьковскій уѣздный предводитель дворянства князь А. Д. Голицынъ, городской голова проф. А. К. Погорѣлко, депутаты и члены съѣзда и много публики, совершенно наполнившей залъ.

По объявленіи предсѣдателемъ, графиней П. С. Уваровой, засѣданія открытымъ, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Его превосходительство, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія возложилъ на меня порученіе открыть XII археологическій съѣздъ. Я высоко цѣню выпавшую на мою долю честь привѣтствовать въ собраніи почтенныхъ археологовъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ, чтобы вмѣстѣ поработать для любимаго и важнаго общественнаго дѣла. Мое присутствіе даетъ мнѣ возможность высказать здѣсь мое глубокое уваженіе къ археологіи, ея представителямъ и ихъ заслугамъ. Археоло-

гія имѣетъ большое значеніе, расширяя область историческихъ розысканій. Предметы археологіи съ теченіемъ времени все умножаются. Нѣмые камни становятся историческими свидѣтелями. Разрытые курганы-могилы, которые, по словамъ украинской пѣсни, въ степяхъ съ вѣтромъ говорили, расказываютъ ученымъ о прошедшихъ судьбахъ народовъ. Ничтожныя съ узко-утилитарной точки зрѣнія вещи, которыя были въ пренебреженіи, попирались ногами, становятся предметомъ заботливой охраны. Земля, на которой наши предки испытывали радости, мыкали историческое горе и оставляли слѣды, которыя затѣмъ покрывались новыми наслоеніями,—земля, является высоко-цѣннымъ историческимъ памятникомъ, безстрастнымъ и безпристрастнымъ. Съ умноженіемъ предметовъ археологіи, извлеченныхъ и объясненныхъ, распространяется сфера историческаго наблюденія и историческихъ изслѣдованій: до-историческое становится историческимъ. Выясняются въ новомъ свѣтѣ прошлыя эволюціи человѣческаго быта. Понятно, почему предметы археологіи должны быть намъ дороги, почему мы должны ревниво слѣдить за успѣхами археологіи въ Россіи, съ глубочайшею признательностью чтить незабвенное имя графа Алексѣя Сергѣевича Уварова и съ безпредѣльнымъ уваженіемъ относиться къ неутомимымъ трудамъ графини Прасковіи Сергѣевны Уваровой, такъ много поработавшей въ дѣлѣ устройства археологическихъ съѣздовъ и непрестанно заботившейся о сохраненіи памятниковъ старины и о распространеніи въ нашемъ обществѣ любви къ археологіи и уваженія къ ея предметамъ. Археологія оказываетъ большое культурное вліяніе. Народъ, который чтитъ прошлое, съ любовью и бережно относится къ историческому наслѣдію вѣковъ, имѣетъ право назваться культурнымъ народомъ. Археологія играетъ большую роль въ выработкѣ національнаго самосознанія, національнаго достоинства, пониманія смысла „родной земли“. Но археологія въ тоже время застраховываетъ отъ узкаго, самодовольнаго, кичливаго національнизма; обнаруживая одинаковость предметовъ, находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ, она указываетъ на сходство соотвѣтствующихъ нравовъ, учрежденій, обычаевъ, житейской обстановки. Это сходство объясняется частью прямымъ заимствованіемъ (иностранное вліяніе), частью одинаковостью фактическихъ обстоятельствъ, формъ быта, частью одинаковостью міросозерцанія подъ вліяніемъ племеннаго родства и единства вѣрованій. При такихъ условіяхъ, работы археологическія по своему значенію выходятъ за предѣлы данной страны; то, что открыто въ данномъ мѣстѣ и научно объяснено, бросаетъ свѣтъ въ тоже время и на то,

что дѣлалось подъ другими широтами и долготами. Такимъ образомъ и въ археологіи мы находимъ рельефное проявленіе того широкаго научнаго единенія, которое даетъ силу научнымъ изслѣдованіямъ и во много кратъ возвышаетъ производительность и полезность добываемыхъ результатовъ.

Привѣтствуя прибывшихъ на съѣздъ археологовъ, я горячо желаю полнаго успѣха ихъ работамъ и твердо вѣрю въ этотъ успѣхъ.

Имѣю честь объявить XII археологическій съѣздъ открытымъ.

Затѣмъ графиня П. С. Уварова прочла слѣдующую телеграмму, полученную изъ Царскаго Села отъ Августѣйшаго почетнаго предсѣдателя съѣзда, **Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича:**

„Привѣтствую съѣздъ съ его открытіемъ. Отъ души желаю, чтобы труды съѣзда увѣнчались полнымъ успѣхомъ и принесли существенную пользу нашей родной археологіи. Скорблю, что не могу быть на съѣздѣ. Сергѣй“.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму археологическій съѣздъ поручилъ предсѣдателю гр. П. С. Уваровой отправить на имя **Его Императорскаго Высочества** слѣдующую телеграмму.

Въ Царское Село **Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергѣю Александвовичу.**

„XII Археологическій Съѣздъ глубоко тронутъ милостивымъ привѣтомъ **Вашего Императорскаго Высочества**, но скорбитъ съ остальными жителями Харькова, что долженъ отказаться отъ надежды привѣтствовать Васъ въ стѣнахъ Харьковскаго Университета, который пріютилъ его съѣздъ и выставки и оказываетъ всему дѣлу самое теплое живое участіе. Предсѣдатель съѣзда, графиня *Уварова*. Предсѣдатель комитета, профессоръ *Багалѣй*.

Засимъ г. управляющій губерніей М. М. Осоргинъ обратился къ съѣзду съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

Ваше Сіятельство, милостивыя государыни и милостивые государи!

Вашими трудами и трудами вашихъ ученыхъ предшественниковъ и товарищей установлена, какъ незыблемая истина, глубокая преемственность историческихъ и культурныхъ явленій. Для правильнаго и всесторонняго пониманія современной культуры необходимо знать ту многовѣковую работу нашихъ отдаленныхъ предковъ, которая постепенно ее созидала. Много тайнъ этой великой работы скрывается во мракѣ сѣдой старины. Надъ раскрытіемъ ихъ неутомимо трудятся ученые исто- [illegible] единенной работѣ, въ тиши своихъ кабинетовъ,

то въ живомъ обмѣнѣ мыслей на научныхъ собраніяхъ, каковъ нынѣшній съѣздъ. Хорошо извѣстны тѣ выдающіяся услуги, которыя оказали археологическіе съѣзды выясненію далекаго прошлаго нашего отечества. Не подлежитъ сомнѣнію, что и нынѣшній археологическій съѣздъ, на которомъ присутствуетъ такъ много почтенныхъ ученыхъ именъ, внесетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу русской исторіи. Но, помимо своего общерусскаго, такъ сказать, значенія, настоящій съѣздъ будетъ имѣть и большой краевой интересъ: сколько мнѣ извѣстно, предстоитъ весьма много сообщеній, посвященныхъ археологіи бывшей Слободской Украйны, въ составъ которой входила и нынѣшняя Харьковская губернія. Какъ исполняющій въ настоящее время обязанности ея начальника, я привѣтствую ученыхъ гостей, прибывшихъ въ нашъ городъ, привѣтствую всѣхъ членовъ съѣзда и отъ всей души желаю съѣзду полнаго успѣха въ его занятіяхъ во славу русской науки и на благо всѣмъ намъ дорогого отечества“.

Въ слѣдующихъ выраженіяхъ привѣтствовалъ затѣмъ съѣздъ ректоръ университета проф. Н. О. Куплеваскій:

„Я очень счастливъ, что на мою долю довелось, въ день торжественнаго открытія XII археологическаго съѣзда, отъ имени университета, привѣтствовать дорогихъ гостей, членовъ съѣзда, и пожелать имъ наибольшихъ успѣховъ въ предстоящей, къ сожалѣнію, кратковременной дѣятельности ихъ въ Харьковѣ.

Императорскій Харьковскій университетъ въ теченіи своего почти столѣтняго существованія видѣлъ въ своихъ стѣнахъ многихъ иногороднихъ гостей, ученыхъ различныхъ спеціальностей. При немъ почти съ самаго начала его существованія стали возникать научныя общества, число которыхъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Но только въ настоящее время, въ моментъ прибытія членовъ археологическаго съѣзда, университетъ въ первый разъ съ величайшимъ удовольствіемъ видитъ такъ много собравшихся вмѣстѣ, какъ отдѣльныхъ научныхъ дѣятелей, такъ и представителей ученыхъ обществъ, ученыхъ коммиссій и комитетовъ.

Я не стану распространяться о важномъ значеніи трудовъ настоящаго съѣзда для исторіи культуры вообще и въ частности для исторіи культуры нашего отечества. Въ жизни нашего университета дѣятельность съѣзда имѣетъ и другое значеніе. Эта дѣятельность является,—и могу даже прибавить, въ работахъ предварительнаго комитета уже явилась,—могучимъ стимуломъ въ нашей умственной жизни. Она вноситъ плодотворное оживленіе въ научную жизнь нашего университета.

Отъ имени Императорскаго Харьковскаго университета я обращаюсь къ председателю съѣзда, глубокоуважаемой графинѣ Прасковіи Сергѣевнѣ Уваровой, къ г.г. предсѣдателямъ секцій и ко всѣмъ г.г. членамъ археологическаго съѣзда съ сердечными пожеланіями, чтобы дѣятельность съѣзда принесла наиболѣе плодотворные результаты. Да здравствуютъ г.г. члены археологическаго съѣзда и да процвѣтаетъ дѣятельность этого съѣзда на пользу науки, родной страны и роднаго университета".

Далѣе слѣдовало привѣтствіе городского головы А. К. Погорѣлко: „Ваше сіятельство, милостивыя государыни и милостивые государи!

Принимая впервые у насъ, въ Харьковѣ, научный съѣздъ, мы съ радостью привѣтствуемъ васъ отъ имени городской думы, отъ имени всего городского общества. Какъ члены общественнаго самоуправленія, мы по опыту знаемъ, насколько живой обмѣнъ мысли, знанія можетъ способствовать успѣху всякаго дѣла и въ этомъ успѣхѣ вашей совмѣстной работы никакого сомнѣнія для насъ быть не можетъ. Такое почтенное собраніе людей, которые безъ всякихъ личныхъ цѣлей, изъ одной любви къ научному изслѣдованію, сходятся и съѣзжаются изъ разныхъ, даже отдаленныхъ мѣстъ нашего обширнаго отечества, чтобы воспользоваться живительнымъ дѣйствіемъ непосредственнаго общенія и личнаго сближенія, произведетъ несомнѣнно огромную, плодотворную работу. Мы, слуги общества, твердо увѣрены въ благотворномъ вліяніи вашего труда на культурное развитіе нашего края и приносимъ нашу искреннюю признательность за то, что вы избрали Харьковъ мѣстомъ вашихъ совѣщаній.

Полнаго и блистательнаго успѣха отъ всей души желаемъ мы XII археологическому съѣзду".

Затѣмъ отъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности привѣтствовалъ съѣздъ исполн. обязан. предсѣдателя правленія Общества В. М. Козловъ:

„Изученіе доисторической старины и памятниковъ отечественной исторіи является однимъ изъ существенныхъ условій для развитія народнаго самосознанія и просвѣщенія. Мы вправѣ разсматривать археологію въ широкомъ смыслѣ слова, какъ необходимую основу для правильной научной оцѣнки процесса развитія: безъ знанія прошедшаго въ исторіи страны и народа нельзя уразумѣть настоящаго строя его и уяснить путь для дальнѣйшаго движенія. Харьковское Общество грамотности, преслѣдуя народопросвѣтительныя цѣли и высоко цѣня задачи и значеніе археологическаго съѣзда, въ особенности въ

интересахъ мѣстнаго края, считаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать XII археологическій съѣздъ. съ пожеланіемъ успѣховъ его начинаніямъ".

Предсѣдатель Историко-Филологическаго Общества проф. Н. Ѳ. Сумцовъ привѣтствовалъ съѣздъ отъ имени Общества. Указавъ на сходство научныхъ интересовъ и цѣлей съѣзда и Общества, на участіе членовъ Общества въ работахъ предварительнаго комитета, проф. Сумцовъ выразилъ пожеланія успѣшной дѣятельности, причемъ замѣтилъ, что Историко-филологическое Общество и доброжательный его патронъ, Харьковскій Университетъ, будутъ, благодаря съѣзду, въ выигрышѣ, въ смыслѣ расширенія круга мѣстныхъ научныхъ интересовъ и обогащенія памятниками старины и предметами современнаго народнаго быта.

Въ заключеніе привѣтствовалъ съѣздъ отъ имени Харьковскаго статистическаго комитета, секретарь его, В. В. Ивановъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принесъ съѣзду въ даръ альбомъ древнихъ картъ и плановъ Харьковскаго края, составленныхъ комитетомъ по порученію бывшаго Харьковскаго губернатора, нынѣ сенатора Г. А. Тобизенъ.

Затѣмъ предсѣдатель московскаго Предварительнаго Комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, гр. П. С. Уварова прочла отчетъ о дѣятельности названнаго комитета.

Отчетъ прежде всего объясняетъ причины, почему въ Харьковѣ *впервые* собирается археологическій съѣздъ, не смотря на то, что эти съѣзды существуютъ уже 33 года (первый съѣздъ состоялся въ 1869 году въ Москвѣ) и что честь принимать ихъ у себя выпадала четыре раза не университетскимъ городамъ: Тифлису, Ярославлю, Вильнѣ и Ригѣ. До VI съѣзда въ Одессѣ харьковскій университетъ и его представители не находили возможнымъ или желательнымъ приглашать съѣздъ въ Харьковъ. Но на VI съѣздѣ (въ 1884 г.) такое приглашеніе послѣдовало и мѣстомъ VII съѣзда (въ 1887 г.) былъ назначенъ Харьковъ.

Но въ декабрѣ 1884 г. скончался основатель и руководитель русскихъ археологическихъ съѣздовъ графъ А. С. Уваровъ, и Московское археологическое Общество, получившее въ наслѣдіе отъ него труды по устройству VII съѣзда, опасалось начинать, перешедшее къ нему отъ покойнаго графа, дѣло съ Харькова, который, какъ всѣмъ казалось, не представлялъ интереса въ археологическомъ отношеніи, а между тѣмъ требовалъ особыхъ усилій для осуществленія съѣзда и устраиваемой при немъ археологичиеской выставки. Поэтому VII съѣздъ былъ перенесенъ въ богатый архитектурными и иконографическими древностями

Ярославль. VIII съѣздъ созванъ былъ въ Москвѣ, такъ какъ годъ его созыва совпадалъ съ 25-лѣтіемъ Московскаго археолог. Общества; IX и X съѣзды, по Высочайшей волѣ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III, состоялись въ Вильнѣ и Ригѣ. XI съѣздъ былъ приглашенъ въ Кіевъ. Здѣсь были получены просьбы отъ харьковскихъ: губернатора, попечителя округа, ректора университета, городской думы и губернскаго земства, чтобы слѣдующій съѣздъ состоялся въ Харьковѣ. Приглашеніе это съ удовольствіемъ было принято Кіевскимъ съѣздомъ.

Въ январѣ 1900 г. въ Москвѣ собрался Предварительный Комитетъ по выработкѣ правилъ Харьковскаго Съѣзда и устройству его. Съ первыхъ же засѣданій Комитета выяснилась крайне благопріятная особенность съѣзда, чуждая доселѣ чисто русскимъ городамъ,—именно горячее участіе городского управленія. Оно не только *первое* выразило желаніе принять съѣздъ, но и командировало своихъ представителей, (въ томъ числѣ покойнаго В. П. Щелкова), для участія въ занятіяхъ Предв. Комитета. Такое-же желаніе содѣйствовать устройству съѣзда выразилъ Харьковскій университетъ и ист.-филолог. при немъ Общество.

По предложенію проф. В. О. Ключевскаго и Д. И. Багалѣя, указавшихъ на важность изученія мало изслѣдованной мѣстности, входящей въ составъ Харьковской и прилегающихъ къ ней губерній и извѣстной въ русской исторіи подъ названіемъ *Половецкой степи*,—намѣчена была слѣдующая задача Предв. Комитета: 1) произвести систематическія изслѣдованія губерній: Харьковской, Курской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, сѣверной части Таврической и областей Донской и Кубанской, 2) собрать бытовые предметы того-же района для характеристики историческаго прошлаго Старой Малороссіи, Слободской Украины, Запорожья и ихъ наслѣдниковъ: Новороссіи, Войскъ Донского и Кубанскаго; 3) выяснить вопросъ о погребеніи кочевниковъ, 4) обслѣдовать городища Донецкаго бассейна, обративъ особое вниманіе на городище Донецъ, гдѣ, по лѣтописямъ, остановился князь Игорь Святославичъ, предслѣдуемый половцами, 5) совершить экскурсіи для изученія церковныхъ древностей въ вышеупомянутомъ районѣ, 6) обслѣдовать и изучить археографически хотя бы только Харьковскую и Полтавскую губерніи, 7) продолжать изслѣдованіе Зарѣцкаго въ Богодуховскомъ уѣздѣ и изслѣдованіе неолитической стоянки; 8) выяснить и обслѣдовать Бѣлгородскую черту и Украинскую линію и 9) составить археологическія карты Харьковской, Воронежской, Курской, Орловской, Полтавской, Черниговской губерній и Кубанской области.

Выработанныя Предв. Комитетомъ правила XII съѣзда утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія 15 апрѣля 1900 г. послѣ чего при совѣтѣ харьковскаго университета было сформировано отдѣленіе Предв. Комитета. Какъ университетъ, такъ и историко-филол. Общество принимало самое дѣятельное и живое участіе въ работахъ по устройству XII съѣзда и собранію матеріаловъ для него. Подобное серьезное и дружное отношеніе къ съѣзду, впрочемъ, проявили въ Харьковѣ не только ученое сословіе, но и всѣ власти, городъ и губернское земство.

Роль Императ. Моск. Археол. Общества и образовавшагося при немъ Предв. Комитета состояла въ слѣдующемъ: 1) Исполненіе постановленій кіевскаго съѣзда о разныхъ ходатайствахъ. 2) Печатаніе трудовъ этого съѣзда. 3) Осуществленіе программы, намѣченной для XII Археологическаго съѣзда. 4) Устройство выставки при XII Археологическомъ съѣздѣ.

По первому отдѣлу достигнутъ очень слабый успѣхъ. Ходатайство объ архивной организаціи не получило движенія. Въ опредѣленіи денежной субсидіи архивнымъ коммиссіямъ отказано. Осуществленіе русскаго археолог. института въ Римѣ не состоялось въ виду желанія правительства сначала обезпечить средствами открытый уже константинопольскій институтъ. Ходатайство передъ Академіей Наукъ объ изданіи, съ русскимъ переводомъ, серіи классическихъ, византійскихъ и арабскихъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ, осталось безъ отвѣта. По ходатайству объ открытіи въ университетахъ кафедръ археологіи покойный Н. П. Боголѣповъ просилъ не торопить его и оставить этотъ вопросъ открытымъ до пересмотра университетскаго устава. Ходатайство объ основаніи въ Варшавѣ археол. общества нашло отчасти удовлетвореніе въ основаніи при варшавск. университетѣ „Общества исторіи, филологіи и права“, въ задачи котораго входитъ и разработка научныхъ вопросовъ по археологіи. Ходатайство объ огражденіи отъ самовольныхъ раскопокъ и разграбленія древней Ольвіи поручено исполнить Импер. археол. коммиссіи; послѣдняя вошла поэтому поводу въ соглашеніе съ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, какъ ближайшимъ къ Ольвіи ученымъ центромъ.

Вторая задача выставки исполнена: Труды кіевскаго съѣзда напечатаны въ 2 обширныхъ томахъ. Нѣкоторые рефераты не вошли въ „Труды“, такъ какъ не получены редакціей, несмотря на то, что печатаніе трудовъ съ умысломъ затягивалось; рефераты эти, главнымъ образомъ, принадлежатъ кіевлянамъ.

По третьей задачѣ комитетъ постановилъ:

1) Обратиться во всѣ губерніи, которыя предполагалось изучать, и постараться заинтересовать дѣломъ съѣзда и собираніемъ для него свѣдѣній и матеріаловъ.

2) Собрать свѣдѣнія о частныхъ коллекціяхъ древностей.

3) Постараться получить денежныя пожертвованія для устройства выставокъ.

4) Снарядить экспедиціи съ археологическими цѣлями.

5) Выбрать изъ столичныхъ архивовъ дѣла и матеріалы, касающіеся исторіи Малороссіи и Слободской Украйны.

Далѣе отчетъ излагаетъ результаты, которые дали труды Предварительнаго Комитета по каждому изъ перечисленныхъ пунктовъ.

Отчетъ свидѣтельствуетъ о томъ горячемъ сочувствіи, которое встрѣчалъ призывъ комитета вездѣ: у ученыхъ, въ ученыхъ обществахъ, у представителей власти, въ земствахъ, въ городскомъ управленіи, у частныхъ интеллигентныхъ лицъ: духовенства, землевладѣльцевъ, народныхъ учителей и т. д.

Затѣмъ проф. Д. И. Багалѣй прочелъ отчетъ харьковскаго отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда.

Въ отчетѣ прежде всего указывалось, что вообще тяжелыя подготовительныя къ археологическимъ съѣздамъ работы въ данномъ случаѣ усложнялись еще тѣмъ, что Харьковъ не имѣлъ почти никакихъ коллекцій древностей и Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи представляла terram incognitam. Къ работѣ необходимо было привлечь всѣ живыя научныя общественныя силы мѣстнаго раіона. Эту задачу могъ выполнить только харьковскій университетъ съ учеными силами всѣхъ его факультетовъ, и съ состоящими при немъ учеными Обществами. Только подъ авторитетной эгидою университета Харьковскій Предварительный Комитетъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ его преподавателей, и могъ выполнить свою нелегкую задачу.

Работа комитета продолжалась ровно $2^1/_2$ года, въ теченіи которыхъ было 24 засѣданія; предсѣдателемъ комитета состоялъ по избранію проф. Д. И. Багалѣй, секретаремъ и казначеемъ проф. Е. К. Рѣдинъ.

Къ дѣятельности комитета, кромѣ нѣкоторыхъ иногородныхъ и мѣстныхъ дѣятелей, было привлечено большинство членовъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, такъ что дѣятельность послѣдняго перешла въ дѣятельность предварительнаго комитета. Мѣстныхъ членовъ предварительнаго комитета было 62, въ томъ числѣ 38 преподавателей Харьков-

скаго университета; кромѣ того, состояло членами 22 иногороднія лица.

Комитетъ, выработавъ программу по собиранію древностей и свѣдѣній о нихъ, озаботился самымъ широкимъ распространеніемъ этой программы. На разосланныя комитетомъ программы поступило болѣе тысячи отвѣтовъ. Не довольствуясь мѣстнымъ раіономъ, комитетъ вошелъ въ сношенія съ комитетами и коммиссіями, образованными для подготовки съѣзда, въ Нѣжинѣ, въ Новочеркаскѣ, въ Екатеринодарѣ, Курскѣ, Полтавѣ, Воронежѣ и Екатеринославѣ. Съ комитетами были установлены личныя сношенія и даны имъ указанія, а также оказана денежная помощь.

Помимо собиранія свѣдѣній, харьковскій комитетъ озаботился устройствомъ экскурсій для собиранія матеріаловъ и производства раскопокъ, при чемъ особенно цѣнныя указанія были даны Несторомъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ, профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, специально для этого пріѣзжавшимъ въ Харьковъ.

Были совершены экскурсіи: 1) Для раскопокъ и изслѣдованій первобытныхъ древностей въ Купянскій, Ахтырскій, Волчанскій, Зміевскій, Изюмскій и Валковскій уѣзды Харьковской губ. и Невельскій уѣздъ Витебской губ. 2) Для собиранія этнографическихъ коллекцій были командированы члены комитета въ Харьковскій, Ахтырскій, Лебединскій, Старобѣльскій, Зміевскій, Волчанскій, Изюмскій уѣзды, въ Екатеринославскую и Курскую губерніи. 3) Для собиранія памятниковъ письменности изслѣдовались архивы Харьковской и Курской губ. и тамъ же изслѣдовались церковныя древности.

На первомъ мѣстѣ занятій комитета стоялъ вопросъ о выставкахъ. На призывъ комитета откликнулись всѣ слои общества, особенно много предметовъ поступило отъ духовенства на церковную выставку.

Съ особеннымъ сочувствіемъ къ собиранію памятниковъ церковной старины въ предѣлахъ Харьковской епархіи отнесся покойный архіепископъ Амвросій. Отозвались на призывъ комитета извѣстныя центральныя и областныя ученыя учрежденія и хранилища. Много предметовъ на выставки поступило и отъ частныхъ лицъ.

Этнографическій отдѣлъ, какъ органическая часть археологической выставки, является теперь впервые на харьковскомъ съѣздѣ; устроенъ онъ предварительнымъ комитетомъ, на средства южныхъ земствъ.

Новинкою является также присутствіе на выставкѣ (въ

историческомъ и этнографическомъ отдѣлахъ) картинъ соотвѣтствующаго содержанія.

Разнообразная научная дѣятельность комитета нашла себѣ выраженіе въ его печатныхъ трудахъ, изданныхъ къ съѣзду, какъ то: каталогъ всѣхъ отдѣловъ выставки, затѣмъ слѣдуютъ два тома ,,Трудовъ харьковскаго предварительнаго комитета". Кромѣ того, комитетомъ выпущено нѣсколько отдѣльныхъ изданій.

Наконецъ, комитетъ принялъ мѣры къ возможно лучшему пріему гостей археологовъ: позаботился объ ихъ помѣщеніи, напечаталъ для нихъ „справочный указатель", болѣе же обстоятельныя свѣдѣнія находятся въ изданномъ г. Гусевымъ къ съѣзду „Иллюстрированномъ путеводителѣ по Харькову".

На подготовительныя работы Московскимъ археологическимъ Обществомъ было отпущено около 8,000 р. Кромѣ того, получено отъ харьковскаго университета до 3,000 р., отъ харьковскаго историко-филологическаго Общества болѣе 1,200 р., отъ харьковскаго городского управленія 3,000 р., харьковскаго губернскаго земства 2,500 р., екатеринославскаго и полтавскаго губернскаго земствъ и отъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ Харьковской, Полтавской и Курской губерніи. П. И. Харитоненко принялъ на свой счетъ раскопки, стоющія около 1,000 р., Е. М. Духовской то-же до 300 р.; были и другія частныя пожертвованія, болѣе мелкія.

Всего пожертвованій поступило до 14,000 рублей.

Пр. Багалѣй выразилъ надежду, что коллекціи съ выставокъ останутся въ Харьковѣ въ музеѣ древностей и во вновь основанномъ мѣстномъ этнографическомъ музеѣ при университетѣ.

Заканчивая свой отчетъ, проф. Д. И. Багалѣй сказалъ:

„Только благодаря этому всеобщему сочувствію, мы и могли сдѣлать то, что сдѣлали.

Сочувствіе мѣстнаго общества къ харьковскому университету не является чѣмъ то случайнымъ: нашъ университетъ возникъ, благодаря матеріальнымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ всѣми слоями общества, подвинутаго къ тому незабвеннымъ В. Н. Каразинымъ. И съ того момента почти цѣлое столѣтіе связь университета съ обществомъ не прерывалась: она пріобрѣла характеръ устойчивой традиціи, усиливавшейся въ одни моменты, нѣсколько ослабѣвавшей въ другіе. На нынѣшнюю помощь и содѣйствіе общества мы позволяемъ себѣ смотрѣть, какъ на интенсивное проявленіе этой традиціи, вызванное потребностью даннаго момента. Харьковскій университетъ до сихъ поръ сравнительно мало занимался археологическими и этно-

графическими изслѣдованіями края, хотя и здѣсь нѣкоторая преемственность существовала: В. Н. Каразинъ, ректоръ Рижскій, проф. Успенскій, Аристовъ, Морозовъ, знаменитый лингвистъ и этнографъ А. А. Потебня поддерживали эту нить—и вотъ теперь, когда, благодаря устройству съѣзда въ Харьковѣ, явилась возможность произвести эти изслѣдованія въ широкихъ размѣрахъ, оказались на лицо и ученыя силы, и матеріальныя средства, и поддержка общества.

Да будетъ же вѣчно прославляемо въ лѣтописяхъ русской археологіи, исторіи и этнографіи память незабвеннаго иниціатора русскихъ археологическихъ съѣздовъ гр. А. С. Уварова, придавшаго имъ жизненный характеръ, и да здравствуетъ на многія, многія лѣта его достоуважаемая супруга, предсѣдатель Императорскаго Московскаго археологическаго Общества графиня П. С. Уварова, продолжающая съ честью, необычайной энергіей и успѣхомъ дѣло своего супруга".

Засимъ были прочтены телеграфныя и письменныя привѣтствія, полученныя съѣздомъ отъ слѣдующихъ лицъ и учрежденій:

Отъ предсѣдателя Старобѣльской уѣздной земской управы Струкова, отъ дѣлопроизводителя Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—С. С. Слуцкаго, отъ проф. Д. А. Корсакова—изъ Казани, отъ ген.-лейт. Случевскаго—изъ Чугуева, отъ С. Л. Пташицкаго, и А. С. Раевскаго—изъ Петербурга, академика В. В. Суслова—изъ Эмса, отъ о. Паевскаго, отъ проф. Д. Н. Анучина—изъ Кисловодска, отъ М. А. Русова, отъ В. К. Трутовскаго, отъ проф. Гаусмана, отъ Л. З. Мсеріанца, и пр. Л. Нидерле—изъ Праги.

Затѣмъ Предсѣдатель сообщилъ о томъ, что XII археологическому съѣзду посвящены слѣдующія изданія:

Профессоромъ Л. Нидерле—„Славянскія Древности".

Пр. А. С. Лебедевымъ—„Біографіи Бѣлгородскихъ архіереевъ".

Л. М. Савеловымъ—„Донскіе дворянскіе роды".

Д. И. Иловайскимъ—„Дополнительная полемика по варяго-русскому и гунскому вопросамъ".

Воронежскимъ церковно-археологическимъ комитетомъ—„Воронежская старина".

Воронежской ученой архивной коммиссіей—выпускъ первый „Трудовъ Коммиссіи".

Г. Гусевымъ—Иллюстрированный путеводитель по гор. Харькову.

Въ заключеніе секретаремъ съѣзда Ю. В. Готье были доложены результаты выборовъ, произведенныхъ наканунѣ, въ вечернемъ засѣданіи совѣта съѣзда, послѣ чего засѣданіе было объявлено закрытымъ въ 4 часа дня.

По закрытіи засѣданія предсѣдателемъ, членами съѣзда и почетными гостями были осмотрѣны устроенныя къ съѣзду выставки.

II.

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера, въ гостинницѣ Просперъ, въ помѣщеніи, занимаемомъ графиней П. С. Уваровой, состоялось подъ предсѣдательствомъ профессора Д. И. Багалѣя, засѣданіе ученаго комитета XII археологическаго съѣзда. Въ засѣданіи этомъ была выработана слѣдующая программа ученыхъ занятій съѣзда на 16, 17 и 18 августа.

Засѣданія.

16 августа.

11 час. утра.

I. Отдѣлъ первобытныхъ древностей.

Почетный предсѣдатель: пр. В. Б. Антоновичъ.
Предсѣдатель отдѣленія: пр. Н. И. Веселовскій.
Секретари отдѣленія: В. М. Сысоевъ, А. А. Мироновъ и Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

Доклады.

1. В. А. Городцова. Погребеніе съ конемъ въ Европейской Россіи.
2. В. В. Хвойко. Городища Приднѣпровья; ихъ значеніе, древность и національность.

8 час. вечера.

IV. Отдѣленіе быта хозяйственнаго, общественнаго, домашняго, юридическаго и военнаго.

Почетный предсѣдатель попечитель Харьковскаго учебнаго округа М. М. Алексѣенко.
Предсѣдатель отдѣленія: пр. Д. И. Багалѣй
Секретарь отдѣленія: В. И. Савва.

Доклады.

1. В. Н. Поливанова. Очеркъ казачьей колонизации въ Симбирскомъ Поволжьѣ.
2 Х. И. Попова. Краткій историческій очеркъ казачихъ поселеній на Дону.

---

17 августа.

Засѣданія.

10 часовъ утра.

II Отдѣленіе древностей историко-географических и этнографическихъ.

Почетный предсѣдатель: А. И. Маркевичъ.
Предсѣдатель отдѣленія: пр. Н. Ѳ. Сумцовъ.
Секретари отдѣленія: В. В. Каллашъ и А. В. Пѣтуховъ.

Доклады.

1. Пр. А. Н. Краснова: Эволюція крестьянскихъ построекъ Харьковской губерніи.

2. Л. В. Падалки: Что сказалъ народъ Полтавской губерніи относительно своего быта.

3. Е. П. Радаковой: Этнографическая экскурсія въ Екатеринославской губерніи.

---

8 часовъ вечера.

V. Отдѣленіе древностей церковныхъ.

Почетный предсѣдатель: проф. С. Ѳ. Платоновъ.
Предсѣдатель отдѣленія проф. Н. В. Покровскій.
Секретари отдѣленія: А. А. Завьяловъ и А. А. Мироновъ.

Доклады.

1. Н. И. Троицкаго: Древнѣйшій храмъ Херсонеса Таврическаго въ раскопкахъ послѣдняго времени.

2. А. С. Хаханова: Къ вопросу объ исправленіи грузинскаго текста Священнаго Писанія.

---

18 августа.

Поѣздка на Донецкое городище. Отъѣздъ съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги въ 9 ч. 10 м. утра.

Послѣ этого секретаремъ ученаго комитета былъ избранъ А. М. Покровскій, а секретаремъ отдѣленія памятниковъ славянскихъ—А. Л. Липовскій.

ИЗВѢСТІЯ

XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА ВЪ ХАРЬКОВѢ.

№ 5. 15—27 Августа 1902 г. **№ 5.**

17 Августа.

Въ 10 час. утра.

Засѣданіе секціи древностей историко-георафических и этнографичесихъ.

Почетный Предсѣдатель: проф. А. И. Маркевичъ.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.
Секретари отдѣленія: В. В. Каллашъ и А. В. Ветуховъ.

Засѣданіе открылось рѣчью почетнаго предсѣдателя проф. А. И. Маркевича,

Милостивыя государыни и Милостивыя государи!

Позвольте мнѣ прежде всего принести благодарность Ученому Комитету Съѣзда, почтившему меня предсѣдательствованіемъ въ настоящемъ собраніи; честь эту я приписываю, не моимъ болѣе чѣмъ скромнымъ, экскурсамъ въ области южнорусской, и преимущественно новороссійской этнографіи, а вниманію Комитета къ тѣмъ ученымъ Одесскимъ учрежденіямъ, представителемъ которыхъ я здѣсь являюсь и этнографическая работа коихъ въ послѣднее время имѣетъ серьезное значеніе.

Мнѣ тѣмъ пріятнѣе заявить свою благодарность, что, какъ историкъ Новороссіи, и въ частности г. Одессы, я не могу не знать, чѣмъ нашъ край и нашъ городъ обязанъ г. Харькову.

Когда Новороссія, послѣ многовѣковаго отдѣленія отъ Руси, снова возсоединилась съ ней и требовалось насажденіе въ новомъ краѣ культуры и національнаго сомосознанія, то, хотя первыя попытки въ этомъ отношеніи сдѣланы были въ концѣ XVIII в. при Императрицѣ Екатеринѣ II и при Потемкинѣ, но они были и слабы и недостаточно систематичны, и лишь съ

начала XIX в., когда за культурную миссію въ Новороссійскомъ краѣ взялись Харьковскій учебный округъ и Харьковскій университетъ, дѣло ея поставлено было на правильный путь и потому могло дать плодотворные результаты. Хорошо извѣстны заботы харьковскаго попечителя гр. С. Потоцкаго и харьковскихъ профессоровъ: Рижскаго, Дюгурова, Стойковича и др., образы которыхъ недавно такъ художественно возсозданы перомъ проф. Багалѣя о первыхъ учебныхъ заведеніяхъ нашего края и преимущественно Одессы, приведшихъ къ учрежденію здѣсь лицея, жизнь котораго вначалѣ долго связана была съ жизнью Харьковскаго университета. И позже этотъ университетъ далъ Одессѣ не мало и теоретическихъ и практическихъ дѣятелей; припомнимъ напр. хотя бы профессора сперва Харьковскаго, затѣмъ Новороссійскаго университета, вице-президента Императ. Одесск. Общ. Ист. и Древностей, виднаго археолога В. Н. Юргевича затѣмъ воспитанниковъ Харьковскаго университета, извѣстнаго нумизмата П. О. Бурачкова и т. д. Конечно, въ настоящее время Одесса развилась въ самостоятельный и притомъ весьма оригинальный культурный центръ, но она навсегда сохранитъ уваженіе къ г. Харькову, какъ хотя и взрослая уже сестра къ своему старшему брату, заботамъ котораго она обязана въ значительной мѣрѣ своимъ образованіемъ.

Особенно большою честью считаю для себя предсѣдательствованіе въ секціи этнографіи, такъ какъ Харьковъ всегда въ XIX в. былъ важнѣйшимъ русскимъ центромъ, гдѣ она была изучаема. Издавна здѣсь работалъ Артемовскій, здѣсь писалъ Квитка-Основьяненко пана Халявского и другія произведенія, полныя глубокаго этнографическаго интереса; отсюда вышли И. И. Срезневскій, В. И. Григоровичъ; послѣдній—знаменитый славянскій архиваріусъ—былъ въ душѣ страстнымъ южно-русскимъ этнографомъ, что сказывалось въ тѣхъ наставленіяхъ, и порученіяхъ, которыя онъ постоянно давалъ намъ, своимъ ученикамъ. Изъ Харькова вышелъ и замѣчательнѣйшій русскій этнографъ Н. И. Костомаровъ, знанія которого въ южно-русской этнографіи были такъ положительны, что люди, уже не видѣвшіе его, не повѣрятъ возможности совмѣщенія ихъ въ одномъ лицѣ и наши разсказы объ этомъ станутъ считать апокрифическими! Далѣе, въ Харьковѣ трудились Метлинскій и Корсунъ, а въ послѣднее время знаменитый проф. Потебня, здѣсь работаютъ и нынѣ такіе знатоки народнаго быта, какъ г. и г-жа Ефименко;—фольклора, какъ проф. Сумцовъ и Халанскій;—собиратели памятниковъ народной словесности, какъ Ивановъ. Этнографическій отдѣлъ, составляющій украшеніе выставки при настоящемъ съѣздѣ,

собранъ дружиною Харьковскихъ этнографовъ,—между прочимъ и тѣхъ, рефераты которыхъ будутъ доложены въ настоящемъ засѣданіи.

Какъ давняго участника Археологическихъ съѣздовъ, меня особенно радуетъ то значеніе, которое придано на настоящемъ съѣздѣ этнографіи края, т. е. съѣзду приданъ краевой характеръ. Къ этому всегда стремились первоначальные главные дѣятели съѣзда какъ уже скончавшіеся: Гр. Уваровъ, Калачовъ и др., такъ и нынѣ еще работающіе, напр. проф. Антоновичъ. Они понимали то, что какъ ни пріятно, какъ ни поучительно иногда прослушать на съѣздѣ рефератъ крупнаго ученаго, хотя бы даже и Костомарова, но въ сущности трудъ этотъ, если бы онъ даже и не появился на съѣздѣ своевременно будетъ напечатанъ и всякому болѣе и менѣе доступенъ и потому гораздо важнѣе привлечь къ дѣлу скромныя краевыя силы, которыя внѣ съѣздовъ, можетъ быть, не имѣли бы ни случая, ни смѣлости проявиться. Не могу не вспомнить при этомъ того выдающагося такта, какой въ подобныхъ случаяхъ проявлялъ именно гр. Уваровъ. Бывало слушаемъ длинный и скучный рефератъ; жара удручающая, а отъ скуки температура кажется еще градуса на два выше; помѣщеніе, какъ и вообще въ нашихъ университетахъ, въ чемъ могъ убѣдиться и настоящій съѣздъ, таково, что можно пожелать, чтобы оно поскорѣе стало предметомъ лишь археологическаго изученія, а вовсе не было „живою стариною". Референтъ читаетъ исторію какого либо села или храма, обычно украшая докладъ всею тяжелою артиллеріей скиѳовъ, сарматовъ, роксолановъ и другихъ, безпаспортныхъ народовъ, затѣмъ, приводя историческія свѣдѣнія, хорошо извѣстныя всякому изъ учебниковъ, и наконецъ нагромождая кучи деталей, въ сущности мало итересныхъ, но дорогихъ доклачику по тому труду, съ которымъ онъ ихъ добылъ: онъ вложилъ въ нихъ всю душу. Рефератъ оконченъ публика едвали не болѣе всего довольная этимъ, награждаетъ доклачика аплодисментами. И въ то время, какъ онъ самъ еще не можетъ разобраться въ впечатлѣніи, получившемся отъ его реферата— подымается Гр. Уваровъ, заявляетъ, что онъ съ большимъ вниманіемъ прослушалъ этотъ интересный рефератъ, и тутъ же немедленно выловитъ и подчеркнетъ дѣйствительный интересъ реферата, и опредѣлить его значеніе. Окрыленный этой столь авторитетной похвалой докладчикъ навсегда записывается въ ряды полезныхъ мѣстныхъ археологовъ.

Такимъ воспитательнымъ отношеніемъ къ мѣстнымъ ученымъ съѣзды наши дѣйствительно пріобрѣли громад-

ное краевое значеніе, и я не имѣю основанія сомнѣваться, что такую же роль сыграетъ и настоящій съѣздъ, въ которомъ на мою долю выпадаетъ честь открыть первое засѣданіе этнографической секціи, т. е. нажать пружину, которая хотя бы только внѣшнимъ образомъ заставитъ работать, зашумѣть, задвигаться всѣ хорошо уже приготовленныя къ своей работѣ орудія. Еще разъ принося глубокую признательность ученому комитету за оказанную мнѣ честь, я и нажимаю теперь эту пружину—объявляю первое засѣданіе этнографической секціи съѣзда открытымъ и прошу гг. членовъ съѣзда выслушать собщеніе профессора А. Н. Краснова: „Эволюція крестьянскихъ построекъ въ Харьковской губерніи,“ которое уже самымъ названіемъ своимъ возбуждаетъ живѣйшій интересъ.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на разнообразіе научныхъ интересовъ проф. Маркевича и въ особенности на его живое вниманіе къ изученіямъ мѣстной старины и этнографіи.

I. Затѣмъ проф. А. Н. Красновъ сдѣлалъ сообщеніе объ **Эволюціи жилища и одежды крестьянъ ближайшихъ окрестностей г. Харькова**. Собирая предметы для этнографической выставки по порученію предварительнаго комитета, онъ обслѣдовалъ Харьковскій и части прилегающихъ къ нему уѣздовъ, населенныя преимущественно малороссами, среди которыхъ вкраплены острова великорусовъ. Докладчикъ обратилъ вниманіе на то, что Великороссія всецѣло переняла отъ Малороссіи характеръ построекъ и ихъ группировку, тогда какъ хаты малороссійскія сильно измѣнились и прогрессировали за послѣднее столѣтіе. Сравнивая старинныя постройки съ современными, онъ рядомъ примѣровъ, иллюстрированныхъ фотографіями, показалъ, какъ изъ первоначальной хаты съ маленькими оконцами и сѣнями, топящейся по черному, путемъ усложненія отдѣльныхъ частей выработались домики о 4-хъ комнатахъ съ стекляною галереею и желѣзной 4-хъ скатной кровлей, являющейся теперь желаннымъ типомъ архитектуры у мѣстнаго крестьянства, къ которому оно стремится по мѣрѣ своего достатка. Этотъ новый типъ хатъ является строго національнымъ усовершенствованіемъ старинной хаты, и вся утварь и меблировка въ ней такимъ же образомъ выработана изъ отдѣльныхъ старинныхъ принадлежностей *первичной* хаты. Въ противоположность жилищу, одежда малороссійскаго населенія является крайне неустойчивой. За послѣднее полустолѣтіе мѣстное малорусское населеніе трижды измѣнило покрой своего платья, заимствуя его извнѣ и только слегка измѣняя его на свой ладъ. Въ этомъ отношеніи малороссы оказались

менѣе устойчивы, чѣмъ великороссы, не только сохранившіе, свой національный покрой, но въ отдѣльныхъ островкахъ своихъ разбросанныхъ, изолированныхъ малороссами поселеній успѣвшіе выработать мѣстные своебразные варьянты его. Тѣмъ не менѣе національный костюмъ и здѣсь постепенно утрачивается, уступая мѣсто моднымъ городскимъ пиджакамъ, пальто и кофтамъ, на которыхъ лишь въ слабой степени отражается національный вкусъ обѣихъ народностсй.

Въ обсужденіи доклада проф. Краснова приняли участіе слѣдующія лица:

1. Л. И. Панфиловъ поставилъ вопросъ о причинахъ появленія маленькаго окна надъ такъ называемымъ „пиломъ".

2. М. Ѳ. Пискуновъ небольшіе размѣры оконъ ставилъ въ связь съ несовершенствами отопленія и боязнью быстраго охлажденія.

3. Г. Стрижевскій указалъ на неодинаковость стеколъ въ первобытной малороссійской хатѣ и на сохраненіе первобытныхъ типовъ обстановки хаты и планировки двора въ селѣ Токаряхъ Лохвицкаго уѣзда.

4. Проф. В. Н. Мочульскій находилъ, что не всѣ стороны эволюціи хаты выяснены докладчикомъ, напр. эволюціи печи и очага, на что проф. Красновъ возразилъ, что онъ имѣлъ въ виду не эволюцію малорус. хаты вообще, а ея эволюцію лишь въ данномъ районѣ.

5. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на возможность нѣмецкаго вліянія на малорус. хату, если судить по такимъ названіямъ, какъ „ганокъ", „дахъ", „шибка", которыя, по всей вѣроятности, указываютъ на бытовое заимствованіе.

6. Л. И. Панфиловъ указалъ на то, что въ старыя времена маленькое оконце надъ „пиломъ" служило для подачи милостыни нищимъ.

7. Проф. Е. Ѳ. Карскій находилъ недостаточной археологическую обстановку реферата,—въ Харьков. краѣ, гдѣ населеніе появилось сравнительно недавно; его нельзя разсматривать отдѣльно, а надо поставить въ связь съ тѣми мѣстами, откуда оно пришло; принять во вниманіе новыя условія климата; воспользоваться старинными лицевыми рукописями, которыя даютъ богатый матеріалъ для изученія древнихъ формъ одежды и жилища. Въ частности нѣмецкія названія частей малор. хаты объясняются бѣлорусскимъ и польскимъ посредничествомъ. Къ послѣднему мнѣнію присоединился и проф. Ю. А. Кулаковскій, на что проф. Сумцовъ замѣтилъ, что можно говорить и объ обратномъ вліяніи—малороссовъ на бѣлоруссовъ.

8. Проф. И. А. Линниченко считаетъ нѣмецкое вліяніе болѣе раннимъ, чѣмъ польское, и ставитъ его въ связь съ появленіемъ въ южной Руси нѣмецкихъ колоній и съ значительнымъ распространеніемъ магдебургскаго права.

9. В. Е. Данилевичъ задалъ вопросъ, не оказали ли вліянія на строй малор. хаты, изображаемой въ докладѣ, многочисленныя бѣлорусскія поселенія въ Харьковской губ. Слѣды такого вліянія проф. Красновъ кое-гдѣ наблюдалъ, но въ смѣшеніи съ разными другими формами, что вообще объясняется смѣшанностью населенія.

10. Г. Лопатинскій указалъ на то, что нѣкоторыя нѣмецкія названія частей хаты, какъ и самое названіе ея, перешли прямо въ Малороссію безъ польскаго посредства, напр. „груба".

11. Проф. А. И. Маркевичъ отмѣтилъ сложность этого вопроса и трудность пріуроченія вліяній къ опредѣленному времени.

12. Проф. Д. И. Багалѣй, по вопросу о вліяніяхъ, указалъ на точныя свидѣтельства историческихъ памятниковъ. Изъ документовъ о первоначальномъ заселеніи края, видно, что главная роль принадлежала здѣсь жителямъ Заднѣпровской Малороссіи, а потомъ уже Лѣвобережной Украйны; роль бѣлорусскаго элемента—ничтожна. Совокупность бытовыхъ чертъ, вынесенныхъ изъ первоначальной родины, носила даже въ московскихъ актахъ характерное названіе „старочеркасскихъ (т. е. малороссійскихъ) обыкностей". Переселенцы переносили съ собою не только обычаи, но и предметы обстановки. Слѣдовательно, и на первоначальный характеръ построекъ и одежды должны были оказать вліянія бытовыя черты, вынесенныя изъ первоначальнаго мѣстожительства.

13. Проф. Е. Ѳ. Карскій напомнилъ, что при обсужденіи вопроса о бѣлорусской колонизаціи и бѣлорусскомъ вліяніи не слѣдуетъ съуживать понятій и забывать напр. о томъ, что вся сѣверная часть Черниговщины, почти до Десны, заселена бѣлоруссами, которые въ старыхъ актахъ и не называются „литвинами".

14. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на то, что возможность непосредственнаго нѣмецкаго вліянія на малороссовъ допускалъ и А. А. Потебня.

15. Н. В. Чеховъ появленіе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ терминовъ въ малорусскомъ языкѣ ставитъ въ связь съ еврейскимъ вліяніемъ на малорусское населеніе.

16. Проф. И. А. Линниченко считаетъ случайнымъ выборъ проф. Красновымъ района для этнографическихъ изу-

ченій; больше результатовъ могли бы дать набюденія въ болѣе отдаленныхъ отъ центра глухихъ углахъ,—на что докладчикъ возразилъ, что близость къ центру далеко не всегда можетъ указывать на паденіе старой культуры, которое чаще всего опредѣляется вліяніемъ промышленности, развитіемъ кустарныхъ промысловъ и т. д.

17. Проф. А. И. Маркевичъ, въ виду разросшихся преній и достаточной выясненности вопроса, дальнѣйшее обсужденіе доклада прекратилъ

Затѣмъ заслушанъ былъ докладъ Е. П. Радаковой **„Этнографическая экскурсія по Екатеринославской губерніи“**. Его основныя положенія таковы: 1) Малорусское населеніе Екатеринославской губ. свои исконныя націон. особенности утеряло въ особенности въ костюмѣ и хозяйственномъ бытѣ. 2) Особенно сильное вліяніе на мѣстное населеніе оказалъ пришлый фабричный великорусскій элементъ. 3) Бытъ экономическій, въ особенности сельско-хозяйственный, подвергся сильному вліянію нѣмецкихъ колоній. 4) Меньше всего измѣнились и лучше всего сохранились въ своемъ первобытномъ видѣ домашній бытъ и домашній промыселъ. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ Новомосковскій и отчасти Славяносербскій уѣздъ.—Этнографическое изученіе всего этого района еще только начинается.

Нѣсколько замѣчаній по поводу доклада сдѣлано проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ. Онъ указалъ на то, что г. Радакова принимала живое участіе въ устройствѣ выставки. Вообще, по его мнѣнію, женщинѣ предстоитъ въ будущемъ большое значеніе въ дѣлѣ изученія этнографіи.

III. Докладъ Л. В. Падалки **„Что сказало населеніе Полтавской губерніи о своемъ бытѣ“** основанъ на сообщеніяхъ многочисленныхъ корреспондентовъ. 192 корреспондента высказалось по вопросамъ о совершающихся измѣненіяхъ въ области народнаго быта; въ томъ числѣ: казаки 25%, священники 20,7%, крестьяне 16,7%, народные учителя 15,2%, отставные солдаты 7,8%, дворяне 5,7%, волостные писаря 3,7%, прочіе 5,2%.

По сообщенію огромнаго большинства корреспондентовъ, основное населеніе Полтавской губ. не знаетъ своего собственнаго имени; повсемѣстно распространено лишь частное обозначеніе: козаки и мужики. Такъ и говоритъ населеніе въ дѣловомъ разговорѣ. Русскіе („руські“), по сообщенію корреспондентовъ, названіе—не соотвѣтствующее дѣйствительности, что и сознается населеніемъ; „хохлы“—насмѣшливое прозвище; малороссы—названіе книжное и мало знакомое народу. Мало-

россами называютъ себя только учившіеся въ школахъ. Спорадически встрѣчается названіе населенія—„запорожскимъ поколѣніемъ“. Наиболѣе распространено среди населенія названіе-прозвище „хохолъ“, часто принимаемое съ обидой, какъ бранное слово.

Сообщенія корреспондентовъ о племенномъ составѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что довольно разнообразные письменные элементы претворялись въ мѣстномъ населеніи сравнительно въ недавнее время.

Въ *жилищахъ* измѣненія происходятъ сравнительно медленно. Измѣненія происходятъ главнымъ образомъ у зажиточныхъ хозяевъ. Большинство же населенія продолжаетъ обстраиваться по старинному. Улучшеніе жилищъ выражается въ томъ, что строятъ ихъ болѣе просторными и свѣтлыми. Клуни являются постройками самаго поздняго образованія.

Въ *одеждѣ*—очень значительныя измѣненія, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ разныхъ измѣненій хозяйственныхъ условій населенія. Измѣненія—какъ въ матеріалѣ, такъ и въ покроѣ одежды. Широкія и просторныя одежды привольной старины замѣняются болѣе тѣсными и узкими. Достойными вниманія являются особенно нѣкоторые виды праздничной женской одежды. Особенная законченность и благородство формы—въ старинныхъ бѣлыхъ женскихъ свиткахъ.

Въ обрядахъ и обычаяхъ, исполняемыхъ теперь въ силу привычки и не всѣми, многія подробности уже изгладились. Болѣе живучи обряды, которые выполняются населеніемъ, какъ установленія, имѣющія не только личное, но и общественное значеніе. Выполненіе ихъ свидѣтельствуетъ о солидарности съ обществомъ и его установленіями.

Въ языкѣ и пѣсняхъ, по сообщеніямъ корреспондентовъ, измѣненія весьма значительны и почти повсемѣстны. Различны отношенія къ языку и пѣснямъ отцовъ и дѣтей, а также населенія грамотнаго и неграмотнаго, населенія, постоянно живущаго дома и уходящаго на дальніе заработки. Отъ стараго народнаго пѣснотворчества осталось очень мало.

Преданія старины въ области народнаго пѣсеннаго творчества все болѣе и болѣе слабѣютъ, національный типъ изглаживается, а между тѣмъ тогда только „людына и хороша, якъ вона на себе похожа“.

Въ виду поздняго времени пренія были отложены до слѣдующаго засѣданія.

Въ 2 часа дня.

Въ аудиторіи № 1 состоялось засѣданіе Совѣта Съѣзда подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, которая доложила собранію объ отказѣ проф. А. С. Лебедева отъ званія предсѣдателя отдѣленія археографіи. Совѣтъ съѣзда, за отказомъ проф. А. С. Лебедева, постановилъ просить пр. Ал. И. Маркевича принять на себя означенное званіе, на что послѣдній изъявилъ свое согласіе.

Затѣмъ Предсѣдателемъ былъ возбужденъ вопросъ о назначеніи особыхъ часовъ въ которые гг. члены съѣзда могли бы съ удобствомъ заниматься на выставкахъ съѣзда, т. к. многочисленные посѣтители этихъ выставокъ въ значительной степени затрудняютъ возможность пользованія научнымъ образомъ экспонатами выставки.

Совѣтъ постановилъ назначить для этой цѣли время отъ 9 до 11 час. утра и отъ 5 до 7 вечера, допуская осмотръ выставки посѣтителями отъ 11 до 1 и отъ 2 до 5 часовъ дня.

Далѣе, Предсѣдатель ученаго комитета съѣзда проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ о томъ, что управленіе Харьковскаго учебнаго округа предполагаетъ возбудить предъ съѣздомъ ходатайство о научномъ объясненіи учащимся экспонируемыхъ на выставкахъ съѣзда коллекцій, что несомнѣнно должно имѣть большое образовательное значеніе. Проф. Д. И. Багалѣй, Е. К. Рѣдинъ, А. М. Покровскій и Е. П. Трифильевъ выразили желаніе лично давать въ соотвѣтсственные часы разъясненія учащимся посѣщающимъ выставку.

Затѣмъ, въ виду большого количества поступающихъ для чтенія рефератовъ, Совѣтъ Съѣзда избралъ добавочнаго для 4-й секціи секретаря Е. П. Трифильева, и такъ какъ было выражено также желаніе имѣть еще одного секретаря ученаго комитета изъ мѣстныхъ жителей, то таковымъ былъ избранъ А. М. Покровскій.

Въ 7 час. вечера.

17 августа состоялось засѣданіе ученаго комитета XII археологическаго съѣзда подъ предсѣдательствомъ проф. Д. И. Багалѣя. Въ этомъ засѣданіи была выработана программа ученыхъ занятій съѣзда на 19 и 20 августа.

19 Августа (Понедѣльникъ).

10 час. утра.

Актовый залъ.

Секція VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія.

Почетный предсѣдатель: проф. Ю. А. Кулаковскій.
Предсѣдатель секціи: проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.
Секретари: М. А. Масловъ, Арс. П. Кадлубовскій, В. И. Савва.

Доклады:

1. Проф. В. П. Бузескулъ. Историческій процессъ съ точки зрѣнія греческихъ историковъ.
2. В. И. Савва. Выходъ византійскихъ и московскихъ царей въ праздникъ Рождества.

$1^1/_2$ час. дня.

Секція V. Древности церковныя.

Почетный предсѣдатель: проф. В. С. Иконниковъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. В. Покровскій.
Секретари: А. А. Мироновъ и А. А. Завьяловъ.

Доклады:

1. Проф. М. А. Остроумовъ. Къ вопросу о происхожденіи греческаго текста, послужившаго оригиналомъ для текста славянской печатной Кормчей.
2. Проф. А. П. Голубцовъ. О „мѣрѣ среди церкви“ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орлеца.
3. Д. В. Айналовъ. Даръ св. княгини Ольги въ ризницу церкви св. Софіи въ Царьградѣ.

7 час. вечера.

Секція II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель: проф. А. Н. Красновъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.
Секретари: В. В. Каллашъ, А. В. Ветуховъ.
Засѣданіе этнографической секціи съ участіемъ приглашенныхъ кобзарей, лирниковъ и артистовъ.

Доклады:

1. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Вступительная замѣтка о кобзаряхъ Харьковской губерніи.
2. И. М. Хоткевичъ. Нѣсколько словъ о кобзаряхъ и лирникахъ.
3. Музыкальное Отдѣленіе.

20 Августа (Вторникъ).

10 час. утра.

Актовый залъ.

Секція I. Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель: генер.-лейтен. Н. Е. Бранденбургъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. И. Веселовскій.
Секретари: Н. Ѳ. Бѣляшевскій, В. М. Сысоевъ, А. А. Мироновъ.

Доклады:

1. В. И. Сизовъ. Гончарное дѣло въ Гнѣздовскихъ курганахъ Смоленской губерніи.
2. Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ. Раскопки въ сѣв. Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о неолитическихъ поселеніяхъ съ керамикой до-микенскаго типа.
3. Проф. В. З. Завитневичъ. О культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ славянъ курганнаго періода.

2 часа дня.

Секція IV. Бытъ хозяйственный и домашній.

Почетный предсѣдатель: проф. Н. О. Куплеваскій.
Предсѣдатель секціи: проф. Д. И. Багалѣй.
Секретарь В. И. Савва.

1. А. Я. Ефименко. Литовско-русскіе данники и ихъ дани.
2. Л. В. Падалка. Историческая обстановка формированія стараго народнаго быта въ Полтавщинѣ.

въ 8 час. вечера.

Секція VI. Памятники языка и письма.

Почетный предсѣдатель: проф. Е. В. Пѣтуховъ.
Предсѣдатель секціи: Е. Ѳ. Карскій.
Секретари: А. Н. Кадлубовскій и Н. К. Грунскій.

Доклады:

1. П. К. Симони. Нѣсколько біографическихъ данныхъ о камеръ-гуслистѣ В. Ѳ. Трутовскомъ, уроженцѣ Харьковщины и библіографическія свѣдѣнія объ изданіи имъ 1-го русскаго нотнаго пѣсенника, съ пѣснями великорусскими и малорусскими, а также романсами.
2. Д. И. Абрамовичъ. Черты южно-русскаго домонгольскаго быта по даннымъ житійной литературы.
3. Н. С. Державинъ. Степенная книга, какъ литературный памятникъ.

---

8 час. вечера.

Засѣданіе древностей церковныхъ.

Почетный предсѣдатель: проф. С. Ѳ. Платоновъ.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Н. В. Покровскій.
Секретари отдѣленія: А. А. Завьяловъ и А. А. Мироновъ.

По открытіи засѣданія проф. С. Θ. Платоновымъ, проф. Н. В. Покровскій произнесъ слѣдующую рѣчь:

„При началѣ занятій отдѣленія церковныхъ древностей, считаю неизлишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно церковныхъ древностей Харьковскаго района. И эти замѣчанія считаю тѣмъ болѣе умѣстными, что гг. члены съѣзда, благодаря профессору Е. К. Рѣдину, имѣютъ предъ собою на выставкѣ собраніе церковныхъ древностей; собраніе обширное и разнообразное. Здѣсь находятся иконы, кресты, св. сосуды, вѣнцы, церковныя облаченія, рукописи, старопечатныя книги съ гравюрами, плащаницы и проч.

При первомъ знакомствѣ, все это разнообразіе предметовъ, привезенныхъ изъ разныхъ мѣстъ, не даетъ впечатлѣнія чего-либо однороднаго, не позволяетъ оріентироваться наблюдателю. Присматриваясь же внимательнѣе, мы находимъ, что всѣ эти памятники принадлежатъ одной эпохѣ—второй половинѣ XVII в. и XVIII вѣку, и въ этомъ получаютъ нѣкоторое обобщеніе; а затѣмъ, сближая эти памятники съ общими научными данными отмѣченнаго времени, мы получаемъ возможность установить и преобладаніе въ нихъ одного общаго направленія. Такъ, при первомъ взглядѣ на нѣкоторые памятники, чувствуется здѣсь какъ будто вліяніе Москвы, другіе памятники обращаютъ насъ къ Кіеву, третьи побуждаютъ искать первоисточниковъ въ итальянскомъ искусствѣ эпохи Возрожденія. Однако нельзя сказать, чтобы здѣсь „за деревьями не видно было лѣса“. Для примѣра остановимся на собраніи иконъ. При первомъ прикосновеніи къ нимъ, какъ будто обнаруживаются здѣсь разные стили и направленія; тѣмъ не менѣе, основной и господствующій стиль здѣсь тотъ же самый, который наблюдается въ данное время въ Кіевѣ и, чрезъ посредство кіевскихъ гравюръ, распространяется по южной Россіи,—стиль западно-европейскій въ кіевскомъ воспроизведеніи. Это подтверждается многочисленными иконами выставки, ихъ композиціями, иконографическими типами и стилемъ. Здѣсь мы нерѣдко встрѣчаемъ: Коронованіе Богоматери, плоды страданій Христовыхъ, Сивиллъ, изображеніе пеликана, раздирающаго свою грудь, чтобы напитать дѣтей, и сердца Іисусова, изъ котораго струится кровь въ потиръ, Богоматери съ мечами въ груди. Всѣ эти изображенія проникли сюда съ запада. Означенное наблюденіе еще болѣе подтверждается самымъ стилемъ иконъ. Это стиль не древне-кіевскій, не новгородскій, не московскій. Широко обнаруженное стремленіе къ красотѣ формъ, анатомической строгости, хотя бы это была и работа ремесленниковъ, прямо говорятъ о пріемахъ западно-европейскаго письма. Такимъ образомъ, при изученіи

выставленныхъ предметовъ, изслѣдователь находитъ здѣсь опредѣленное направленіе церковнаго искусства въ XVII—XVIII вв. А если такъ, то въ настоящее время мы можемъ достигнуть серьезнаго научнаго результата въ нашихъ археологическихъ трудахъ, и этотъ результатъ тѣмъ важнѣе, что въ немъ мы находимъ уразумѣніе одного изъ звеньевъ исторической цѣпи событій, дѣйствіемъ которыхъ объясняется настоящая жизнь этого края.

Послѣ этого вступительнаго слова, Н. И. Троицкій предложилъ сообщеніе на тему.

„Древнѣйшій храмъ въ Херсонесѣ Таврическомъ, открытый при раскопкахъ въ настоящемъ году. Рефератъ посвященъ памяти Графа А. С. Уварова“.

Референтъ предварилъ докладъ свой слѣдующими словами: Въ наступившемъ 1902/3 академическомъ году исполняется 50 лѣтъ съ того времени, какъ знаменитый основатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и русскихъ археологическихъ съѣздовъ, гр. А. С. Уваровъ, предпринялъ первыя раскопки на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда высился людный, торговый, богатый городъ Тавриды—Херсонесъ. Привлеченный графомъ къ дѣлу изученія отечественныхъ древностей и находясь въ составѣ Имп. Московскаго Археологическаго Общества ровно 25 лѣтъ, референтъ сознаетъ свой нравственный долгъ почтить память графа именно на семъ съѣздѣ, въ этотъ юбилейный годъ его Херсонесскихъ трудовъ, которые положили прекрасное начало научнымъ изысканіямъ въ Херсонесѣ. Но что было послѣ этого начала здѣсь?—Извѣстно, что дѣло раскопокъ тамъ остановилось: на смѣну научныхъ изслѣдованій явилось сначала небреженіе, а затѣмъ хищеніе. Прекрасный классическій мраморъ нагружали въ баркасы и отправляли его въ Севастополь. Куда?, въ музей?, въ частныя коллекціи?—нѣтъ—на содовую фабрику: вѣдь изъ мрамора получается химически-чистая углекислота. И не мраморъ только,—брали и сбывали все, что попадалось подъ руки,—кто что могъ и желалъ, днемъ или ночью. Такъ это было, и было бы доселѣ, если бы не былъ положенъ конецъ хищенію энергичной просьбой, мольбой, повергнутой къ стопамъ незабвеннаго нашего Государя, въ Бозѣ почившаго Императора Александра Александровича, 1-го іюня 1887 года. Энергичное это слово взывало: „Повели, Государь, и древній Херсонесъ станетъ русской Помпеей, заинтересуетъ всю благомыслящую Россію, привлечетъ къ изученію своихъ древностей не только русскихъ ученыхъ, но и путешественниковъ изъ Западной Европы“. И эта мольба вызвала энергичную резолюцію Госу-

даря, который выразилъ желаніе съ радостю поддержать доброе дѣло, „спасти Херсонесъ, чтобы не прослыть варварами“.

Были предприняты систематическія раскопки, цѣлый рядъ которыхъ открылъ нѣсколько церквей и трехскладочную стѣну города. Затѣмъ былъ открытъ громаднѣйшій некрополь. Раскопки, предпринятыя еще въ 1891 г., прекратились за недостаткомъ средствъ и снова возобновились въ мартѣ 1902 г. Въ Карантинной бухтѣ открыто основаніе храма съ двойными стѣнами. Вѣроятно, первый храмъ рухнулъ и былъ выстроенъ второй. Здѣсь интересны выемки, найденныя въ запрестольѣ. Но интереснѣе открытіе другого храма. Здѣсь обнаружена основа храма крестообразнаго съ равными концами. Восточный и южный концы креста соединены стѣной и абсидой. Есть данныя, чтобы судить, что эта постройка послѣдняго времени, сравнительно съ временемъ постройки самаго храма. Храмъ построенъ на могилахъ, соединенныхъ корридоромъ, отъ котораго идутъ вѣтки. Въ корридорахъ гробницы—катакомбы. Въ нихъ найдены монеты, свѣтильники, кресты и проч. Херсонесъ явился такимъ образомъ не только русской Помпеей, но и русскимъ „подземнымъ Римомъ“. Полъ храма заполненъ прекрасной мозаикой изъ желтаго, краснаго, чернаго (мѣстнаго) и бѣлаго (изъ классическихъ памятниковъ) мрамора. Какой давности храмъ? Въ цементѣ найдено нѣсколько монетъ VI вѣка (Юстиніана I), въ катакомбахъ найдены монеты только IV вѣка, почему постройку можно отнести къ V или концу IV вѣка. Фрески сохранились въ обрывкахъ, но съ греческой подписью изъ евангельскаго текста; встрѣчается и грузинская подпись. Мозаика ковровая съ исполненнымъ рисункомъ: ваза, изъ нея вѣтви вьющіяся и сплетающіяся; въ завиткахъ—птицы (орелъ, голубь, утка и проч.), рыбы, цвѣты, плоды и четырехконечные крестики. Что же здѣсь изображено?—Это типъ „древа жизни“. Это понятіе ведетъ къ глубочайшей древности. Съ нимъ мы встрѣчаемся въ Библіи и другихъ памятникахъ (ассирійскихъ, халдейскихъ, персидскихъ). Съ востока это представленіе о „древѣ жизни“ перешло въ еврейскую литературу и породило апокрифъ.

Памятники о „древѣ жизни“ дошли до насъ изъ глубокодревнихъ временъ. Такъ, его изображенія встрѣчаемъ въ многочисленныхъ памятникахъ Ассиро-вавилоніи: на цилиндрахъ, одеждѣ, скульптурѣ (напримѣръ, въ Нимрудѣ). Есть свидѣтельства о „древѣ жизни“ и даже о культѣ его въ религіи Зороастра, у древнихъ персовъ. Религіозныя писанія персовъ говорятъ о нѣкоторомъ древѣ „hom“, которое называютъ

главнымъ изъ деревьевъ. Оно у персовъ почитается древомъ безсмертія. Его сокъ воскрешаетъ людей. Это древо—родъ кустарника въ Персіи, похоже на тамарискъ; употребляется при всѣхъ значительныхъ жертвахъ и само было предметомъ почитанія. Подобное понятіе о „древѣ жизни“ находимъ въ іудейской апокрифической письменности до Рождества Христова, именно въ книгѣ Еноха. Путешествуя по небу и землѣ, Енохъ встрѣчаетъ гору изъ великолѣпныхъ камней; средній изъ нихъ подобенъ трону, окруженъ благоухающими деревьями; ихъ запахъ превосходитъ всякій другой, листъ и цвѣты не увядаютъ, плоды прекрасны и похожи на плоды пальмъ. На вопросъ Еноха объ этомъ древѣ, архистратигъ Михаилъ отвѣчаетъ: „На этой горѣ Вѣчный Царь будетъ имѣть Свой тронъ, когда сойдетъ на землю. Этого древа не позволено никому касаться до времени великаго суда, отъ его плодовъ дана будетъ жизнь избраннымъ“. Наилучшее понятіе о „древѣ жизни“ сохранилось въ библіи въ прообразахъ и пророчествахъ, что раскрыто древними церковными писателями. Впервые это дѣлаетъ св. Іустинъ, философъ и мученикъ (II вѣка). Райское „древо жизни“ онъ прямо изъясняетъ, какъ символъ Христа, и эту символику проводитъ черезъ всю исторію ветхаго завѣта и при этомъ принимаетъ во вниманіе древо во всѣхъ его видахъ (вѣтвь, посохъ и проч.). Подобныя указанія дѣлаетъ другой древній писатель церкви—Юлій Ферміанъ и отчасти дополняетъ Іустина. Еще позднѣе (VIII в.), св. Іоаннъ Дамаскинъ обнимаетъ мыслью всю предварительную исторію креста Христова, какъ „древа жизни“. Всѣхъ ихъ повторяетъ потомъ Феофанъ Керамевсъ (XII ст.) въ проповѣди на праздникъ Воздвиженія Креста. Подобнымъ образомъ разсуждаетъ на западѣ Ѳома Аквинатъ и другіе. Но изъ всѣхъ прообразовъ „древа жизни“ въ ветхомъ завѣтѣ особенно знаменательный—это золотой седьмисвѣчникъ сдѣланный, собственно, въ видѣ древа съ семью вѣтвями съ семью свѣтильниками на нихъ. Семь—священное число полноты; семь свѣтильниковъ съ негасимымъ огнемъ—образъ свѣта и теплоты,—просвѣщенія и спасенія,—высшей духовной, полной и вѣчной жизни. Этотъ образъ пророки Исаія, Іезекіиль, Захарія раскрывали примѣнительно къ лицу Мессіи, именуя его вѣтвью, выходящей отъ корня древа Іессея, на которой почіютъ всѣ семь даровъ св. Духа,—великолѣпнымъ древомъ, подъ которымъ будутъ обитать всѣ птицы въ тѣни его вѣтвей. Соотвѣтственно этому самъ Христосъ называлъ Себя виноградной лозой. Евангелистъ Іоаннъ въ Откровеніи созерцаетъ Христа среди семи свѣтильниковъ, объединяя, такимъ образомъ, съ

нимъ его ветхозавѣтный прообразъ, и представляетъ Мессію, исполненнаго всѣми дарами св. Духа, какъ источникъ вѣчной жизни. Въ христіанской церкви понятіе о „древѣ жизни“ отъ Христа перенесено на его крестъ—видимое „древо жизни“. Мысль эта прекрасно выражается во многихъ церковныхъ пѣсняхъ, напримѣръ: „Древо процвѣло есть, Христе, истинной жизни: крестъ бо водрузися, и напоенъ бывъ кровію и водою отъ нетлѣннаго твоего ребра, животъ намъ прозябе“. Названіе креста „древомъ жизни“ встрѣчается въ многочисленныхъ памятникахъ искусства, особенно съ IV столѣтія, когда было обрѣтено подлинное древо креста. Во второй половинѣ этого столѣтія св. Григорій Нисскій, въ повѣствованіи о жизни своей сестры Макрины, между прочимъ разсказываетъ: когда она умерла, то на тѣлѣ ея нашли желѣзное кольцо, которое она постоянно носила на сердцѣ. Оно было внутри пустое и содержало часть „древа жизни“, между тѣмъ, снаружи было выгравировано знаменіе креста. Такое же названіе находится въ греческихъ надписяхъ на многихъ драгоцѣнныхъ крестахъ, сооруженныхъ византійскими императорами и императрицами (1-й половины XII в.); напримѣръ, въ Венеціи находится посвященный Искупителю императрицей Ириной, супругой императора Алексѣя Комнена, крестъ съ надписью: „И сіе приношу я Тебѣ, наконецъ, уже приблизившись ко вратамъ преисподней, какъ божественный даръ посвященія—„древо жизни“, на которомъ Ты предалъ духъ Свой Отцу и окончилъ страданія, которыя перенесъ съ такой твердостью“. Затѣмъ названіе „древа жизни“ встрѣчается въ церковной письменности, особенно въ проповѣдяхъ, гдѣ оно называется „древомъ безсмертія“, „животворящимъ древомъ“ и т. п. (Андрей Критскій, Іосифъ Ѳессалоникійскій и проч.). Такъ же называется крестъ въ латинской церкви, въ многочисленныхъ гимнахъ, начиная со второй половины IV столѣтія.

Понятно, если представленіе о „древѣ жизни“ было перенесено на самое древо креста, то и самый крестъ долженъ былъ принять подобіе, именно древа въ христіанскомъ искусствѣ. И такое изображеніе креста (типическое) въ христіанкомъ искусствѣ является очень рано. Судя по памятникамъ, оно стояло отчасти подъ вліяніемъ изображенія „древа жизни“ въ древнемъ восточномъ искусствѣ. Извѣстно, что между ассирійскими изваяніями, которыя теперь находятся въ королевскомъ музеѣ въ Берлинѣ (изъ Нимруда), есть изображеніе священнаго древа, стоящаго между двумя окрыленными демонами, то съ человѣческой, то съ орлиной головой, которые совершаютъ

жертвоприношеніе „древа жизни“. Древо имѣетъ стройный стволъ, расчлененный узлами, наверху съ короной, на подобіе семилиственныхъ пальмъ; оно кольцеобразно, убрано листьями и цвѣтами, которые со стволомъ и между собой соединены сѣтью связокъ. Одно изъ наилучшихъ изображеній „древа жизни“ имѣется на сассанидской вазѣ (IV вѣка) въ кабинетѣ древностей, въ Парижѣ. Оно съ листьями, плодами, между двумя львами, которые поставлены вприямь, какъ тѣ демоны. Таковая же золотая ваза съ изображеніемъ „древа жизни“ на ея эмали, находящаяся въ ризницѣ аббатства св. Марка въ Валлисѣ, персидско-арабскаго происхожденія. Она подарена калифомъ Гарунъ-Аль-Рашидомъ Карлу Великому, а имъ—аббатству св. Марка. На ней также древо съ двумя львами вприямь. Эти и подобные другіе предметы, поступая въ церковь, естественно, нашли въ ней свое примѣненіе. Подобныя изображенія встрѣчаются въ скульптурѣ храмовъ Швейцаріи и Франціи, гдѣ львы иногда замѣняются змѣями. Въ то время, какъ на западѣ изображеніе креста, какъ „древа жизни“, стояло подъ вліяніемъ восточнымъ, въ греческо-византійской церкви оно развивалось постепенно и самостоятельно въ болѣе чистомъ видѣ. Простѣйшій и вмѣстѣ древнѣйшій видъ такого креста—это четырехконечный крестъ съ расходящимися отъ его основанія двумя вѣтвями. Текіе кресты изображались на базахъ, капителяхъ колоннъ храмовъ, и символика ихъ опредѣляется или самими вѣтвями (виноградной лозы), или монограммой Христа, или изображеніемъ агнца и т. под. Такого типа символическій крестъ нашелъ себѣ примѣненіе и распространеніе какъ на востокѣ, напримѣръ, въ многочисленныхъ миніатюрахъ рукописей Грузіи и Арменіи, такъ и въ Россіи на гробницѣ Ярослава въ Кіевѣ, на Корсунскихъ воротахъ въ Новгородѣ и т. д., но особенно много такихъ въ Херсонесѣ. Позднѣе наибольшія вѣтви стали принимать видъ цѣлыхъ деревьевъ, какъ напр. на троечастномъ византійскомъ складнѣ (въ луврскомъ музеѣ) и на фрескахъ Успенскаго собора въ Владимірѣ на Клязьмѣ (XII стол.). Такое же символическое изображеніе креста—„древа жизни“ нашло себѣ многоразличное примѣненіе на тѣльныхъ крестахъ—или въ видѣ двухъ вѣтокъ при основаніи креста, троечастнаго раздѣленія концовъ, сѣтчатаго, травчатаго орнамента, троечастнаго листка и т. под. Иногда изображеніе замѣняется надписью: „животворящее древо“, или только буквами „ж. д.“ и проч. При такомъ воззрѣніи на крестъ, естественно, появилась мысль объ его происхожденіи, какъ „древа жизни“, и отсюда переходъ отъ символинки къ исторіи креста. Идея

„древа жизни“ должна была быть выражена въ лицевыхъ изображеніяхъ историческихъ событій. Въ литературѣ ранняя попытка представить и изобразить крестъ Господа, какъ такое „древо жизни“, встрѣчается на западѣ въ трактатѣ о „древѣ жизни“ знаменитаго богослова Бонавентуры († 1274 г.). Представляя всю жизнь Христа единымъ „древомъ креста“ Бонавентура предложилъ и изображеніе его, „ибо,—говоритъ онъ—изображеніе помогаетъ пониманію“. Въ своемъ рисункѣ, на нижней части древа креста, по листьямъ его, онъ обозначилъ событія происхожденія и жизни Искупителя, на средней—Его страданія, на верхней—Его славу. Рисунки Бонавентуры находятся въ рукописи его, найденной Ф. Пиперомъ въ Британскомъ музеѣ въ 1857 г. Такого типа крестовъ съ лицевыми изображеніями священныхъ событій особенно много появилось на Аѳонѣ и оттуда въ Россіи. Между ними есть и такіе, въ которыхъ совмѣщается и представленіе символическаго „древа жизни“, и изображеніе евангельской исторіи креста.

Значительная серія такихъ крестовъ имѣется въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Разсматривая такіе кресты, извѣстный археологъ Филимоновъ приходилъ къ мысли, что они выражаютъ собою идею побѣды Христа надъ діаволомъ, но не могъ себѣ объяснить, откуда появились два дракона при основаніи креста, или двѣ змѣевидныя вѣтви, и предполагалъ возможность нахожденія экземпляра креста переходной, связующей формы. Превосходный экземпляръ такого креста имѣется въ тульской палатѣ древностей. На немъ змѣевидныя вѣтви имѣютъ головы драконовъ. Такимъ образомъ въ этомъ крестѣ объединяются всѣ представленія о крестѣ, какъ „древѣ жизни“, существовавшія въ искусствѣ всѣхъ временъ. И крестъ какъ бы хочетъ сказать, что всѣ люди объединяются и должны объединяться самоотверженной любовью Христа—источника вѣчной жизни; (отличныя фотографіи этого памятника были представлены вниманію слушателей и поступили въ археологическое собраніе Харьковскаго университета).

Обращаясь затѣмъ снова къ открытому храму въ Херсонесѣ, референтъ заключилъ: „Итакъ, въ мозаикѣ новооткрытаго крестообразнаго храма мы имѣемъ прекрасный образчикъ особаго типа „древа жизни“, заключенный въ стѣнахъ храма—креста, поставленнаго въ высшей степени умѣстно надъ могилами-катакомбами первыхъ христіанъ Херсонеса, почившихъ съ крѣпкой надеждой на вѣчную жизнь въ Христѣ-Искупителѣ“.

Заканчивая свой докладъ, Н. И. Троицкій сказалъ: „Какъ порадовался бы графъ А. С. Уваровъ, если бы видѣлъ, къ какимъ

блестящимъ результатамъ повело начало раскопокъ, сдѣланныхъ имъ въ Херсонесѣ. Но пусть порадуется теперь тотъ, кто исходатайствовалъ энергичную резолюцію незабвеннаго Императора Александра III и спасъ Херсонесъ отъ гибели. Несомнѣнно, порадуется и все Московское Археологическое Общество, а съ нимъ всѣ его доброжелатели. И еще болѣе порадуются, если узнаютъ, что въ ближайшемъ времени будутъ приняты мѣры къ наилучшему пріобрѣтенію, храненію и изъясненію памятниковъ Херсонеса. Уже если что оберегать, такъ наиболѣе оберегать должно нашъ священный, нашъ единственный Херсонесъ".

Второе сообщеніе было сдѣлано А. Ѳ. Хахановымъ на тему: „**Изъ путешествія по Аѳону. О спискѣ грузинской Библіи 987 г. и значеніи этого списка для установкеніи текста Библіи на грузинскомъ языкѣ**" Референтъ ѣздилъ на Аѳонъ по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества для изученія грузинскихъ рукописей, хранящихся въ Иверскомъ монастырѣ, основанномъ грузинами въ IX в. Въ Иверѣ, среди другихъ манускриптовъ, имъ изученныхъ, (Житіе Баграта Тавроманійскаго, соч Евагрія, Апокрифы, Каноны), г. Хахановъ обратилъ вниманіе на списокъ Библіи 987 г., имѣющій важное значеніе для установленія текста св. писанія на грузинскомъ языкѣ. Сличивъ печатный текстъ грузинской библіи, напечатанной трижды (1743, 1884 и 1900 гг.) съ аѳонскимъ спискомъ, референтъ установилъ постепенное искаженіе грузинскаго библейскаго текста, опредѣлилъ особенности списка 987 г., заключающіяся въ томъ, что аѳонскій кодексъ отличается отъ греческаго библейскаго текста и хранитъ слѣды прежняго грузинскаго перевода, быть можетъ, съ сирскаго языка. Г. Хахановъ, на основаніи отмѣченныхъ имъ чертъ, высказалъ предположеніе, что кодексъ не есть первоначальный прототипъ грузинской библіи, а лишь копія съ него.

По содержанію доклада г. Хаханова замѣчаній со стороны членовъ съѣзда, присутствовавшихъ въ засѣданіи, не послѣдовало, и засѣданіе въ $10^1/_2$ час. вечера было закрыто.

---

18 Августа.

Экскурсія на Донецкое городище.

Въ воскресенье, въ десятомъ часу утра, въ спеціально назначенномъ для членовъ археологическаго съѣзда поѣздѣ, прибыли къ такъ называемому „Донецкому городищу“, расположенному на краю крутого берега рѣки Уды, экскурсанты въ количествѣ свыше 150 человѣкъ. Въ моментъ прибытія экскурсантовъ на площади городища шли уже подготовительныя работы подъ руководствомъ В. А. Городцова, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго и В. Е. Данилевича. На верхней площадкѣ городища было прорыто нѣсколько траншей, обнаружившихъ слѣды нѣкогда бывшей здѣсь жизни. Здѣсь были найдены: куски различнымъ образомъ орнаментированныхъ черепковъ, кости крупныхъ животныхъ, рыбъ, остатки рыбьей чешуи, желѣзныя орудія и оружіе въ видѣ стрѣлъ, наконечниковъ копій и проч. Затѣмъ собравшіеся экскурсанты расположились по склону холма городища, въ видѣ амфитеатра, причемъ В. Е. Данилевичъ сдѣлалъ краткій историческій очеркъ „Донецкаго городища“ а В. А. Городцовъ—о результатахъ произведенныхъ раскопокъ, о времени и значеніи добытаго въ названномъ городищѣ матеріала. Выслушавъ упомянутые доклады, экскурсанты занялись наблюданіемъ продолжавшихся раскопокъ, а затѣмъ, въ часъ дня, по распоряженію графини П. С. Уваровой, были приглашены къ завтраку, послѣ чего одна часть экскурсантовъ отправилась осматривать находящійся близъ городища Хорошевскій монастырь, а другая на городище—слѣдить за производимыми тамъ раскопками. Къ 7 ч. вечера экскурсанты возвратились въ Харьковъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ИЗВѢСТІЯ
XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 6. 15—27 Августа 1902 г. **№ 6.**

19 Августа.

Въ 10 час. утра.

Актовый залъ.

Засѣданіе VII отдѣленія: древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія.

Почетный предсѣдатель: проф. Ю. А. Кулаковскій.
Предсѣдатель секціи: проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.
Секретари: А. П. Кадлубовскій и М. А. Масловъ.

Предсѣдатель секціи проф. Э. Р. фонъ-Штернъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой отмѣтилъ важность изученія классическихъ и византійскихъ древностей; сознаніе этой важности существуетъ у насъ, что доказывается, какъ многочисленнымъ собраніемъ публики на засѣданіи, такъ и значительнымъ количествомъ заявленныхъ членами секціи рефератовъ.

Почетный предсѣдатель засѣданія проф. Ю. А. Кулаковскій, послѣ краткаго привѣтственнаго слова, открылъ засѣданіе.

Проф. В. П. Бузескулъ прочелъ рефератъ: **„Историческій процессъ съ точки зрѣнія греческихъ историковъ“**, представляющій краткое извлеченіе изъ печатаемой имъ книги. Референтъ указалъ, что греческіе историки уже рѣшали такъ или иначе вопросы, занимающіе и современную науку и еще не рѣшенные ею, и что воззрѣнія ихъ нерѣдко близки къ современному пониманію исторіи. Изъ отдѣльныхъ историковъ и писателей, касавшихся историческихъ вопросовъ, проф. В. П. Бузескулъ остановился на Геродотѣ, Ѳукидидѣ, Ксенофонтѣ, Аристотелѣ и особенно—Поливіи. У Геродота референтъ отмѣчалъ провиденціализмъ,—идею божественнаго промысла, управляющаго судьбами отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ; затѣмъ такія руководящія идеи, какъ зависть боговъ, Немезида,

рокъ; Геродотъ допускалъ непосредственное вмѣшательство божества, вѣрилъ въ оракулы, предсказанія, сновидѣнія, а потому о строгой закономѣрности въ произведеніи „отца исторіи“ и рѣчи быть не можетъ. Наоборотъ, у Ѳукидида господствуетъ идея причинности и закономѣрности; при этомъ онъ различаетъ общія причины и частные поводы. Ѳукидидъ вообще близокъ къ намъ; таковъ его методъ *реконструкціи*, заключенія о старинѣ по наблюденіямъ надъ бытомъ некультурныхъ народовъ, надъ вещественными памятниками, надъ географическими именами. Историкъ признаетъ господство общихъ законовъ, управляющихъ исторіей человѣчества; у него, хотя еще и неясно, проводится идея эволюціи. Что касается вопроса о значеніи отдѣльной личности, то, по мнѣнію референта, Ѳукидидъ вовсе не отвергаетъ его, какъ думаетъ Брунсъ: довольно вспомнить его характеристики Перикла, Ѳемистокла; Ѳукидидъ лишь устранялъ мелкія, анекдотическія подробности, ибо считалъ ихъ неумѣстными въ серьезномъ историческомъ трудѣ. Что касается Ксенофонта, то онъ не проникаетъ въ глубь явленій и отличается главнымъ образомъ мастерскими характеристиками отдѣльныхъ личностей. За то мысль о закономѣрности господствуетъ у Аристотеля, особенно въ его Аѳинской Политіи, гдѣ рисуется органичность развитія общественнаго строя. Важное мѣсто даетъ Аристотель и роли отдѣльной личности, можетъ быть болѣе важное, чѣмъ слѣдуетъ. Поливій, какъ отмѣтилъ референтъ, придаетъ значеніе не описанію отдѣльныхъ событій, а установленію между ними строгой *причинной* связи. Особенно подробно остановился референтъ на идеѣ цѣлесообразности и планомѣрности историческаго процесса у Поливія и на понятіи о „судьбѣ“, управляющей міромъ; но понятіе это у Поливія не ясно, не вездѣ вѣрно себѣ и представляетъ спорный вопросъ въ наукѣ. Поливій признаетъ круговоротъ историческихъ судебъ, совершающійся необходимо, по общимъ міровымъ законамъ.

По поводу реферата проф. Э. Р. фонъ-Штернъ отмѣтилъ нѣкоторыя стороны дѣла, опущенныя референтомъ: греческіе историки являются не только отдѣльными личностями, но представителями цѣлыхъ эпохъ и поколѣній; въ этомъ отношеніи особенно важно различіе между Геродотомъ и Ѳукидидомъ, обусловливаемое философскимъ теченіемъ въ вѣкъ Перикла; далѣе, взгляды и отношеніе отдѣльныхъ историковъ къ тѣмъ или инымъ явленіямъ могли зависѣть и отъ принадлежности ихъ къ извѣстной политической партіи (отношеніе Аристотеля къ Аристиду); не было указано также референтомъ на раціонализмъ у Геродота.

Референтъ отвѣчалъ, что онъ не коснулся многихъ вопросовъ въ своемъ рефератѣ по недостатку времени; что же ка-

сается Аристотеля, то онъ, референтъ, имѣлъ въ виду не эту сторону дѣла (вліяніе политич. взглядовъ несомнѣнно), а другую, именно ту, что во всякомъ случаѣ Аристотель признавалъ возможнымъ придавать такое значеніе роли отдѣльной личности.

Н. И. Троицкій обратилъ вниманіе референта на то, что не только по воззрѣніямъ классическихъ историковъ (Геродота, Ѳукидида, Поливія) историческій процессъ стоялъ подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ (боговъ, воли человѣка, судьбы), но и самыя воззрѣнія этихъ же историковъ стояли подъ вліяніемъ своего рода факторовъ: исторіи египетской, ассирійской, финикійской, съ которой Геродотъ, наприм., былъ знакомъ въ подробностяхъ; эту сторону дѣла слѣдовало бы выяснить по памятникамъ этихъ народовъ.

Референтъ, съ своей стороны, просилъ выяснить спорное понятіе судьбы у Поливія, на что Н. И. Троицкій отвѣчалъ, что такъ какъ, по словамъ Поливія, эта судьба все ведетъ къ одной цѣли, то слѣдуетъ видѣть въ ней универсальный разумъ.

Въ заключеніе проф. Ю. А. Кулаковскій принесъ референту благодарность за его интересное сообщеніе и выразилъ искреннее пожеланіе, чтобы подготовляемый имъ трудъ о греческихъ историкахъ скорѣе вышелъ въ свѣтъ. Основанный на глубокомъ знаніи источниковъ и всестороннемъ ихъ изученіи, трудъ этотъ будетъ содѣйствовать распространенію и утвержденію у насъ знакомства съ литературными явленіями древнегреческой жизни, которыя, по своему непосредственному воздѣйствію на словесное творчество новоевропейскихъ народовъ, давно стали нашимъ общимъ достояніемъ. Чѣмъ основательнѣе будетъ наше съ нимъ знакомство, тѣмъ лучше и яснѣе сознаемъ мы нашу духовную связь съ античнымъ міромъ, тѣмъ ближе станетъ намъ великій Ѳукидидъ, который, по глубинѣ, широтѣ и трезвости своего пониманія задачъ историческаго изложенія, является и для нашей современности такимъ же своимъ и роднымъ, какимъ онъ былъ для отдѣленныхъ отъ насъ вѣками аѳинянъ эпохи Перикла.

В. И. Савва сдѣлалъ сообщеніе **„Выходъ византійскихъ и московскихъ царей въ праздникъ Рождества“**. Указавши на обиліе матеріала, заключающагося въ сборникѣ обрядовъ византійскаго двора, и на важность его изученія не только для византійской, но и для русской археологіи, докладчикъ очень подробно описалъ всю церемонію выхода византійскихъ императоровъ въ праздникъ Рождества; далѣе, путемъ подробнаго же сопоставленія съ византійскимъ обрядомъ выхода московскихъ царей, В. И. Савва пришелъ къ заключенію, что московскіе цари

усваивали черты византійскихъ обрядовъ, но все таки сохранили при этомъ свою, московскую основу.

М. А. Остроумовъ указалъ на то, что византійская царская власть являлась отображеніемъ власти Божіей. Это выразилось во всей обрядности византійскаго двора: Хрисотриклинъ, напр., былъ устроенъ по образцу церкви св. Георгія; императору кланялись земно; можно идти даже дальше: можетъ быть, что и 9 чиновъ ангельскихъ послужили первообразомъ для девятью девяти чиновъ византійскаго двора. Идея о царѣ, какъ о Божьемъ намѣстникѣ, проникла въ Россію при великихъ князьяхъ. Явилась потребность облечь свою власть по образцу Византіи; тогда столовая, напр., палата была переименована въ золотую (хрисотриклинъ). Разница была не въ идеѣ, а въ скромности московскаго двора и другихъ національныхъ качествахъ.

Ю. А. Кулаковскій выразилъ мнѣніе, что византійскій императоръ являлся на землѣ продолжателемъ римскихъ императоровъ, власть которыхъ отождествлялась съ идеей божества; вліяніе христіанства не должно затемнить этой языческой струи.

М. А. Остроумовъ сказалъ, что при Граціанѣ эта языческая традиція была прервана; было признано неприличнымъ для императора надѣвать мантію понтифекса.

Н. И. Троицкій указалъ на то, что въ Византіи остались, пожалуй, языческія формы, въ видѣ базиликъ и т. п., но въ нихъ былъ вложенъ новый, христіанскій смыслъ, и этого забывать нельзя.

Въ заключительномъ словѣ Ю. А. Кулаковскій выразилъ сожалѣніе о томъ, что очень часто затемняется языческая, римская преемственность въ культурной исторіи Византіи.

Въ $1^1/_2$ часа дня.

Засѣданіе V секціи: древности церковныя.

Почетный Предсѣдатель: В. С. Иконниковъ.

Предсѣдатель отдѣленія: проф. Н. В. Покровскій.

Секретари отдѣленія: А. А. Завьяловъ и А. А. Мироновъ.

Первымъ было сообщеніе проф. М. А. Остроумова. Предметомъ доклада послужилъ **„Вопросъ о греческомъ оригиналѣ текста правилъ Славянской Кормчей, или такъ наз. Синопсисѣ церковныхъ правилъ и его первоначальномъ значеніи“.**

Показавъ на примѣрѣ, что такое синопсисъ (8 пр. VII Вс. соб.), референтъ сообщилъ, что синопсисъ дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ: Стефана Ефесскаго и Симеона Магистра, между которыми разница состоитъ въ неодинаковомъ расположеніи правилъ; у Стефана они расположены соотвѣтственно Фотіеву Номоканону (XIV тит.), у Симеона—Номоканону Схоластика (L тит.). Что соотвѣтствіе синопсисовъ номоканонамъ не случайно, доказывается рукописнымъ матеріаломъ: въ различныхъ древнихъ греческихъ сборникахъ синопсисъ или предшествуетъ названнымъ номоканонамъ, или слѣдуетъ за ними, иногда отдѣленный нѣсколькими статьями, но всегда такъ, что синопсисъ редакціи Стефана сопровождаетъ номоканонъ XIV тит., а синопсисъ редакціи Симеона—номоканонъ L тит. Когда въ сборникѣ помѣщаются оба номоканона, то и синопсисъ встрѣчается въ обѣихъ редакціяхъ. Когда одинъ номоканонъ вліяетъ на другой (Фотіевъ на номоканонъ Схоластика), тогда и въ синопсисѣ соотвѣтствующей редакціи оказываются измѣненія въ порядкѣ правилъ и дополненія. Однако, это не значитъ, что составитель синопсиса извлекаетъ свое изложеніе въ одномъ случаѣ изъ одного номоканона, а въ другомъ изъ другаго: текстъ синопсиса въ обоихъ случаяхъ остается буквально тождественнымъ. Напротивъ, это показываетъ, что существующій текстъ примѣнялся къ числу и порядку правилъ названныхъ номоканоновъ. Стало быть, соотвѣтствіе синопсиса тому или другому номоканону было не случайнымъ, а съ другой стороны усматривается какъ будто не самостоятельное, а служебное значеніе синопсиса при номоканонѣ.

Какого же рода служебное значеніе онъ могъ имѣть?

Въ одной вѣнской рукописи (описанной Бонеромъ) содержится синопсисъ церковныхъ правилъ, о которомъ проф. Красноженъ свидѣтельствуетъ, что здѣсь помѣщены большею частью заглавія церковныхъ правилъ, а не синопсисъ ихъ, что, быть можетъ, слѣдуетъ понимать такъ, что самый синопсисъ является здѣсь въ видѣ заглавій. Въ Мюнхенской рукописи (описанной Гергенретеромъ и Питрою), которая также была въ рукахъ у проф. Красножена, синопсисъ несомнѣнно является въ видѣ указателя къ номоканону Фотія въ редакціи Ѳ. Веста, такъ какъ въ немъ имѣются цифровыя указанія, гдѣ найти соотвѣтствующее правило.

Какимъ образомъ такой указатель могъ получать самостоятельное значеніе, утративъ цифровыя указанія, можно прослѣдить на примѣрѣ, впервые отмѣченномъ профессоромъ Павловымъ. Въ одной изъ редакцій синопсиса, истолк. А. Аристи-

номъ, есть статья „Св. Василія о времени согрѣшающихъ“, которая сначала имѣла заглавіе „Василія Великаго *о титулѣ* и времени согрѣшающихъ“, представлявшая цифровыя цитаты съ ссылкою на титулы, въ какихъ искать соотвѣтсвующія покаянныя правила Св. Василія, вслѣдствіе же утраты этихъ цитатъ превратившаяся въ синопсисъ. Итакъ синопсисъ могъ возникнуть изъ указателя. Но какимъ образомъ произошелъ текстъ синопсиса?

Референтъ заявилъ, что вѣроятно онъ произошелъ, изъ текста заглавій къ правиламъ, каковыя заглавія начали появляться еще со времени Халкидонскаго собора (451 г.). Сравненіе текста заглавій съ текстомъ синопсиса даетъ основаніе для такого заключенія, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заглавіе правилъ (Апост., Лаодик,, Халкид. VII всел.) буквально совпадаютъ съ текстомъ синопсиса, въ другихъ синопсисъ представляетъ ихъ дополненіе, въ третьихъ—преобразованіе. Примѣръ такого превращенія текста заглавій правилъ въ самостоятельныя правила въ сокращенномъ изложеніи представляютъ правила Лаодикійскаго собора, которыя, какъ указалъ еще въ 1888 г. на международномъ католич. конгрессѣ въ Парижѣ проф. канон. права аббатъ Boudinhon,—по своей грамматической конструкціи всѣ суть заглавія. Впрочемъ, по мнѣнію референта, текстъ такъ наз. 60-го правила заключаетъ въ себѣ сохранившійся подлинный текстъ постановленій Лаодикійскаго собора (59 его правила).

Такимъ образомъ, по заключенію референта, оказывается, что текстъ церковныхъ правилъ, вошедшій въ нашу славянскую Кормчую (перенесенную къ намъ изъ Болгаріи въ переводѣ св. Саввы Сербскаго) имѣетъ своимъ греческимъ оригиналомъ переработку заглавій церковныхъ правилъ въ синопсисѣ церковныхъ правилъ. Проф. М С. Дриновъ спросилъ: не было ли славянскихъ переводовъ Синопсиса Симеона Логарета, сдѣланныхъ раньше перевода Кормчей? Референтъ отвѣтилъ, что ему такіе переводы неизвѣстны. Какія же правила до этого времени были въ употребленіи? продолжалъ проф. Дриновъ.—Референтъ отвѣтилъ: *полный текстъ правилъ* въ Номоканонѣ Схоластика (въ переводѣ, какъ полагаютъ св. Меѳодія—просвѣтителя славянъ) и въ Номоканонѣ Фотія (въ такъ наз. дофотіевской редакціи), переведеннымъ, по предположенію проф. Павлова, у насъ при Ярославѣ.

Д. И. Иловайскій спросилъ: сохранился ли полный текстъ правилъ Лаодикійскаго собора? Референтъ отвѣтилъ, что этотъ текстъ въ древнія времена потерянъ, за исключеніемъ 60 (59) правила.

Второе сообщеніе сдѣлано было проф. А. П. Голубцовымъ на тему: **О „мѣрѣ среди церкви“ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орлеца**. Сказавъ въ немногихъ словахъ о видѣ и символическомъ значеніи архіерейскаго орлеца, референтъ задался вопросомъ исторически объяснить происхожденіе послѣдняго. Для этого онъ обратилъ вниманіе прежде всего на убранство тѣхъ мѣстъ храмового помоста, на которыя въ старину, какъ и теперь, чаще всего полагался орлецъ при служеніи, и нашелъ, что средина пола и солеи въ храмахъ древне-христіанскихъ, византійскихъ, древне-русскихъ и современныхъ греческихъ была отличаема строителемъ то особаго вида и цвѣта цѣльной мраморной плитой, то какою-либо, предпочтительно круглой, геометрическою фигурой, исполненной мозаикой. Эти разноцвѣтныя плиты и круги, латинянами и греками, какъ и до сихъ поръ на востокѣ, различно называемые (rotae, umbillici, billici, circuli porphyretici, ὀμφαλός, πορφυροῦν ὀμφάλιον, κύκλος, ἀετός) въ XVI—XVII вѣкахъ слыли у нашихъ предковъ подъ именемъ „мѣры среди церкви“, каковымъ названіемъ опредѣлялось какъ положеніе, такъ отчасти и ихъ назначеніе. Являясь главной, доминирующей фигурой въ украшеніи цѣлаго пола и удовлетворяя такимъ образомъ орнаментальнымъ цѣлямъ, древне-византійскій омфалій и наша „мѣра среди церкви“ въ тоже время служили мѣстомъ остановокъ священнослужащихъ, мѣстомъ поставленія или возложенія священныхъ предметовъ и между прочимъ орлеца. Полагаемый у насъ довольно часто среди пола, солеи и предъ св. престоломъ, орелъ не употребителенъ при обычномъ архіерейскомъ служеніи на востокѣ, но за то съ давнихъ поръ его изображаютъ тамъ среди пола на омфаліи и даже называютъ послѣдній словомъ: ἀετός, орелъ. Для объясненія того пути, какимъ орелъ—символъ верховной свѣтской власти могъ стать одною изъ архіерейскихъ инсигній и появиться даже на омфаліи, референтъ указалъ, что орлы, украшавшіе царскій костюмъ и т. д., въ XIII—XIV вв. принадлежали къ числу отличій церемоніальныхъ одеждъ высшихъ сановниковъ имперіи—деспотовъ и севастократоровъ. Путемъ царскаго пожалованія, въ видѣ награды, орлы могли перейти сначала къ патріархамъ—духовнымъ владыкамъ, приравнивавшимся къ свѣтскимъ деспотамъ, а отъ нихъ, со временемъ, и ко всѣмъ другимъ епископамъ. Отмѣтивъ факты перехода нѣкоторыхъ частей византійскаго царскаго костюма и между ними обуви съ орлами въ патріаршее облаченіе, референтъ обратился затѣмъ къ выясненію того, что могло способствовать помѣщенію орла на омфаліи. Идущій изъ глубокой первохристіан-

ской древности обычай помѣщать въ центрѣ пола частью по подражанію классической древности, частью изъ противодѣйствія ей, ея ученію о священныхъ омфалосахъ, какое-либо символическое изображеніе, могъ содѣйствовать появленію орла на омфаліи. Чертившійся сначала мѣломъ или красками на полу при епископскомъ поставленіи, орелъ началъ изображаться потомъ мозаикой на помостѣ въ омфаліи, набиваться или вышиваться шерстью и шелкомъ на кругломъ кускѣ матеріи. Церковной символикой византійскій двухглавый орелъ былъ въ концѣ концовъ видоизмѣненъ, переработанъ на основѣ библейскихъ представленій и вошелъ въ качествѣ главнаго составного элемента въ сложную символическую картину, которую на востокѣ до сихъ поръ продолжаютъ изображать на хартіи или помостѣ и которая у насъ однажды навсегда закрѣплена въ такъ называемыхъ орлецахъ.

Хорошо и легко было бы, закончилъ референтъ, строителямъ нашихъ новыхъ храмовъ, начавшихъ все чаще и чаще украшаться мозаическими полами, возстановить древне-русскую „мѣру среди церкви“ или *византійскій цвѣтной кругъ;* народъ не сталъ бы занимать этого мѣста въ тѣ моменты службы, когда приходится становиться на немъ священнослужащимъ или износить на средину храма тотъ или другой священный предметъ; уменьшилось бы вмѣстѣ съ этимъ и смятеніе, почти каждый разъ вызываемое постиланіемъ на самомъ богослуженіи обычныхъ ковровъ среди церкви.

Возраженій на рефератъ не послѣдовало и засѣданіе въ 3 ч. дня было объявлено закрытымъ.

Въ $5^1/_2$ часовъ дня.

Засѣданіе Совѣта Съѣзда.

Аудиторія № 1.

Предсѣдателемъ Съѣзда гр. П. С. Уваровой доложена благодарность г. директора 1-й Харьковской гимназіи за любезное разрѣшеніе воспитанникамъ посѣтить выставку и за разъясненія, которыя были даны г.г. профессорами университета при осмотрѣ учениками выставки. Затѣмъ, въ виду ходатайства г. директора 3-й Харьковской гимназіи о такомъ же допущеніи на выставку воспитанниковъ означенной гимназіи, постановлено выразить

согласіе и назначить дни и часы объясненій выставки, какъ для учениковъ 3-й гимназіи, такъ и другихъ средне учебныхъ заведеній г. Харькова.

Предсѣдателемъ ученаго комитета проф. Д. И. Багалѣемъ возбужденъ вопросъ о раздѣленіи II секціи (древности историко-географическія и этнографическія) на двѣ самостоятельныхъ секціи: 1) секцію древностей историко-географическихъ и 2)— секцію древностей этнографическихъ. Совѣтъ, согласившись съ этимъ предложеніемъ, избралъ предсѣдателемъ первой изъ упомянутыхъ секцій—Д. И. Иловайскаго.

Послѣ засѣданія Совѣта Съѣзда состоялось подъ предсѣдательствомъ проф. Д. И. Багалѣя засѣданіе Ученаго Комитета, на которомъ была выработана программа ученой дѣятельнсти Съѣзда на среду, четвергъ и пятницу, 21—23 августа.

21 Августа (среда).

10 час. утра.

В ъ а к т о в о м ъ з а л ѣ.

Секція VII. Древности классическія, византійскія восточныя и западно-европейскія.

Почетный предсѣдатель: проф. В. П. Бузескулъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.
Секретари: М. А. Масловъ, Арс. П. Кадлубовскій, В. И. Савва.

Д о к л а д ы:

1. Д. В. А й н а л о в ъ. Гдѣ и какъ была принята св. княгиня Ольга въ Царь-Градѣ.
2. Проф. Ю. А. К у л а к о в с к і й. Византійскій лагерь въ X вѣкѣ.
3. В. М. С ы с о е в ъ. Киммерійцы.

---

2 часа дня.

Секція II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель: Н. А. Янчукъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. Θ. Сумцовъ.
Секретари: В. В. Каллашъ, А. В. Ветуховъ.

Доклады:

1. Проф. В. Н. Мочульскій. Смерть казака по народнымъ пѣснямъ и думамъ.
2. В. И. Василенко. Къ вопросу объ областной этнографіи.
3. Проф. А. М. Покровскій. О золотарствѣ въ Харьковской губерніи.

8 час. веч.

Секція V. Древности церковныя.

Почетный предсѣдатель: Преосвященный Стефанъ, епископъ Сумской.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. В. Покровскій.
Секретари: А. А. Завьяловъ и А. А. Мироновъ.

Доклады:

1. Д. В. Айналовъ. Даръ великой княгини Ольги въ ризницу церкви св. Софіи въ Царьградѣ.
2. А. И. Слупскій. Архитектурные памятники въ Соликамскѣ. (Мѣстная справка на запросъ Съѣзда).
3. Доклады предсѣдателя секціи проф. Н. В. Покровскаго о поступившихъ рефератахъ.

---

22 Августа (четвергъ).

10 час. утра.

Въ актовомъ залѣ.

Секція I. Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель: В. И. Сизовъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. И. Веселовскій.
Секретари: Н. Ѳ. Бѣляшевскій, В. М. Сысоевъ, А. А. Мироновъ.

Доклады:

1. В. А. Городцовъ. Донецкое городище.
2. Проф. Д. Я. Самоквасовъ. О донецкомъ городищѣ и прилегающихъ могилахъ.
3. Проф. А. М. Покровскій. О верхне-Салтовскомъ могильникѣ.
4. Н. А. Янчукъ. Раскопки въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ.

10 час. утра.

Параллельное засѣданіе въ химической аудиторіи № 6.

Секція VI. Памятники языка и письма.

Почетный предсѣдатель: проф. А. С. Лебедевъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Е. Ѳ. Карскій.
Секретари: А. П. Кадлубовскій, Н. К. Грунскій.

Доклады:

1. Н. И. Петровъ. Первый (малорусскій) періодъ жизни и научно-философскаго развитія Г. С. Сковороды.
2. А. К. Бороздинъ. О современныхъ задачахъ изученія старой русской литературы.
3 Г. Ю. Тиховскій. Южно-русскій кодексъ Луки изъ Тернополя и его отношеніе къ трудамъ Скорины и южно-русскому кодексу 1575—7 года.

2 часа дня.

Въ актовомъ залѣ.

Секція III. Памятники исскуствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный предсѣдатель: проф. Г. Г. Павлуцкій.
Предсѣдатель секціи: проф. Е. К. Рѣдинъ.
Секретарь: В. Е. Данилевичъ.

Доклады:

1. Д. В. Айналовъ. Мраморы и инкрустаціи Десятинной церкви и Кіево-Софійскаго собора.
2. В. Е. Данилевичъ. Распространеніе монетныхъ кладовъ по Харьковской губерніи.
3. Проф. Е. К. Рѣдинъ. Религіозные памятники искусствъ Харьковской губерніи.

2 часа дня.

Параллельное засѣданіе въ аудиторіи № 1.

Секція VII Древности славянскія.

Почетный предсѣдатель: проф. И. А. Линниченко.
Предсѣдатель секціи: проф. М. С. Дриновъ.
Секретари: А. Л. Липовскій, В. Е. Данилевичъ.

Доклады:

1. А. Л. Липовскій. Мелкія замѣтки и параллели по славянскимъ древностямъ и исторіи.
2. А. Ѳ. Музыченко. Наблюденіе надъ народнымъ творчествомъ Крымскихъ болгаръ.
3. Проф. М. С. Дриновъ. Объ одномъ апокрифическомъ видѣніи пророка Исаіи.

23 Августа. (Пятница).

10 час. утра.

Актовый залъ.

Секція XII Памятники археографическіе.

Почетный предсѣдатель: Л. М. Савеловъ.
Предсѣдатель секціи: Ал. И. Маркевичъ.
Секретарь: Арс. И. Маркевичъ.

Доклады:

1. Проф. Д. Я. Самоквасовъ. Русское архивное законодательство.
2. Проф. С. Ѳ. Платоновъ по вопросу о Никоновскомъ сводѣ.

$1^1/_2$ час. дня.

Актовый залъ.

Секція: I Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель: Д. Я. Самоквасовъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. И. Веселовскій.
Секретари: В. М. Сысоевъ, Н. Ѳ. Бѣляшевскій и А. А. Мироновъ.

Доклады:

1. Н. И. Веселовскій. Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на Сѣверномъ Кавказѣ.
2. Е. П. Трифильевъ. Археологическая экскурсія въ Купянскій уѣздъ Харьковской губерніи.
3. Л. М. Савеловъ. Коротоянскій уѣздъ въ археологическомъ отношеніи.
4. Д. Н. Анучинъ. Черепа изъ доисторическихъ могилъ Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи (изъ раскопокъ В. А. Городцова).
5. В. А. Городцовъ. Отчетъ по раскопкамъ въ Изюмскомъ уѣздѣ.

2 час. дня.

Секція II. Древности Этнографическія.

Параллельное засѣданіе въ аудиторіи № 6.

Почетный предсѣдатель: проф. В. Н. Мочульскій.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.
Секретари: В. В. Каллашъ, В. В. Ветуховъ.

1. В. И. Василенко. Пряденіе и ткачество въ этнографическомъ отношеніи.
2. В. А. Бабенко. Коцарство.
3. И. А. Зарѣцкій. Гончарныя издѣлія и орнаментъ.

8 час. вечера.

Секція IV. Бытъ хозяйственный, домашній, юридическій, общественный и военный.

Актовый залъ.

Почетный предсѣдатель: г-жа А. Я. Ефименко.
Предсѣдатель секціи: проф. Д. И. Багалѣй.
Секретари: В. И. Савва и Е. П. Трифильевъ.

Доклады:

1. Проф. А. С. Лебедевъ. Епископская дѣятельность Самуила Миславскаго въ Бѣлгородской епархіи (1768—1771).
2. Е. А. Альбовскій. Къ первоначальной исторіи города Харькова.

8 час. вечера.

Параллельное засѣданіе въ аудиторіи № 1.

Секція VI. Памятники языка и письма.

Почетный предсѣдатель: проф. А. И. Кирпичниковъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Е. Ѳ. Карскій.
Секретари: А. П. Кадлубовскій и Н. К. Грунскій.

Доклады:

1. Е. Ө. Карскій. Къ вопросу о распространеній русскихъ нарѣчій.

2. Г. Ю. Тиховскій. Малорусскія и западнорусскія учительныя Евангелія XVI—XVIII вѣковъ.

3. Л. Г. Лопатинскій. О нѣкоторыхъ суффиксахъ русскаго языка, образовавшихся подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ.

4. А. П. Кадлубовскій. О старопечатныхъ южно-русскихъ тріодяхъ.

Въ 7 час. веч.

Засѣданіе II отдѣленія историко-географическихъ и этнографическихъ древностей.

Съ участіемъ кобзарей, лирниковъ и артистовъ русской труппы, (въ залѣ Общественной Библіотеки).

Почетный предсѣдатель: проф. А. Н. Красновъ.
Предсѣдатель отдѣленія: Н. Ө. Сумцовъ.
Секретари: В. В. Каллашъ и А. В. Ветуховъ.

Почетный предсѣдатель проф. А. Н. Красновъ въ своемъ вступительномъ словѣ указалъ на то, что собираніе произведеній народнаго пѣснотворчества представляетъ бо̀льшія затрудненія, чѣмъ собираніе предметовъ матеріальной культуры. Тамъ отъ собирателя требуется только знаніе этнографіи и наблюдательность, здѣсь, помимо всего этого, и громадное музыкальное чутье, умѣнье не только записать пѣсню, но и точно воспроизвести ее, что, конечно, очень трудно. Проще дать возможность выслушать произведенія народнаго творчества въ исполненіи самихъ его составителей и хранителей, въ данномъ случаѣ лирниковъ и бандуристовъ. Этой живой старинѣ, вымирающей и исчезающей, и будетъ посвящено засѣданіе.

Предсѣдатель секціи проф. Н. Ө. Сумцовъ прочелъ затѣмъ краткую вступительную замѣтку **о кобзаряхъ и лирникахъ Харьковской губ.** Малорусскія историческія пѣсни и думы, сопровождаемыя мелодичными звуками кобзы, сыграли важную роль въ жизни украинскаго народа, особенно въ тяжелые годы XVI и XVII столѣтій, въ эпоху гоненій отъ татаръ и поляковъ,

онѣ оживляли угнетенный духъ народа и подымали его на новые подвиги терпѣнія и борьбы. Дума со всей своей поэтической и музыкальной обстановкой была хорошей воспитательной школой для крестьянства и вышедшаго изъ него казачества.

Съ перемѣной условій народной жизни, мало по малу отошли въ область исторіи и кобзари, почти совсѣмъ смолкли ихъ героическія думы и выдохлись ихъ бытовыя пѣсни. Въ концѣ сороковыхъ годовъ П. А. Кулишъ предпринялъ путешествіе по право-и лѣвобережной Малороссіи, преимущественно по Кіевской и Полтавской губерніямъ, съ цѣлью ознакомиться съ народными пѣснями, преданіями и повѣрьями. На правой сторонѣ Днѣпра онъ не отыскалъ бандуристовъ; на лѣвой сторонѣ Днѣпра онъ познакомился лишь съ весьма немногими, и какъ на выдающихся хранителей и выразителей народнаго поэтическаго творчества указалъ на Андрія Шута и Остапа Вересая. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ выхода въ свѣтъ Записокъ о Южной Руси г. Кулиша, г. Русовъ сообщилъ въ 1873 году, что Андрей Шутъ скончался, и Остапъ Вересай такимъ образомъ, оставался почти единственнымъ бандуристомъ, знающимъ старинныя думы. Вересая возили въ Кіевъ и Петербургъ, гдѣ онъ пѣлъ думы передъ многочисленными слушателями. Въ Петербургѣ его не смущало присутствіе вліятельныхъ и чиновныхъ особъ. Онъ исполнялъ свои пѣсни также свободно и прочуствованно, какъ бы пѣлъ ихъ въ своемъ родномъ украинскомъ селѣ: на грустныхъ мѣстахъ плакалъ, на веселыхъ притопывалъ ногой.

Въ Кіевѣ Вересая слушалъ извѣстный французскій профессоръ Рамбо. Въ весьма распространенномъ французскомъ журналѣ „Revue des deux Mondes“ онъ напечаталъ пространную статью о Вересаѣ и его пѣсняхъ, изъ которой видно, что этотъ могиканъ малороссійскаго народнаго богатырскаго поэтическаго творчества произвелъ на французскаго ученаго большое впечатлѣніе, и мелодія малороссійской пѣсни ему очень понравилась. Кромѣ статьи Рамбо, о Вересаѣ есть еще двѣ обширныя статьи; одна принадлежитъ г. Русову, другая г. Лисенку. Г. Иващенко въ 1874 г. сообщилъ юго-западному отдѣлу географическаго общества, что въ Нѣжинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи проживаютъ два кобзаря: Павло Братыця и Прокипъ Дубъ. Подъ звуки бандуры они спѣли Иващенку обыкновеннымъ эпическимъ речитативомъ думу про З. Б. Хмельницкаго и Барабаша, думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, думу про козака Голоту и нѣсколько духовныхъ стиховъ и юмористическихъ пѣсенъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ районѣ лѣвобережной Малороссіи, въ особенности среди крестьянъ Харьковской губерніи

находится еще значительное число кобзарей. Лѣтъ 50 назадъ Срезневскій, Костомаровъ, Метлинскій и Нѣговскій записали отъ Харьковскихъ кобзарей весьма цѣнныя поэтическія произведенія. Такъ весьма цѣнный и художественный варіантъ думы о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова записанъ Нѣговскимъ отъ кобзаря Кулибабы изъ Ольшаны, въ 30 верстахъ отъ Харькова. Лучшій варіантъ думы о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ записанъ Костомаровымъ въ Харьковской губерніи. Лучшій варіантъ думы о Марусѣ Богуславкѣ записанъ Кулишомъ въ Красномъ Кутѣ, Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ. Во 2 томѣ Записокъ Юго-Западнаго отдѣла Географическаго Общества находится любопытное сообщеніе, что въ Лебединскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи были кобзари-мастера своего дѣла, ученики которыхъ расходились по Черниговской губерніи. Въ послѣдніе годы на страницахъ „Кіевской старины“ и „Этнографическаго Обозрѣнія“ отмѣчено еще нѣсколько кобзарей въ лѣвобережной Малороссіи, напр., Иванъ Крюковскій, Прокопъ Чубъ, Иванъ Радовенко. Въ частности есть записи и въ Харьковской губ.: А. Д. Твердохлѣбова—въ Ахтырскомъ уѣздѣ, П. В. Иванова—въ Купянскомъ, записи г. Лисевича и г. Малинки изъ Черниговской губ. и др. Время не ждетъ. Послѣдніе кобзари вымираютъ. Нужно собрать, что еще уцѣлѣло, и въ какомъ-бы то ни было видѣ, въ видѣ думъ, пѣсенъ, псальмъ, полузабытомъ прозаическомъ пересказѣ.

Слѣпые-пѣвцы нищіе—не вымогатели милостыни, не лицемѣрные обманщики, прикрывающіе лохмотьями падшую нравственность и огрубѣлую въ порокахъ душу; въ селахъ нищаго каждый знаетъ и здѣсь невозможно обмануть кого-либо мнимой бѣдностью. Будучи послѣдними въ народѣ, по своему убожеству и неспособности къ земледѣльческимъ и другимъ работамъ, малорусскіе бандуристы занимаютъ первое мѣсто по развитію поэтическихъ способностей. Живя среди непробудной ночи, не видя въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ вокругъ себя ни одного человѣческаго лица, они всей мыслью, какая только можетъ быть при такомъ состояніи, уходятъ внутрь себя.

Въ прежнее время существовали кобзарскія школы: слава бандуриста распространялась по селамъ; къ нему сходились ученики, такіе же обиженные природой горемыки-слѣпцы, какъ и знаменитость ихъ привлекшая; года три—четыре странствовали они со своимъ, большею частью, угрюмымъ наставникомъ по селамъ, тщательно прислушиваясь къ его пѣснямъ и игрѣ на бандурѣ. Прежде чѣмъ проникнуть въ тайну народнаго музыкальнаго искусства и ознакомиться съ его технической стороной, имъ нужно было пройти тяжелую кобзарскую школу, неразрывно связанную съ жизнью впроголодь.

Затѣмъ, охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ программу предстоящаго музыкальнаго отдѣленія проф. Сумцовъ высказалъ надежду, что настоящее засѣданіе усилитъ интересъ къ кобзарямъ и собиранію произведеній народнаго пѣснотворчества.

В. В. Ивановъ въ краткой рѣчи охарактеризовалъ **Артели слѣпыхъ, ихъ организацію и современное положеніе:**

„Чтобы изучать народъ, обучать его и помогать ему, говоритъ одинъ изъ величайшихъ писателей нашего времени, нужно войти въ него и, живя какъ онъ, примѣняясь къ нему, изучать, обучать и помогать“. Устраняя изъ этой формулы политику и рецептуру жизни, насъ не интересующія, мы, по словамъ докладчика, имѣемъ предъ собою превосходные обращики раціональнаго метода изученія народа. Чтобы изучить предметъ, надо стать въ уровень его и тогда обозрѣвать его во весь ростъ, На народную жизнь надо посмотрѣть глазами самого народа, надо прислушаться къ его взглядамъ, выслушать его собственное мнѣніе объ его жизни. Такъ называемая историческая точка зрѣнія, при которой стараются смотрѣть на ту или другую эпоху глазами этой же эпохи, представляетъ собою другую разновидность одного и того же метода·

Примѣняя тотъ же методъ, референту удалось константировать существованіе четырехъ своеобразныхъ классовъ населенія въ малорусской деревнѣ Харьковской губерніи, изъ которыхъ каждому дано особое народное названіе, именно „жупаныки“, „дукачи“ „мужики“ и „голь“. Отсылая желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ этимъ явленіемъ къ изданной Харьковскимъ Губернскимъ Статистическимъ Коммитетомъ книгѣ „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“, докладчикъ указалъ что каждый изъ этихъ классовъ или группъ населенія имѣетъ свои обычаи и взгляды, свой психологическій и экономическій укладъ, свои особые интересы, во многомъ противоположные одинъ другому.

Неисчерпаемыя послѣдстія для теоретиковъ и практическихъ дѣятелей можетъ дать примѣненіе указаннаго метода. Въ настоящее время, изучая случайно одну какую нибудь группу населенія, мы дѣлаемъ обобщеніе о всемъ населеніи, помогая одной группѣ, во вредъ другимъ, мы увѣрены, что приносимъ пользу всему населенію.

Процессъ эволюціи матеріальныхъ благъ: жилища, одежды и духовныхъ цѣнностей жизни, взглядовъ, обычаевъ, а также процессы вывѣтриванія стараго и наростанія новаго суть явленія, сопутствующія указанному процессу дифференціаціи и кристаллизаціи населенія по группамъ или классамъ. Въ

этомъ процессѣ происходящемъ внутри, надо искать разгадку процессовъ, происходящихъ снаружи, процессовъ эволюціи, разложенія и новообразованія.

И вотъ, среди этого водоворота разныхъ процессовъ жизни, лишенные зрѣнія, какъ-бы отрѣшенные отъ жизни, одиноко стоятъ особой группой сохраняя устои, душу и завѣты прошлаго. Это—слѣпцы, называющіе себя „неулипами" или „невлипами", „каликами", „любками". По условіямъ своей жизни, они нуждаются въ особой организаціи и кое-гдѣ имѣютъ ее. Существуютъ „слипецьки общества". Во главѣ каждаго стоитъ атаманъ, въ обращеніи просто „панъ-отець", избираемый „сходкою" невлиповъ на неопредѣленное время, впредь до какой нибудь провинности. Власть и вліяніе его значительны. Онъ разбираетъ ссоры и присуждаетъ наказанія, разрѣшаетъ членамъ другихъ обществъ ходить, „ханжуваты" въ районѣ даннаго общества, до извѣстной степени регулируетъ промыселъ. При отсутствіи его, самъ „міръ" слѣпцовъ отправляетъ правосудіе по своему обычному праву и вѣдаетъ другія дѣла.

Подобно другимъ тайнословцамъ, напр. барышникамъ, невлипы имѣютъ свой особый говоръ, передаваемый изъ поколѣнія въ поколѣніе и понятный только имъ и поводатарямъ ихъ. Въ интересахъ самоохраны, чтобы не выдавать себя постороннимъ лицамъ, которыхъ они не видятъ, они выработали себѣ особый жаргонъ. Лексиконъ этого жаргона не особенно великъ и охватываетъ наименованія окружающихъ людей, предметовъ пищи, одежды, жилища, денегъ и т. п., а также разныхъ дѣйствій. Въ основѣ лежатъ греческія слова и другія.

Въ заключеніе, докладчикъ выразилъ мысль что настоящее, бываетъ часто разложенными листами исторіи; современное-иногда прошлое въ пространствѣ, а прошлое-современное во времени. Наша этнографическая выставка и въ особенности ея живой экспонатъ-слѣпцы, подтверждаютъ это положеніе. Невлипы-это живая, ходящая археологія. Да будетъ сохранено въ ней все чистое и доброе, но да устраниться злое и оскорбительное. Люди рождаются иногда слѣпыми, но никто не рождается нищимъ. Нищенство-оскорбительный промыслъ. Пожелаемъ же для нашихъ слѣпцовъ признанія ихъ въ качествѣ юридическаго лица, какъ обособленную корпорацію, пожелаемъ имъ признанія ихъ человѣческаго достоинства. Пожелаемъ для нихъ особыхъ убѣжищъ, школъ грамоты и школъ ремесла. Рожденный слѣпымъ да сохранится человѣкомъ!"

И. М. Хоткевичъ прочелъ сообщеніе на тему „**Нѣсколько словъ о бандуристахъ и лирникахъ**".

Происхожденіе искусства бандуристовъ и лирниковъ относится къ глубокой древности. Наиболѣе древнюю форму его даетъ „Слово о полку Игоревѣ“ въ лицѣ Баяна съ его гуслями. То, что понимается подъ бандуристами и лирниками теперь, сложилось въ казацкую эпоху. Въ казацкомъ обиходѣ бандура и бандуристъ играли очень крупную роль. Бандуристы—казаки сопровождали войска во время походовъ, позднѣе принимали живое участіе въ гайдамацкихъ волненіяхъ. На ихъ положеніи отражались всѣ перипетіи малорусской исторіи. Гибель казачества привела къ быстрому вырожденію бандуристовъ и ихъ промысла. Теперь это—нищій, слѣпецъ, живущій доброхотными подаяніями слушателей, перезабывшій почти весь свой старый репертуаръ, преслѣдуемый городской и сельской администраціей. Затѣмъ И. М. Хоткевичъ подробно объяснилъ устройство бандуры и лиры, различія въ техникѣ игры и въ репертуарѣ бандуристовъ Харьковской, Полтавской и Черниговской губерній. Въ концѣ сообщенія было указано на необходимость прекращенія преслѣдованій бандуристовъ и лирниковъ.

Въ выставленную при входѣ кружку было опущено членами съѣзда въ пользу лирниковъ и бандуристовъ 122 р. 15 к.

Музыкальное отдѣленіе состояло изъ слѣдующихъ №№:

Отд. I (историческій).

1. Дума про вдову та трехъ сынивъ (лирникъ Ларивонъ Харьк. губ.). 2. Письня про Морозенка (бандуристъ Терентій, Пархоменко, Черниг. губ.). 3. Дума про трехъ самарськихъ братывъ (бандуристъ Мыхайло Кравченко, Полт. губ.). 4. Дума про Хмельныцкого та Барабаша (бандуристъ Иванъ Кучеренко, Харьк. губ.). 5. Дума „Буря на Черному мори“, про Олексія Поповича (съ аккомп. бандуры И. М. Хоткевичъ). 6 Дума про Степана, изъ „Невольныка“ (г. Садовскій). 7. Письня про руйнування Сичи (хоръ товарищества русско-малор. артистовъ).

Отд. II (религіозно-нравственный и бытовой).

А) Религіозно-нравственный. 1. Псальма Сковороды (лирникъ Самсонъ Веселый и бандуристъ Иванъ Нетеса). 2. Псальма „Ангелы душу пробуджуваютъ (бандуристы Терентій Пархоменко, Михайло Кравченко и Петро Древченко). 3. Про правду (слѣпецъ Павло, лирникъ Иванъ Зозуля, бандуристы Павло Гащенко, Иванъ Кучеренко и Петро Древченко).

В) Обрядовыя. 4. Колядка „Бачыть Богъ, бачыть Творецъ“ (хоръ товарищ. русско-малор. артистовъ).

С) Бытовыя. Чумацкая пѣсня (г. Садовскій). „Ой изъ за —горы стовпомъ дымы (весиля), „Ой по пидъ лисомъ бытая дороженька (весиля) (хоръ товарищества русско-малор. артистовъ). 7. Свадебныя письни („троиста музыка"), двѣ скрипки и басъ. 8. И шумыть и гуде, Ой за гаемъ гаемъ (лирники и бандуристы).

Отд. III Юмористическій и сатарическій.

1. Про попадю (бандуристъ Павло Гащенко). 2. Кисель (бандуристъ Иванъ Нетеса). 3. Мищанка (лирникъ Иванъ Зозуля). 4. Дворянка (бандуристъ Иванъ Кучеренко). 5. Чечитка (бандуристъ Петро Древченко). 6. Забилили сниги и скину кужиль на полыцю (хоръ товарищества). 7а) Дудочка (одни бандуристы). б) Горлыця (бандуристы и лирники). с) Гречаныки (бандуристы, лирники и тройста музыка).

Добавочный списокъ депутатовъ, прибывшихъ 15—20 августа.

Отъ Императорскаго Университета св. Владиміра—В. С. Иконниковъ и Ю. А. Кулаковскій.

Отъ Имп. Унив. св. Владиміра и отъ общества Нестора-лѣтописца—М. Н. Ясинскій.

Отъ Императорскаго Петербургскаго Университета—К. А. Бороздинъ.

Отъ Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института—Е. И. Кашпровскій.

Отъ Московской Духовной Академіи—А. И. Голубиовъ.

Отъ Петербургской Духовной Академіи—Д. И. Абрамовичъ.

Отъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей—А. И. Маркевичъ.

Отъ Общества Нестора лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра—А. І. Степовичъ.

Отъ Калужскаго Церковно-историческаго и Археологическаго Общества—И. Ф. Цвѣтковъ.

Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи—Г. Г. Лукьяновъ.

Отъ Пермской архивной коммиссіи—Д. В. Скрынченко.

Отъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета—Д. Г. Тюменевъ.

Отъ Общества любителей изученія Кубанской области—В. В. Скиданъ.

Отъ Екатеринославскаго губернскаго статистическаго комитета—Я. Г. Гололобовъ.

Отъ Курскаго губернскаго статистическаго комитета—Н. Н. Златоверховниковъ.

Отъ общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ—Д. В. Васильевъ и Н. К. Горталовъ.

Отъ Таврической Архивной Коммиссіи—А. Н. Ильинъ.

Отъ Екатеринославскаго Научнаго Общества—Н. В. Чеховъ.

Отъ Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института кн. Безбородко—М. Н. Бережковъ.

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества—Д. И. Иловайскій и Д. Я. Самоквасовъ.

Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея—Н. А. Янчукъ.

Отъ Черниговской Архивной Коммиссіи—М. П. Добровольскій.

Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета—Н. А. Максимейко.

Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета—І. І. Квачало.

ИЗВѢСТІЯ
XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 7. 15—27 Августа 1902 г. № 7.

20 Августа (Вторникъ).

10 час. утра.

Актовый залъ.

Секція I. Первобытныя древности.

Почетный предсѣдатель: генер.-лейтен. Н. Е. Бранденбургъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. И. Веселовскій.
Секретари: Н. Ф. Бѣляшевскій, В. М. Сысоевъ и А. А. Мироновъ.

В. И. Сизовымъ прочтенъ докладъ: „**Гончарное дѣло въ Гнѣздовскихъ курганахъ, Смоленской губерніи**". Референтъ указываетъ на то важное археологическое значеніе, которое представляютъ собою поддѣлки изъ глины, встрѣчаемыя при раскопкахъ кургановъ и городищъ. На издѣліяхъ изъ глины вырабатывались у первобытнаго человѣка первыя понятія объ искусствѣ, глина послужила матеріаломъ для первоначальныхъ художественныхъ его произведеній. Гнѣздовскій могильникъ также чрезвычайно богатъ глиняной посудой; подробное описаніе его уже приготовлено къ печати референтомъ и появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Сосуды Гнѣздовскаго могильника всѣ имѣютъ ритуальное значеніе. Дѣлятся они на 2 типа: сосуды-урны, наполненные остатками пережженныхъ костей покойниковъ и сосуды, въ которыхъ находилась пища, закапываемая обычно при обрядѣ погребенія вмѣстѣ съ покойникомъ. Первый типъ болѣе устойчивъ, второй варьируется, хотя въ общемъ сосуды подобнаго типа встрѣчаются въ употребленіи у окрестныхъ жителей даже въ настоящее время, не встрѣчаются на нихъ только „клейма" сосудовъ Гнѣздовскаго могильника. Клейма—не на всѣхъ сосудахъ— имѣютъ

значеніе символическое, въ христіанскую эпоху они являлись лишь пережиткомъ старины; одно и тоже клеймо встрѣчается въ разныхъ пунктахъ могильника, эволюція отъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ сюжетамъ клеймъ очевидна. На основаніи аналогіи сосудовъ и клеймъ Гнѣздовскаго могильника съ подобными же сосудами Прибалтійскихъ музеевъ, референтъ призналъ населеніе Гнѣздовскаго могильника разсѣяннымъ западнымъ славянскимъ племенемъ.

Н. И. Троицкій обратилъ вниманіе референта на значеніе сосудовъ, но сопоставляетъ ихъ съ мегалитическими памятниками—дольменами и каменными сосудами.

Л. Г. Лопатинскій сдѣлалъ дополненіе, что въ Будапештскомъ музеѣ встрѣчается много сосудовъ, подобныхъ Гнѣздовскимъ. Но они оказались извѣстными докладчику.

Д. И. Иловайскій выражаетъ сомнѣніе, чтобы въ то малокультурное время могло быть представленіе о символикѣ.

Референтъ: Гнѣздовскій могильникъ относится къ X вѣку, культура здѣсь уже не первобытная. Однако же свастика встрѣчается у многихъ народовъ въ древнее время.

И. А. Линниченко сомнѣвался вообще въ ритуальномъ значеніи клеймъ на сосудахъ, находя, что клейма могли быть просто фабричными знаками, или знаками собственности.

Н. Ф. Бѣляшевскій присоединяется къ мнѣнію г. Линниченко, т. к. клейма, подобныя Гнѣздовскимъ, встрѣчались не только въ могильникахъ, но и въ городищахъ XII и XIII столѣтій т. е. въ христіанское время и въ бытовой, а не погребальной обстановкѣ.

Референтъ возразилъ, что это могло быть только пережиткомъ языческихъ обычаевъ, наконецъ, въ городищѣ погребальный сосудъ могъ оказаться случайно.

В. З. Завитневичъ сообщаетъ, что изображенная въ рисункѣ на доскѣ форма Гнѣздовскихъ сосудовъ, встрѣчается и не съ костями, а съ углемъ, указывающемъ скорѣе на бытовое назначеніе сосуда.

Д. Я. Самоквасовъ указываетъ что клейма, подобныя Гнѣздовскимъ, встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстностяхъ; затѣмъ спрашиваетъ: есть ли подобныя клейма на сосудахъ Салтовскаго могильника?

Проф. Д. И. Багалѣй. Клейма есть.

Г. Янчукъ и В. М. Сысоевъ высказали свои замѣчанія относительно значенія слова „ряжка“, которымъ референтъ называетъ сосуды съ пищею, составляющіе одну изъ при-

надлежностей погребальнаго ритуала. Близь Ростова, по заявленію В. М. Сысоева, „ряжками“ называются деревяныя бочки.

Л. В. Падалка. Для рѣшенія вопроса о томъ или другомъ значеніи клеймъ надо было бы знать, не существовало ли въ X вѣкѣ общественнаго производства сосудовъ. Быть можетъ, это только отличительныя клейма того или другого мастера, работавшаго вмѣстѣ съ другими въ одной и той же общей мастерской. Нахожденіе же сосудовъ въ различныхъ географическихъ пунктахъ могло быть результатомъ естественной эволюціи чертъ, объединенныхъ общей стадіей развитія производства, безъ всякаго именного значенія.

Л. Г. Лопатинскій указываетъ на перстень, найденный около Шуши; тамъ подобныя клеймамъ знаки составляютъ повидимому надпись.

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ: **Раскопки въ сѣверной Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о неолитическихъ поселеніяхъ съ керамикой до—Микенскаго типа.**

Раскопки г. Хвойко около Триполья представляютъ очень большой интересъ загадочностью своей культуры. Всякая попытка разрѣшить этотъ вопросъ имѣетъ значеніе для выясненія этнографическихъ данныхъ. Благодаря счастливой случайности въ 1902 г. удалось произвести небольшія, но очень интересныя раскопки въ Бессарабіи, которыя можно поставить въ прямую связь съ раскопками г. Хвойко.

Въ имѣніи Е. К. Бузни осенью 1901 г. была найдена маленькая глиняная миска, которая вызвала интересъ въ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей. По порученію Общества референтомъ 11 мая 1902 г. произведены были раскопки въ имѣніи Петрены (въ Бѣлецкомъ уѣздѣ, Бессарабской губ.). Здѣсь мѣстность представляетъ довольно высокую площадь, круто ниспадающую къ югу; на склонѣ этой площадки устроенъ недавно виноградникъ, огороженный съ верхней стороны рвомъ, при чемъ найдены были разные черепки и остатки кирпичной стѣны. Произведенныя по рву раскопки на большой глубинѣ обнаружили остатки кирпичныхъ стѣнъ, идущихъ по направленію отъ юга на сѣверъ. Здѣсь же были найдены: посуда, простая и грубая съ ушками, плотно прилегающими къ корпусу; 2) сосуды плотной красной глины съ орнаментами черной краской на красномъ фонѣ и т. п. Орнаментъ по преимуществу геометрическій, и только въ двухъ случаяхъ имѣется изображеніе: 1) человѣка и 2) козы или осла. Найдены были также: фрагментъ фигурки кабана, обломанные каменные топоры и молотки.

Раскопки будутъ продолжены осенью текущаго года.

Интересъ этихъ раскопокъ очень большой: длинная площадка, кирпичныя стѣны, каменныя орудія, своеобразная форма сосудовъ и ихъ орнаментація не оставляютъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ культуру, аналогичную той, которая обнаружена г. Хвойко на берегахъ Днѣпра, близъ Триполья и т. п. Открытіе такой культуры въ Бессарабіи представляетъ собою шагъ впередъ въ опредѣленіи степени ея распространенности и позволяетъ сдѣлать нѣсколько новыхъ заключеній: 1) о назначеніи этихъ площадокъ и 2) объ этнографической ихъ принадлежности. Относительно назначенія этихъ площадокъ въ литературѣ были высказаны слѣдующія мнѣнія: 1) г. Хвойко считалъ ихъ жилыми помѣщеніями; тоже высказывалось по поводу раскопокъ на мѣстѣ неолитическаго поселенія съ керамикой домикенскаго типа въ сел. Колодистомъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, В. Н. Доманицкаго и Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. Однако, аналогичныя статуетки и сосуды теперь найдены въ Галиціи, Румыніи (возлѣ Кукутени), въ Каппадокіи и т. д. Много аналогичнаго имѣютъ и знаменитыя неолитическія находки Радимскаго и Фіалы въ Босніи (въ Бутмирѣ). Когда набрался такой обширный матеріалъ, то возможно уже высказать болѣе опредѣленный взглядъ. Оссовскій предложилъ считать площадки мѣстомъ погребенія, Хвойко и Волковъ приняли это мнѣніе, но ихъ доказательства не убѣдительны. Эти площадки, можно считать жилыми помѣщеніями; но доказательствъ еще не особенно много: до сихъ поръ не найдено остатковъ пищи.

Тѣ, кто желаетъ доказать, что площадки были мѣстомъ погребенія, должны доказать, что тогда было трупосожженіе.

Вообще, вопросъ о назначеніи площадокъ слѣдуетъ считать открытымъ до болѣе значительныхъ систематическихъ раскопокъ.

Еще болѣе интересенъ вопросъ о національности людей, которымъ принадлежали эти площадки. Г. Хвойко высказываетъ мнѣніе, что это были славяне, исконные автохтоны этихъ мѣстъ. Однако, обративъ вниманіе на совершенную аналогію предметовъ изъ раскопокъ близъ Триполья, въ Бессарабіи, Румыніи, Босніи и Каппадокіи, мы должны принять иной взглядъ.

Ближайшую аналогію сосудамъ изъ этихъ раскопокъ представляетъ троянская культура. Въ виду этого, нужно припомнить, что греки пришли съ сѣвера, что они когда-то жили около Чернаго моря и т. п. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ

культурой, которая въ древнѣйшій періодъ шла съ сѣвера, перешла Балканы, двинулась на югъ и зашла даже въ Малую Азію,—съ той самой культурой, которую мы называемъ Микенской. Такимъ образомъ, мы можемъ признать, что площадки принадлежатъ греческому племени.

Высказываемое мнѣніе есть только догадка, а не точно и строго обоснованный выводъ, такъ какъ фактовъ еще не достаточно.

В. П. Бузескулъ признаетъ послѣднюю гипотезу референта очень важной и проситъ его высказаться категорически о томъ, можно ли установить преемственную послѣдовательность культуръ: а) раскопокъ Хвойко и въ раскопокъ Бессарабіи, б) троянской и в) микенской.

Э. Р. фонъ-Штернъ находитъ возможнымъ установить такую преемственность. Въ раскопкахъ Хвойко и въ Бессарабіи лицевыхъ урнъ нѣтъ и оружіе болѣе грубо, чѣмъ въ Троѣ; съ другой стороны, въ Троѣ постоянно находятъ сосуды съ прижатыми ушками. Однимъ словомъ, можно видѣть, что довольно грубая культура, добытая изъ раскопокъ Хвойко и въ Бессарабіи получаетъ въ Троѣ большее развитіе и въ Микенахъ наибольшее совершенство.

Н. И. Петровъ указываетъ, что въ с. Гуневкѣ, Обоянскаго уѣзда, Курской губ., былъ найденъ кладъ съ римскими монетами II в. по Р. Х. и тамъ же были найдены черепки, которые, повидимому, сходны съ упоминаемыми референтомъ.

Н. Ѳ. Бѣляшевскій указываетъ, что первыя находки до-микенской культуры были сдѣланы въ имѣніи г. Абазы.

Ал. И. Маркевичъ сообщаетъ, что въ Луврскомъ музеѣ онъ видѣлъ сосуды съ аналогичнымъ орнаментомъ (утолщенная спираль), которые тамъ относили къ финикійской и семитической культурѣ.

Э. Р. фонъ-Штернъ указываетъ, что этотъ взглядъ теперь уже оставленъ и что сосуды этого типа теперь признаются греческими, до-микенскаго періода: они доходили до острововъ Сардиніи, Корсики и т. д.

Н. Ѳ. Бѣляшевскій сообщаетъ, что послѣднія раскопки Хвойко показываютъ еще большую близость орнамента съ орнаментомъ островныхъ и микенскихъ сосудовъ; есть даже меандръ. Такимъ образомъ, весьма возможна связь съ Малой Азіей и островами.

Л. Г. Лопатинскій проситъ привести доказательства движенія грековъ съ сѣвера на югъ.

Э. Р. фонъ-Штернъ сообщаетъ, что доказательства

можно найти и въ миѳологіи грековъ, въ которой очень большую роль играютъ: Колхида, Кавказъ, Черное море и т. д.

Въ послѣдующихъ замѣчаніяхъ по поводу доказательства движенія грековъ съ сѣвера на югъ принимали участіе: Э. Р. фонъ-Штернъ, Л. Г. Лопатинскій и г. Стовикъ, который указывалъ, что „Бессарабія“ есть слово славянское: „Безсябріе“.

Проф. В. З. Завитневичъ, въ рефератѣ **„О культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ Славянъ курганнаго періода**,—остановился на находкахъ предметовъ изъ раскопокъ Херсонеса Таврическаго и нашихъ кургановъ.

Сравненіе этихъ предметовъ даетъ во многихъ случаяхъ полную аналогію. Таковы, напр., слѣдующіе предметы: разнаго рода серебряныя кольца, металлическіе и стеклянные браслеты, перстни, бусы, пряжки, парча и шелковыя ткани; приготовленіе свѣчей также заимствовано изъ Византіи. Посуда, однако, показыватъ, что у славянъ она выработалась самостоятельно; только лишь плоскія миски одинаковы съ Херсонесскими.

Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что даже въ такую отдаленную эпоху, какъ курганная, существовали торговыя сношенія между группами восточныхъ славянъ и Византіей. Сношенія эти имѣли результатомъ вліяніе византійской культуры на самыя захолустные уголки территоріи, заселенной славянами.

Болѣе точные выводы будутъ возможны при сравнительномъ изданіи, какъ тѣхъ, такъ и другихъ памятниковъ.

По поводу прочитаннаго доклада Н. Ѳ. Бѣляшевскій высказалъ предположеніе о существованіи въ Херсонесѣ русской торговой колоніи.

По окончаніи преній предсѣдателемъ съѣзда гр. П. С. Уваровой были доложены привѣтствія XII съѣзду, полученныя:

1) Отъ бывшаго Харьковскаго губернатора, нынѣ сенатора Г. А. Тобизена.

2) Отъ Ѳ. И. Успенскаго, директора археологическаго института въ Константинополѣ.

3) Отъ М. М. Ковалевскаго—изъ Cadenabbia (на о. Комо).

Въ 2 часа дня.

Засѣданіе IV отдѣленія: бытъ домашній, хозяйственный, общественный, юридическій и военный.

Почетный предсѣдатель: г. Ректоръ Императорскаго Харьковскаго Университета, проф. Н. О. Куплеваскій.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Д. И. Багалѣй.
Секретари: В. И. Савва и Е. П. Трифильевъ.

Открывая засѣданіе, г. Ректоръ выразилъ благодарность за избраніе его почетнымъ предсѣдателемъ.

Затѣмъ слѣдовалъ докладъ А. Я. Ефименко. **Литовско-русскіе данники и ихъ дани.**

Платежное населеніе Литовско-русскаго государства со времени Витовта до Люблинской уніи дѣлится на тяглыхъ и данниковъ. Данники южно-русскихъ областей, благодаря условіямъ своей жизни, сохранили въ своемъ бытѣ много архаическихъ особенностей, вынесенныхъ несомнѣнно изъ древне-русской жизни. Жили они по дворищамъ, которыя распадались на дымы; ихъ платежныя обязательства предъ государствомъ выражались въ даняхъ медомъ и мѣхами, къ которымъ лишь постепенно присоединялись платежи иного характера. Данники управлялись выборными старцами и вообще пользовались значительной долей свободы и самостоятельности. Правительственная опека по отношенію къ территоріи данниковъ выражалась лишь въ правѣ въѣзда, которое было обставлено точнымъ юридическимъ опредѣлепіемъ. Данники пользовались правомъ собственнаго суда, но платили государству пошлины, которыя также назывались данями. Сохранившіяся люстраціи указываютъ и на иныя архаическія особенности быта этой категоріи населенія, объясненіе которыхъ ближе всего искать въ явленіяхъ жизни древне-русской.

Проф. И. А. Линниченко задалъ вопросъ о мѣстонахожденіи матерьяловъ по характеристикѣ строя Ратненскаго Староства, имѣя въ виду тѣ любопытныя особенности строя этого староства, которымъ оно отличается отъ другихъ Литовско-русскихъ Староствъ. Если въ характеристикѣ Ратненскаго Староства, сдѣланной г. Любомирскимъ и значительно сгущены краски, то несомнѣнно, что и теперь, когда обнародованы новые матеріалы, характеристическія особенности этого староства выдѣляютъ его въ особую группу и сближаютъ

его строй со строемъ Валашскихъ общинъ, главное мѣстонахожденіе коихъ находилось въ Галицкой Руси, но которые спорадически встрѣчаются въ другихъ областяхъ юго-западной Руси.

Н. О. Куплеваскій предложилъ вопросъ, не несли ли данники въ Литовскомъ государствѣ тѣ же обязанности, какъ и тяглые, и не практиковался ли въѣздъ по отношенію и къ тяглымъ, имѣя въ виду, что въ Московскомъ государствѣ въѣзды существовали именно въ отношеніи къ тяглому населенію?

А. Я. Ефименко отвѣтила, что нельзя отрицать аналогіи между литовско-русскими и московскими порядками и что въѣздъ, быть можетъ, представился бы яснѣе, если его освѣтить московскими документами. Въѣздъ въ бытѣ данниковъ является очень характерною чертою, съ которою связана изолированность ихъ. Тяглые же, въ силу иного отношенія ихъ къ государству, сравнительно съ данниками, главнымъ образомъ, работали въ экономическихъ дворахъ и сдѣлались крѣпостными.

Далѣе слѣдовало сообщеніе Л. В. Падалки. **Историческая обстановка формированія стараго народнаго быта въ Полтавщинѣ.**

Формы народнаго быта—не случайность въ жизни народа. Они органически выростаютъ въ теченіе долгихъ періодовъ времени, обнимая дѣятельность многихъ поколѣній. Въ формахъ народнаго быта проявляются интеллектъ и характеръ народа. Народный бытъ—исторія народа въ конкретныхъ образахъ.

Исходнымъ пунктомъ формированія стараго народнаго быта въ Полтавщинѣ считается половина 16 вѣка, когда на подлежащей обслѣдованію территоріи совсѣмъ почти прервались традиціи прежней исторической жизни, протекавшей здѣсь до времени обитанія кочевниковъ въ южно-русскихъ степяхъ. О пустынности большей части площади современной Полтавщины свидѣтельствуетъ Литовская метрика 1552 года. Въ эту пору здѣсь ясно выражены три племенные элемента: старорусскій элементъ—современный существованію Посульской области, элементъ торкскихъ, черно-клобуцкихъ и другихъ потомковъ степняковъ и элементъ Пятигорскихъ Черкасъ. Появленіе Черкасъ въ концѣ 14 вѣка сообщило особую физіономію краю и привело впослѣдствіи къ названію всего края Черкасскимъ. Лѣтописи свидѣтельствуютъ о постепенномъ сближеніи тюркскихъ кочевническихъ элементовъ со старорусскими.

Періодъ Вишневеччины, какъ начальный моментъ формированіи стараго для нашего времени народнаго быта въ Полтавщинѣ, подготовилъ продолжающуюся до настоящаго времени историческую традицію формированія типа, именуемаго малорусскимъ.

Неустойчивость терминовъ для обозначенія Полтавскаго края и обитавшаго здѣсь народа опредѣленнымъ названіемъ свидѣтельствуетъ какъ о пестротѣ племенныхъ элементовъ края, такъ и объ отсутствіи опредѣленнаго преобладанія какого-либо изъ этихъ элементовъ. Черкасскій край—временное оффиціальное названіе, Украйна—географическій терминъ, Казацкій край—слишкомъ общее и неопредѣленное для даннаго конкрета названіе, которое, поэтому, не привилось въ письменности.

Названіе Малая Русь оказалось наиболѣе жизнеспособнымъ.

Устанавливая единство народнаго быта необходимо признать и преемственность его формъ отъ вѣковъ давно минувшихъ. Та или другая грань бытового уклада народной жизни не исключаетъ выживанія отдѣльныхъ бытовыхъ чертъ, сложившихся въ предшествующіе періоды. Эта преемственность и выживаніе отдѣльныхъ чертъ наблюдается какъ въ матеріальной, такъ въ особенности въ духовной культурѣ. Народныя вѣрованія, напр., выживаютъ не вѣка, а тысячелѣтія, такъ какъ коренятся въ глубинѣ народнаго интеллекта.

Г. Лопатинскій высказалъ мнѣніе, что названіе Черкасы обязано своимъ происхожденіемъ Пятигорскимъ Черкесамъ, выведенныхъ еще Витовтомъ въ предѣлы Малороссіи, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя черкескія топографическія названія между Сеймомъ и Сулой, напр., Пселъ, Хоролъ и др.

Г. Василенко замѣтилъ, что къ вопросу о колонизаціи Полтавщины нужно относиться съ большой осторожностью. Необходимо привлечь этнографическія данныя.

В. Б. Антоновичъ выразилъ согласіе съ мнѣніемъ докладчика объ элементахъ, вошедшихъ въ составъ народности, которая слагалась въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. Мнѣніе докладчика о времени основано на документальныхъ источникахъ: люстраціяхъ замковъ Каневскаго и Черкасскаго половины XVI в. Многочисленныя поселенія Полтавщины, занесенныя на картѣ Боплана, скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ опровергаютъ мнѣніе докладчика, потому что Бопланъ жилъ во время полнаго разгара новой колонизаціи и подъ конецъ ея. Кромѣ Вишневецкихъ, колонизаціей Полтавщины занимались Конецпольскіе, Ельцы и т. д. Если указано было, что въ раіонъ, названный референтомъ, не входила Переяславская земля въ

XVI в., то о степени незаселенности и Переяславскаго отдѣла свидѣтельствуетъ документъ, сохранившійся въ Литовской метрикѣ и относящійся къ 1580 г., въ которомъ король разрѣшаетъ основать новый городъ на старомъ городищѣ, совершенно пустомъ, называемомъ Переяславлемъ. Мнѣніе Л. Г. Лопатинскаго, высказанное относительно поселеній Черкасскихъ, что народъ этотъ тождественъ съ кабардинцами, представляется вѣрнымъ. Въ документахъ ясно сказано, что вл. кн. Витовтъ переселилъ на Слѣпородъ изъ Пятигорска Черкасскую княгиню и весь ея народъ. Относительно этого поселенія было бы весьма интересно, если бы Л. Г. Лопатинскій обладающій знаніемъ кавказскихъ языковъ, пояснилъ одну подробность: кабардинцевъ, послѣ переселенія ихъ въ южную Русь, называютъ пятигорцами по имени г. Пятигоры, основаннаго Витовтомъ, гдѣ они были поселены, или *чемерисами*. Поясненіе этого названія, удержавшагося долѣе всего, намъ неизвѣстно; между тѣмъ, кромѣ этого названія, въ языкъ вошло нѣсколько словъ одного съ нимъ корня, такъ, напр., костюмъ, подобный костюму кавказскому, называется и теперь *чемерка*; есть растеніе, заимствованное, повидимому, изъ кавказской флоры, *чемерица* (veratrum nigrum).

Д. И. Иловайскій указалъ, что Полтавщина получила свое населеніе съ праваго берега Днѣпра—Волыни, гдѣ находились крупныя владѣнія колонизаторовъ Полтавщины. Названіе черкасы произошло не отъ черкесъ, а отъ города Черкасы, имѣя въ виду, что черкесъ не было на Дону, а между тѣмъ тамъ былъ городъ Черкаскъ. Что касается участія тюркскаго элемента въ образованіи казачества, то до него отъ исчезновенія Черныхъ Клобуковъ и Берендѣевъ прошло слишкомъ много времени, чтобы можно было придавать ему какое либо значеніе. Названіе Малая Русь не позднее, оно встрѣчается въ 13 вѣкѣ, но оно старше, чѣмъ названіе Великая Русь, которое встрѣчается въ грамотахъ патріарховъ въ 14 вѣкѣ.

Д. И. Багалѣй. Вопросъ, затронутый референтомъ, чрезвычайно вѣрный по своему значенію. Историческія свидѣтельства, привлеченныя докладчикомъ, не достаточны для разрѣшенія вопросовъ, имъ поставленныхъ. Референтъ указалъ на элементы черкескій, тюркскій и старорусскій, выдвинувъ послѣдній позже другихъ, а между тѣмъ ему именно принадлежитъ главная роль. Полтавщина составляетъ часть Малороссіи; особенности Полтавскаго населенія являются общимъ достояніемъ всего племени. Поэтому для рѣшенія вопроса о Полтавщинѣ нужно привлечь территорію Черниговской губерніи, такъ какъ населе-

ніе ея болѣе Полтавщины сохранило связь съ населеніемъ до-монгольскимъ. Но и этого мало. Нужно привлечь и населеніе право-бережной Украйны. Въ организаціи основныхъ чертъ быта на первомъ планѣ былъ элементъ мѣстный, туземный, а затѣмъ уже элементы отмѣченные докладчиками. Размѣры колонизаціоннаго движенія пятигорскихъ черкесовъ намъ неизвѣстны, а потому мы не въ состояніи опредѣлить ихъ значенія въ колонизаціи. То же нужно сказать и относительно торкскаго элемента. Есть, правда, свидѣтельство, что въ предѣлахъ Южной Руси и послѣ татарскаго нашествія задержались элементы тюркскіе, смѣшавшіеся съ русскимъ населеніемъ, но говорить о вліяніи этого элемента на наслоеніе населенія Полтавщины—трудно. Скорѣе можно говорить объ этомъ вліяніи въ до-татарскій періодъ, когда на Руси существовали черноклобуцкія поселенія, а въ Переяславскомъ княжествѣ жили торки. Что касается названія черкасы, то вѣроятнѣе его поставить въ связь съ названіемъ города Черкасы, чѣмъ черкесами.

Названіе черкасы сохранялось въ практикѣ Московскаго центральнаго правительства, которое называло черкасами жителей не только Полтавщины, но и Слободской Украйны и выходцевъ изъ-за Днѣпра, такъ что названіе Черкасы, по крайней мѣрѣ по Московскимъ актамъ, означало совокупность всего малорусскаго народа. Это объясняется той центральной ролью, которую игралъ въ колонизаціи края г. Черкасы. Черкасы съ Каневомъ давали главные потоки населенія для колонизаціи.

---

8 ч. вечера.

Засѣданіе VI секціи: древности письма и языка.

Почетный предсѣдатель: проф. Е. В. Пѣтуховъ.

Предсѣдатель секціи: проф. Е. Θ. Карскій.

Секретари: Н. К. Грунскій и А. П. Кадлубовскій.

П. К. Симони сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: **„Нѣсколько біографическихъ данныхъ о камеръ-гуслистѣ В. Θ. Трутовскомъ**, уроженцѣ Харьковщины, и библіографическія свѣдѣнія объ изданномъ имъ первомъ нотномъ пѣсенникѣ съ пѣснями великорусскими, малорусскими, а также романсами—„Со-

браніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами (издав. имъ въ 1776—1799 гг.)“. Референтъ, пользуясь документами небольшого фамильнаго архива одной изъ вѣтвей фамиліи гг. Трутовскихъ, представилъ рядъ новыхъ біографическихъ свѣдѣній о Василіѣ Өедоровичѣ Трутовскомъ, родъ котораго выѣхалъ изъ Польши на службу русскимъ государямъ въ 1670-хъ годахъ и въ лицѣ прапрадѣда его Василія Сидорова въ Краснопольскомъ уѣздѣ въ 1674 г. уже былъ пожалованъ помѣстьемъ. Грани жизни В. Ө. Т—го, по словамъ референта, за недостаткомъ данныхъ опредѣлить трудно. Въ придворную службу онъ вступилъ въ 1761 году и „употреблялся единственно во внутреннихъ Ея И. Величества апартаментахъ для игранія на гусляхъ“. За службу онъ былъ награжденъ производствомъ въ квартирмейстерскій чинъ, и впослѣдствіи родъ его былъ внесенъ въ дворянскую книгу Харьковской губерніи. Умеръ, повидимому въ Санктъ-Петербургѣ. Въ заключеніе референтъ сообщилъ свѣдѣнія объ изданныхъ четырехъ частяхъ его пѣсенника и указалъ на важное историческое его значеніе.

В. Н. Рогожинъ указалъ референту, что упомянутая имъ пѣсня изъ сборника Трутовскаго—„На берегу у ставка“—была напечатана отдѣльнымъ изданіемъ въ концѣ второй половины XVIII ст., а также и нѣкоторыя другія пѣсни, и потому, если осуществится переизданіе пѣсенника Трутовскаго, то при этомъ слѣдуетъ сличить какъ текстъ, такъ равно и музыку отдѣльно изданныхъ пѣсней съ текстомъ и музыкой сборника Трутовскаго и привести въ изданіи варіанты какъ текста такъ и музыки.

Проф. В. Н. Мочульскій отмѣтилъ важное историческое значеніе изданія Трутовскаго, который является у насъ начинателемъ въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народнаго творчества, въ пору отрицательнаго отношенія къ народу, и который находилъ нужнымъ записывать текстъ пѣсенъ непремѣнно съ мелодіей, чѣмъ гарантировалась вѣрность передачи текста; и такъ какъ этотъ человѣкъ былъ малороссъ-харьковецъ, то чрезвычайно удачна мысль референта напомнить о немъ на настоящемъ съѣздѣ.

Д. И. Абрамовичъ прочелъ рефератъ на тему. **Черты южно-русскаго до-монгольскаго быта по даннымъ житійной литературы.**

На житіе святыхъ, какъ историческій источникъ, въ русской ученой литературѣ существуетъ два, можно сказать, діаметрально противоположныхъ взгляда: одни (Строевъ, Погодинъ, Буслаевъ, Бестужевъ-Рюминъ) находятъ въ нихъ богатѣйшій запасъ какъ историко-бытового, такъ и народно-поэтическаго содержанія, а другіе (Ключевскій, Голубинскій)-значеніе ихъ въ

томъ и другомъ отношеніи сводятъ къ нулю. Подробный анализъ памятниковъ южно-русской агіологической литературы домонгольскаго времени (Несторово Чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ, Сказаніе о тѣхъ же святыхъ, житіе кн. Владимира, житіе кн. Ольги и Кіево-Печерск. Патерикъ) привелъ референта къ заключенію, что это-далеко не безразличный историческій источникъ, и игнорированіе его со стороны историка древней Руси можетъ имѣть лишь отрицательный результатъ.

Не говоря уже о цѣлой массѣ чрезвычайно цѣннаго церковно-историческаго матеріала,-въ разныхъ мѣстахъ нашихъ житій разсыпано не мало и такихъ чертъ, которыя очень даже краснорѣчиво характеризуютъ свою эпоху и въ политическомъ, и въ общественномъ, и въ бытовомъ отношеніяхъ.

Н. С. Державинъ прочелъ рефератъ: **Степенная книга, какъ литературный памятникъ.**

„Книга Степенная царскаго родословія", изданная въ 1775 г. ак. Г. Миллеромъ по списку XVI в., принадлежавшему нѣкогда архіеп. московскому Амвросію, есть историко-повѣствовательный сводъ, составленный изъ 73 отдѣльныхъ литературныхъ произведеній, часто весьма характерныхъ редакцій и интереснаго содержанія. Нѣкоторыя данныя текста этой „Степенной книги" представляютъ возможность сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) въ извѣстную намъ миллеровскую „Степенную книгу" вошелъ цѣлый рядъ статей, написанныхъ, по благословенію и порученію митр. Макарія, 2) самъ митр. Макарій принималъ живое участіе въ ея редактированіи; 3) редакція его составлена между 1555 г. и 1563 г. и 4) изготовлена она при его дворѣ, по его порученію и при его участіи. Въ этой же „Степенной книгѣ" есть нѣсколько памятниковъ, которые имѣютъ отношеніе къ Пахомію и его хронографу. Принимая во вниманіе обще-русскій характеръ историческаго повѣтствованія „Степенной книги", участіе въ ея редакціи митрополита, а также рядъ статей, характерныхъ для обще-русскаго митрополичьяго свода: Слѣды хронографа Пахомія еще точнѣе указываютъ ближайшій источникъ „Степенной книги": это—одна изъ сокращенныхъ редакцій Володимирскаго полихрона, въ основаніи которой въ началѣ XV ст. была положена Пахоміева компиляція обще-русскихъ извѣстій въ составленномъ имъ хронографѣ. Не есть ли „Степенная книга"—обще-русскій сводъ, одна изъ редакцій которой названа Владимирскимъ полихрономъ, гдѣ, какъ извѣстно изъ ссылки тверской лѣтописи, содержались великокняжескія родословныя (степени)? Если можно установить тождество между обще-русскимъ сводомъ и Степенной книгой, а по идеѣ

своей они представляютъ такое тождество, то этимъ самымъ будетъ выяснена и степень участія м. Кипріана въ дѣлѣ составленія „Степенной книги“ которому принадлежала вторая редакція обще-русскаго свода (1390 г.). Такимъ образомъ, м. Петръ, редакторъ обще-русскаго митрополичьяго свода 1305 г., м. Кипріанъ, м. Фотій, редакторъ Владимирскаго полихрона 1723 г. и, наконецъ, м. Макарій—вотъ главнѣйшіе дѣятели по составленію того памятника, который въ редакціи м. Макарія названъ—Книгой Степенной царскаго родословія. Ближайшими же сотрудниками м. Макарія въ его работѣ были—протопопъ Сильвестръ и Василій, во иночествѣ Варлаамъ.

Проф. А. И. Маркевичъ высказывалъ желаніе, чтобы матеріалъ, содержащійся въ Степенной книгѣ, отдѣльныя извѣстія и разсказы, въ нее входящіе, были разобраны и сдѣлались общедоступными, такъ какъ изданіе Миллера мало доступно.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ, по поводу доклада г. Державина, сообщилъ что изслѣдованіемъ Степенной книги занимается магистрантъ С.-Петербургскаго университета П. Г. Васенко, который уже изучилъ много списковъ этого памятника, нашелъ тотъ списокъ, съ котораго Степенная книга была напечатана, и установилъ точный текстъ книги, какъ онъ сложился въ XVI вѣкѣ. Розысканія г. Васенка не оставляютъ болѣе сомнѣній въ томъ, что митр. Кипріанъ не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу составленія книги и что сборникъ, извѣстный подъ именемъ Степенной книги, получилъ свое начало при митр. Макаріѣ. Самая фраза Житія св. Михаила Клопскаго „якоже *въ Степеннѣй* сказуетъ“ представляетъ собою, какъ удалось констатировать г. Васенку, простую ошибку переписчика или издателя житія: (слѣдуетъ читать: „якоже явственнѣ сказуетъ“). Результаты изслѣдованій г. Васенка, которому удалось обнаружить и составителя Степенной книги, будутъ въ скоромъ времени обнародованы въ одномъ изъ С.-Петербугскихъ ученыхъ журналовъ.

Въ заключеніе проф. Платоновъ, поставилъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить названіе книги „Степеннàя“, какъ произноситъ референтъ, или „Степѐнная“, какъ произноситъ онъ самъ.

На вопросъ проф. А. И. Маркевича, какъ же опредѣляется наконецъ составъ Степенной книги, проф. Платоновъ высказалъ взглядъ, что это есть памятникъ вполнѣ компилятивнаго характера.

Референтъ сообщилъ, что имъ произведенъ и приготовленъ къ печати разборъ отдѣльныхъ 73 сказаній Степенной книги.

Выставку при съѣздѣ посѣтили:

17 августа.	1) 2276 2) 591 3) 1446 4313	
18 августа.	1) 3400 2) 1184 3) 2524 7108	
19 августа.	1) 3013 2) 978 3) 3282 7263	Кромѣ того, гимназистовъ 1-й гимназіи 64 чел.
20 августа.	1) 2396 2) 1976 3) 2802 7174	Кромѣ того, гимназистовъ 2-й гимназіи 75 чел.
21 августа.	1) 3216 2) 1902 3) 3422 8240	Гимназистовъ 3-й гимн. 88 чел. Гимназистовъ 1-й гимн. 5 чел. Гимназистовъ 2-й гимн. 20 чел. 4 классн. город. учил. 80 чел.

ИЗВѢСТІЯ
XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 8. 15—27 Августа 1902 г. № 8.

21 Августа.

10 час. утра.

Въ актовомъ залѣ.

Секція VII. Древности классическія, византійскія восточныя и западно-европейскія.

Почетный предсѣдатель: проф. В. П. Бузескулъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.
Секретари: М. А. Масловъ, Арс. П. Кадлубовскій, В. И. Савва.

Докладъ Д. В. Айналова—„**Гдѣ и какъ была принята св. княгиня Ольга въ Царь-Градѣ**“. Въ нашей Начальной лѣтописи о путешествіи св. княгини Ольги и о пріемѣ, оказанномъ ей императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ, говорится очень кратко. Данныя же устава обрядовъ дворца Константина даютъ возможность нарисовать вѣрную картину этого пріема. Въ уставѣ помѣщено то, что записано очевидцемъ, записано имъ точно, чтобы потомъ пользоваться этой записью при подобныхъ пріемахъ; записи устава до сихъ поръ еще мало разработаны нашей исторической наукой. Св. княгиня Ольга явилась къ императору Константину не только подъ именемъ „княгини“, но въ уставѣ записано, что явилась „княгиня русская и *гегемонъ* (правительница)“. Княгиня вошла въ залъ сама (другіе входили опираясь на евнуховъ), она не падала ницъ (другіе падали три раза). Императоръ при пріемѣ сидѣлъ на тронѣ Соломона, который представлялъ собою художественное произведеніе древняго ювелирнаго искусства. Тронъ этотъ былъ золотой съ пятью

ступенями изъ зеленаго порфира. Въ немъ заключался механизмъ, благодаря которому тронъ могъ подниматься до потолка. Когда представлявшійся императору какой-нибудь иноземный посолъ падалъ ницъ и потомъ вставалъ, онъ съ изумленіемъ видѣлъ тронъ висящимъ въ воздухѣ; послѣ второго поклона посолъ видѣлъ тронъ поднявшимся еще выше и т. д. На спинкѣ трона помѣщались золотыя птицы, которыя могли пѣть; по сторонамъ трона стояли два золотыхъ льва (какъ-бы стража), которые подымались на лапы и рычали; на ступеняхъ трона находились различные звѣри, которые тоже подымались на лапы, рычали и выли; передъ трономъ стояли золотыя деревья, на которыхъ сидѣли золотыя птицы. Императоръ, „по обычаю", спросилъ черезъ переводчика о здоровьѣ княгини; княгиня, въ свою очередь, спросила о здоровьѣ императора, его супруги и семьи. Послѣ этихъ привѣтствій, золотые львы и другіе звѣри поднялись на лапы и зарычали, птицы зашевелились и запѣли, органы заиграли. Передъ уходомъ императора, евнухи и чины двора обнесли передъ присутствовавшими подарки, привезенные княгинею. Когда императоръ уходилъ, то вновь повторилось рычаніе звѣрей, пѣніе птицъ и проч.,—такой уставной обрядъ назывался „катавасія". Затѣмъ св. княгиня Ольга была принята императрицей, и третій оффиціальный пріемъ ей былъ сдѣланъ въ покояхъ императрицы, куда явились и багрянородныя дѣти, причемъ княгиня говорила съ императоромъ „о чемъ хотѣла". Въ тотъ же день состоялся обѣдъ; княгиня съ женской свитой обѣдала въ покояхъ императрицы. При входѣ послѣдней она „только слегка наклонила голову", за что впослѣдствіи получила эпитетъ „гордой". За обѣдомъ пѣвчіе пѣли „царскія" пѣсни, происходили представленія акробатовъ, шутовъ и другія зрѣлища. Послѣ обѣда состоялся дессертъ, во время котораго княгинѣ было поднесено золотое блюдо и дары, а ея свитѣ—денежные подарки. Въ покояхъ царя также происходилъ „почестной пиръ" для мужской свиты княгини. Вторично св. Ольга была принята во дворцѣ черезъ мѣсяцъ.

Проф. Ю. А. Кулаковскій сдѣлалъ сообщеніе: **„Византійскій лагерь X вѣка"**. Референтъ познакомилъ собраніе съ недавно открытымъ византійскимъ литературнымъ памятникомъ, относящимся, по его мнѣнію, къ концу X в. и дающимъ между прочимъ понятіе объ устройствѣ византійскаго военнаго лагеря. Проф. Ю. А. Кулаковскій обстоятельно изложилъ данныя этого памятника, касающіяся расположенія войскъ въ лагерѣ, формы и величины послѣдняго, способа его охраны, иллюстрируя свое изложеніе рисункомъ на доскѣ.

Нормальная численность пѣхоты, на которую разсчитана схема лагеря въ данномъ памятникѣ,—16 тысячъ. Каждая тысяча, представляющая собою строевую единицу подъ именемъ *таксіархіи*, собрана изъ 500 тяжеловооруженныхъ, 200 копейщиковъ и 300 стрѣлковъ изъ лука. Форма и размѣры лагеря разсчитаны по численности тяжеловооруженныхъ. При 16 таксіархіяхъ пѣхоты въ дѣйствующей арміи тяжеловооруженныхъ оказывается 8 тысячъ. Они дѣлятся на четыре части, по 2 тысячи, и, становясь въ линію по два человѣка на одну сажень, образуютъ квадратъ по одной тысячѣ саженей въ каждой сторонѣ. Это и есть нормальный видъ лагеря. Выборъ мѣста лежалъ на обязанности спеціалиста, который назывался *минсураторъ*. Выбравъ заранѣе мѣсто, онъ утверждалъ царскій штандартъ и отъ этого мѣста отмѣривалъ по 500 саженей на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Когда армія являлась на это мѣсто, то вытягивающаяся по намѣченнымъ линіямъ пѣхота приступала къ рытью вала, въ 8 или 7 футовъ глубиною и въ 6 или 5 футовъ шириною. Земля изъ рва выбрасывалась внутрь лагеря. Съ каждой стороны лагеря устраивалось по три мѣста для входа и выхода по 8 саженъ шириною. Вдоль всего лагеря, внутри отведеннаго для него пространства, отдѣлялась полоса въ 50 саженей шириною: 22 сажени отводилось на такъ наз. „пустое мѣсто“ въ видахъ безопасности отъ случайныхъ выстрѣловъ со стороны непріятеля; слѣдующая полоса въ 22 сажени предназначалась для палатокъ пѣхоты, и полоса въ 6 саженей отводится подъ дорогу, которая, так. обр., идетъ вдоль всѣхъ сторонъ лагеря и отдѣляетъ палатки пѣхоты отъ площади, отведенной для конницы, которую эта пѣхота охраняетъ. Внутреннее пространство, за вычетомъ 50 саженей со всѣхъ сторонъ, имѣетъ въ обоихъ направленіяхъ по 900 саженъ. Середина этой площади, по 300 саж. въ обоихъ измѣреніяхъ, отводилась подъ „царскій лагерь“. Центръ его занимала царская палатка (κόρτη), вокругъ которой долженъ былъ оставаться свободнымъ достаточно просторный плацъ. Отъ этой площади прямо къ востоку шла дорога до входа въ серединѣ восточной границы лагеря. На пространствѣ царскаго лагеря размѣщались главные чины, сопровождающіе царя въ походѣ, многочисленная челядь и спеціальные гвардейскіе отряды, этеріи и безсмертные.

За предѣлами царскаго лагеря, въ направленіи четырехъ странъ свѣта, занимали мѣсто прочіе отдѣлы конницы, простираясь до линіи палатокъ пѣхоты; вслѣдствіе такого устройства внутри лагеря получалось крестообразное расположеніе войскъ. Мѣста, занятыя отдѣльными частями войскъ, отдѣлялись другъ

отъ друга дорогами. Референтъ далъ подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ вала, постановкѣ триволовъ и объ организаціи охраны лагеря. Въ нѣкоторыхъ чертахъ своего устройства византійскій лагерь оставался вѣренъ старой римской традиціи, въ нѣкоторыхъ представлялъ извѣстное развитіе и водоизмѣненіе. Въ заключеніе, референтъ указалъ, что для насъ, русскихъ, не безынтересно военное устройство Византіи, между прочимъ потому, что въ числѣ гвардейскихъ отрядовъ, сопровождавшихъ императора былъ и отрядъ, состоявшій изъ нашихъ предковъ (ρως).

Проф. А. И. Маркевичъ проэилъ референта объяснить, какимъ образомъ такой, сравнительно небольшой отрядъ войска занималъ столь громадное пространство, а именно 4000 десятинъ земли, тогда какъ, напр., въ наше время, для войскъ, вдвое большихъ по численности, съ артиллеріей, требуюшей, какъ извѣстно, большихъ пространствъ, отводится едва только десятая часть того пространства, какое, согласно докладу, занималъ византійскій лагерь?

Докладчикъ заявилъ, что этотъ вопросъ дѣйствительно не вполнѣ ясенъ; быть можетъ дальнѣйшія изслѣдованія уяснятъ дѣло.

Рефератъ В. М. Сысоева—„Киммерійцы“—отложенъ.

---

2 часа дня.

Секція II. Древности этнографическія.

Почетный предсѣдатель: Н. А. Янчукъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.
Секретари: В. В. Каллашъ и А. В. Ветуховъ.

По открытіи засѣданія, почетный предсѣдатель Н. А. Янчукъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

Честь избранія меня почетнымъ предсѣдателемъ на сегодняшнее засѣданіе секціи этнографіи я всецѣло отношу на долю того учрежденія, представителемъ котораго я здѣсь являюсь, именно Московскаго Этнографическаго Музея. Отъ имени этого перваго и пока обширнѣйшаго въ Россіи „этнографическаго музея“ я приношу собранію мою глубокую благодарность за оказанное мнѣ лестное вниманіе. Музей есть собраніе памятниковъ этнографіи, и предсѣдательствуя въ засѣданіи въ данную минуту я не могу воздержатся, чтобы не выразить публично живого удовольствія по поводу того, что сдѣлано въ этой области комитетомъ съѣзда. Этнографическая выставка, учрежденная при съѣздѣ, даетъ намъ прекрасную картину мѣстнаго быта, какой можетъ позавидовать центральный Московскій музей. Но не съ завистью,

а съ радостью смотрю я на эти результаты стараній Комитета съѣзда, видя въ такихъ собраніяхъ одно изъ важнѣйшихъ образовательныхъ средствъ для развитія отечественной этнографіи. Вѣдь часто никакія описанія не въ состояніи замѣнить собою наглядное созерцаніе предмета. А этнографія—наука наглядная. Изучать народъ отвлеченно нельзя, не имѣя предъ глазами его быта, характеризуемаго предметами обихода. Надо помнить, однако, что народный бытъ есть нѣчто живое, вѣчно измѣняющееся, и что, слѣдовательно, коллекціи, собранныя въ данное время, спустя какой-нибудь десятокъ лѣтъ, можетъ быть, не будутъ соотвѣтствовать вполнѣ дѣйствительности. Потребуется ихъ обновленіе и пополненіе. Я позволю себѣ высказать искреннее пожеланіе, чтобы этнографическая выставка, это дѣтище настоящаго съѣзда, не осталось мертворожденнымъ; пожелаемъ, чтобы она послужила началомъ перваго южно-русскаго музея, подобно тому какъ знаменитая всероссійская этнографическая выставка 1867 г. въ Москвѣ положила начало нынѣшнему Московскому Этнографическому Музею. Вѣдь обидно, въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, что такія отдаленныя окраины Россіи, какъ Сибирь, Кавказъ и др. имѣютъ свои прекрасные музеи, коренная же часть Россіи, Малороссія, не создала до сихъ поръ ничего въ этомъ родѣ. А между тѣмъ, польза и интересъ къ такому учрежденію понятны каждому и наглядно доказываются многочисленными ежедневными посѣщеніями выставки. Пожелаемъ же, чтобы эта выставка изъ временной сдѣлалась постоянною, чтобы она и потомъ пополнялась и чтобы для этого нашлось подходящее зданіе, словомъ,—чтобы на долю Харькова выпало счастье осуществить то, чего не могъ осуществить Кіевъ при прошломъ съѣздѣ, именно—основать малорусскій этнографическій музей. А разъ будетъ музей, то онъ станетъ ядромъ, около котораго скорѣе соединятся мѣстныя научныя силы, работающія надъ изученіемъ народной жизни не только матеріальной, но и духовной, образуется кружокъ или этнографическое общество, которое возьметъ на себя болѣе систематическое изученіе края и поможетъ спасти отъ забвенія исчезающія типическія особенности мѣстной народной жизни. А въ работникахъ недостатка не будетъ, какъ это видно уже изъ того, что и настоящій съѣздъ довольно обиленъ докладчиками по малорусской этнографіи не только современной, но и исторической.

Затѣмъ, проф. В. Н. Мочульскій сдѣлалъ сообщеніе:

Смерть казака по малороссійскимъ пѣснямъ и думамъ.

Смерть казака является любимымъ, часто повторяющимся мотивомъ казацкихъ пѣсенъ. А такъ какъ степь была тѣмъ мѣстомъ, гдѣ

преимущественно гибли казацкія головы, то описаніе смерти казака въ степи должно было сдѣлаться любимымъ образомъ въ народной пѣсенности. Общая картина смерти казака въ малороссійскихъ пѣсняхъ и думахъ отвѣчаетъ эпическому стилю безъ точныхъ историческихъ пріуроченій. Описаніе смерти казацкихъ старшинъ, представителей народныхъ и остальныхъ героевъ приближается къ исторической дѣйствительности. Скудость пѣсеннаго матеріала по части погребальнаго ритуала казаковъ дополняется археологическими данными, которыя вполнѣ согласуются съ историческими указаніями, а эти послѣднія, въ свою очередь, совпадаютъ съ тѣмъ описаніемъ, какое даютъ намъ малороссійскія казацкія пѣсни.

Въ преніяхъ по поводу доклада проф. В. Н. Мочульскаго приняли участіе слѣдующія лица:

Ю. И. Тиховскій поставилъ въ упрекъ референту пользованіе наряду съ народными—и фальсифицированными пѣснями, поддѣльность которыхъ была уже указана въ литературѣ. Давно уже пора тщательно пересмотрѣть весь пѣсенный историческій матеріалъ и дать критичесеій сборникъ малорусскихъ думъ и пѣсенъ. Въ частности, референтъ опустилъ въ своей характеристикѣ стариннаго казацкаго быта одну любопытную черту—отношенія казака и „джуры“ (оруженосца), ихъ почти родственную близость. Оппонентъ также долженъ былъ отмѣтить у старинныхъ казаковъ глубокое сознаніе необходимости службы, какъ служенія родинѣ.

Проф. Мочульскій не согласился съ указаніемъ г. Тиховскаго на поддѣльность части использованнаго имъ матеріала; приведенныя имъ пѣсни слишкомъ для этого поэтичны, проникнуты глубокимъ народнымъ духомъ.

Поф. М. Е. Халанскій указалъ на то, что въ изложеніи былъ совсѣмъ не принятъ во вниманіе сравнительный элементъ,—сравнительное изслѣдованіе мотивовъ, безъ котораго могутъ быть очень шаткими всякія историческія пріуроченія. Думы о Ѳедорѣ Безродномъ и Коновниченкѣ, напр., находятъ себѣ полную параллель въ сербской поэзіи. По отношенію къ пѣснѣ о смерти казака-бандуриста и нѣкоторымъ другимъ онъ готовъ поддерживать скептицизмъ г. Тиховскаго.

Г. Синявскій указалъ на слѣды запорожскихъ погребеній въ Екатеринославской губ. Особенно характерна охрана могилъ „тернами“ и камнями. Произведенныя имъ раскопки, также и осмотръ могилы атамана Сирка, вполнѣ подтверждаютъ характеристику обстановки казацкаго погребенія, возстановленную проф. Мочульскимъ по пѣснямъ.

Г. Твердохлѣбовъ указалъ, что, по его наблюденіямъ, терны „встрѣчаются не только на могилахъ, но и на пасѣкахъ".

Проф. М. Е. Халанскій, въ дополненіе къ своему предшествующему замѣчанію, указалъ, что заимствованность мотивовъ можетъ не исключать національности обработки и бытовыхъ чертъ. Если такой знатокъ народной поэзіи, какъ акад. Веселовскій, сказалъ, что „историческій эпосъ всякаго историческаго народа—по необходимости международный, но не слѣдуетъ забывать и положенія Потебни, что всякое заимствованіе есть творчество".

Г. Стрижевскій указалъ на то, что сходство малорусскихъ и сербскихъ народныхъ пѣсенъ объясняется сходствомъ бытовыхъ и историческихъ условій жизни обоихъ народовъ.—Въ рефератѣ, кромѣ того, мало выясненъ взглядъ народа на казака, какъ на идеалъ человѣка.

Н. А. Янчукъ подвелъ итоги преніямъ, и съ своей стороны добавилъ, что пѣсни о смерти казака слѣдовало поставить въ связь съ пѣснями о смерти чумака въ степи. Опущены также референтомъ любопытныя подробности относительно роли коня въ казацкомъ быту и въ частности—поэтическій разговоръ коня съ умирающимъ казакомъ. Не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія пріурочиваніямъ пѣсенъ о смерти къ опредѣленымъ историческимъ дѣятелямъ, такъ какъ онѣ являются общими мѣстами лирической казацкой поэзіи. Свѣдѣнія о казацкихъ могилахъ и не точны, и не полны; они дополняются тѣми данными, которыя находятся въ малоизвѣстной книгѣ Осташевскаго „Пивсотни казокъ" Вопросъ о фальсификаціи пѣсенъ для данной темы не важенъ, если онѣ составлены въ народномъ духѣ и отличаются поэтичностью.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на то, что малорусскія пѣсни о смерти казака лучше было бы изучать параллельно съ другими народными пѣснями о смерти эпическихъ героевъ, въ томъ числѣ и иностранными. Эти пѣсни можно было бы подраздѣлить на двѣ группы: 1) пѣсни общаго характера и 2) спеціально украинскія. Въ вопросѣ о поддѣлкахъ пѣсенъ онъ примкнулъ къ мнѣнію Н. А. Янчука, при чемъ считаетъ пѣсню о смерти казака-бандуриста народною, такъ какъ она сходна съ одной сербскою пѣснею.

В. И. Василенко прочелъ затѣмъ докладъ на тему: „**Къ вопросу объ областной этнографіи**".

Въ своемъ докладѣ В. И. Василенко обращаетъ вниманіе на отстутствіе систематическаго изслѣдованія въ этнографическомъ отношеніи народнаго быта, а также земледѣлія, метеорологіи, техники и т. п., по губерніямъ, тогда какъ въ подобныхъ

изслѣдованіяхъ представляется насущная потребность и несомнѣнный научный интересъ. Съ этой точки зрѣнія необходима организація по губерніямъ обществъ любителей изученія края въ различныхъ научныхъ отношеніяхъ, по примѣру существующихъ уже обществъ изученія Амурскаго края, Алтая, Кубани, и Волыни. Авторъ отдаетъ подобнымъ обществамъ предпочтеніе предъ учеными архивными коммиссіями, исходя изъ того положенія, что для успѣшной дѣятельности коммиссій необходимы ученые архивисты, археологи и другіе научно подготовленные дѣятели, тогда какъ въ каждой губерніи можетъ быть организованъ комитетъ свѣдущихъ этнографовъ и т. п. для всестороннихъ мѣстныхъ изслѣдованій, при чемъ общества любителей изученія края станутъ желанными губернскими просвѣтительными учрежденіями для объединенія и подготовки туземныхъ изслѣдователей и собирателей матеріаловъ по этнографіи. Въ принципѣ, такимъ образомъ, въ высшей сепени желательно учрежденіе въ губерніяхъ обществъ любителей научнаго изученія края по систематическимъ программамъ для собиранія и разработки матеріаловъ.

Авторомъ предложены слѣдующіе тезисы:

1) Признать въ принципѣ желательнымъ, благовременнымъ и необходимымъ организацію въ каждой изъ южныхъ губерній обществъ любителей изученія края въ разнообразныхъ научныхъ отношеніяхъ.

2) Вь виду существующихъ благопріятныхъ условій, признать необходимымъ обратиться отъ имени XII археологическаго съѣзда съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ утвержденіи устава общества любителей изученія Полтавской губ.

3) Обратиться къ губернскимъ земствамъ южныхъ губерній съ предложеніемъ подвергнуть обсужденію вопросъ объ организаціи мѣстныхъ историко-археологическихъ и этнографическихъ музеевъ, съ предоставленіемъ завѣдыванія музеями мѣстнымъ обществамъ любителей изученія края.

Въ обсужденіи доклада В. И. Василенко приняли участіе слѣдующія лица:

Ю. И. Тиховскій предложилъ съѣзду ходатайствовать о возобновленіи южнаго отдѣла географическаго общества, по возможности въ Кіевѣ.

Н. И. Веселовскій заявилъ, что дѣло о возобновленіи отдѣла находится теперь въ полномъ ходу и несомнѣнно въ скоромъ времени разрѣшится въ утвердительномъ смыслѣ.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на то, что предложеніе г. Василенко имѣетъ особое значеніе для такихъ городовъ,

какъ Екатеринославъ, Черниговъ и Полтава. Университетскіе города имѣютъ свои общества, которыя между прочимъ ставятъ себѣ и задачи изученія мѣстнаго края. Конечно, не всѣ города отнесутся къ этой идеѣ съ одинаковымъ интересомъ. Пока только можно разсчитывать на крупные центры; въ далекомъ будущемъ можетъ быть даже появятся общества для изученія уѣздовъ.

Проф. Д. И. Багалѣй, въ подтвержденіе идеи г. Василенко о возможности и жизненности подобныхъ обществъ, указалъ на примѣръ общества любителей изученія Кубанской области. Успѣхъ подобныхъ обществъ зависитъ отъ концентраціи мѣстныхъ научныхъ силъ и отъ степени сознанія необходимости такой концентраціи въ мѣстномъ обществѣ. Предложеніе референта обратиться ко всѣмъ земствамъ съ предложеніемъ подвергнуть на обсужденіе вопросъ объ организаціи мѣстныхъ музеевъ онъ считаетъ не вполнѣ удобнымъ; иниціатива должна исходить. по примѣру Полтавскаго, отъ самихъ земствъ.

В. М. Сысоевъ далъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ учрежденіи и дѣятельности Кубанскаго общества и предложилъ съѣзду выработать проектъ нормальнаго устава подобныхъ обществъ, который облегчитъ дѣло ихъ утвержденія.

Н. А. Янчукъ указалъ на то, что если слѣдуетъ вообще поднимать подобные вопросы на съѣздѣ, то нужно имѣть въ виду не одну Малороссію, но и всѣ вообще губернскіе города Россіи. Но въ виду разнообразія условій мѣстной жизни и невозможности втиснуть ихъ въ общія рамки, врядъ ли можно достичь общаго нормальнаго устава: выработка устава должна быть предоставлена мѣстнымъ силамъ.

А. И. Томилина высказалась за составленіе съѣздомъ нормальнаго устава, впослѣдствіи же, когда онъ будетъ утвержденъ, каждый разъ можно будетъ хлопотать о нужныхъ измѣненіяхъ.

Гр. П. С. Уварова возразила, что подобныя работы ни въ какомъ случаѣ не могутъ входить въ компетенцію археологическихъ съѣздовъ, руководствующихся опредѣленными правилами.

М. Ф. Труновъ возбудилъ вопросъ о полезности учрежденія обществъ любителей изученія мѣстнаго края изъ учителей и учениковъ при всѣхъ вообще средне-учебныхъ заведеніяхъ, но это предложеніе сочтено неосуществимымъ.

За позднимъ временемъ, третій докладъ А. М. Покровскаго: „О золотарствѣ въ Харьк. губ.“, былъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія.

Въ 6 час. вечера состоялось засѣданіе Ученаго коммитета, на которомъ, по предложенію г. предсѣдателя комитета проф. Д. И. Багалѣя, за отъѣздомъ Д. И. Иловайскаго, предсѣдателя секціи историко-географической, секція эта вновь соединена съ секціей этнографической подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, и затѣмъ, была выработана программа занятій съѣзда на субботу, 25 Августа.

24 Августа. (Суббота).

10 час. утра.

Актовый залъ.

Секція I: Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель: проф. В. З. Завитневичъ.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Н. И. Веселовскій.
Секретари: В. М. Сысоевъ, А. А. Мироновъ и Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

Доклады:

1. Д. И. Багалѣй. Объ археологической картѣ Харьковской губерніи.
2. Е. Н. Мельникъ. Археологическія раскопки въ Ахтырскомъ и Купянскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи.
3. А. М. Покровскій. О раскопкахъ въ Зміевскомъ уѣздѣ
4. В. Р. Апухтинъ. Отчетъ о раскопкахъ на Кавказѣ въ 1902 г.

Въ 10 час. утра.

Аудиторія № 1. Параллельное засѣданіе.

Секція VII: Древности славянскія.

Почетный предсѣдатель: проф. К. Я. Гротъ.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. М. С. Дриновъ.
Секретарь: А. Л. Липовскій.

Доклады:

1. Проф. М. Г. Халанскій. Пѣсня о смерти Марка Королевича.

2. Н. С. Державинъ. Этнографическія условія развитія Болгарскихъ колоній въ Бердянскомъ уѣздѣ, Таврической губ.

3. Проф. М. С. Дриновъ. Объ одномъ рукописномъ сборникѣ церковныхъ чиноположеній XIV вѣка.

---

2 час. дня.

Актовый залъ.

Секція IV. Бытъ хозяйственный, домашній, юридическій, общественный и военный.

Почетный предсѣдатель: проф. М. Н. Ясинскій.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Д. И. Багалѣй.
Секретари: В. И. Савва и Е. П. Трифильевъ.

Доклады:

1. Н. А. Масимейко. Русская Правда и обычное право Литовско-русскаго государства до изданія Статута.

2. А. Я. Ефименко. Къ вопросу о братствахъ юго-западной Руси.

2 часа дня.

Аудиторія № 6.

Секція VII отдѣленія: древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія.

Почетный предсѣдатель: проф. Г. Ѳ. Шульцъ.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.
Секретари: М. А. Масловъ, А. П. Кадлубовскій и В. И. Савва.

Доклады:

1. Проф. А. И. Кирпичниковъ. Великій Аѳонскій Синаксарь и его историческое значеніе.
2. Проф. В. П. Бузескулъ. Новые источники для исторіи Аѳинъ V в. до Р. Х.
3. В. М. Сысоевъ. Киммерійцы.

Въ 8 час. веч.

Актовый залъ.

Секція II: древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель: проф. Н. И. Петровъ.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.
Секретари: В. В. Каллашъ и А. В. Ветуховъ.

Доклады:

1. Проф. А. И. Маркевичъ. О бывшей Хотинской крѣпости.
2. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Заговоры—инкантаціи.
3. Г. Г. Лукьяновъ. Изъ исторіи русскаго колдовства XVII вѣка.
4. А. В. Ветуховъ. О этнографическихъ матеріалахъ, поступившихъ въ Харьковскій Предварительный Коммитетъ съѣзда.

8 час. веч.

Секція V. Древности церковныя.

Почетный предсѣдатель: Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. В. Покровскій.
Секретари: А. А. Завьяловъ и А. А. Мироновъ.

Профессоръ Д. В. Айналовъ предложилъ докладъ на тему **„Даръ вел. кн. Ольги въ ризницу церкви св. Софіи въ Царь-Градѣ“**.

Извѣстный паломникъ, впослѣдствіи новгородскій архіепископъ Антоній, XII в., оставилъ извѣстіе объ одномъ замѣчательномъ предметѣ, который онъ видѣлъ въ скевофилакіи великой церкви: это блюдо, которое св. Ольга принесла въ даръ св. Софіи, большое, золотое съ драгоцѣнными украшеніями и изображеніемъ Іисуса Христа. Извѣстіе это съ варіантами (въ шести редакціяхъ) издано Х. М. Лопаревымъ. Изъ сопоставленія разныхъ редакцій референтъ вывелъ заключеніе, что собщеніе о дарѣ св. Ольги въ существѣ своемъ не можетъ быть заподозрѣно.—Издатель упомянутыхъ извѣстій о дарѣ св. Ольги даетъ такой отвѣтъ на вопросъ, что это за блюдо? Это, говоритъ г. Лопаревъ, блюдо, которое Ольга получила въ даръ послѣ крещенія, съ 500 золотыхъ монетъ, и принесла его съ своей стороны въ ризницу св. Софіи. Сопоставляя такое объясненіе съ показаніями византійскихъ источниковъ, референтъ отмѣтилъ, что Ольга получила не блюдо, а чашу,—между тѣмъ Антоній ясно говоритъ о богослужебномъ блюдѣ. И ошибиться въ назначеніи блюда нашъ паломникъ не могъ, такъ какъ упоминая о другихъ богослужебныхъ сосудахъ, которые износятся на всякую недѣлю и на Господскіе праздники изъ состава ризницы св. Софіи, несомнѣнно зналъ существовавшую въ то время терминологію и къ тому же ссылается на имѣвшееся на сосудѣ изображеніе, что терминологія „богослужебнаго" сосуда для ранней поры христіанства въ Россіи совершенно ясна.

Разъяснивъ, затѣмъ, какія драгоцѣнныя украшенія могли быть дѣйствительно на сосудѣ Ольги, референтъ подробно остановился на вопросѣ объ изображеніи на сосудѣ І. Христа, въ связи съ упоминаніемъ Антонія о печатяхъ, какія получали паломники. По заключенію референта, таковыми печатями могли быть оттиски съ изображенія І. Христа. Такъ какъ сосудъ изъ скевофилакіи исчезъ (нѣкоторые паломники не говорятъ о немъ, что они его *видѣли*, а что онъ *былъ*), то проф. Айналовъ, обратился къ аналогіямъ и указалъ на старинное византійское каменное блюдо (34 сант. въ діаметрѣ) въ церкви св. Марка, съ греческою надписью „пріимите, ядите" и съ медальономъ на днищѣ, изображающемъ І. Христа, и пришелъ къ выводу, что св. Ольга, уже будучи христіанкой, подарила въ ризницу св. Софіи дискосъ, и напомнивъ о многократныхъ измѣненіяхъ состава названной ризницы отъ хищеній, пожаровъ и разнообразныхъ случайностей, выразилъ предположеніе, что могъ быть подаренъ и потиръ, который, однако, исчезъ ранѣе паломничества Антонія.

Проф. Н. И. Петровъ по поводу этого доклада сообщилъ, что въ 30 годахъ прошлаго вѣка въ Кіевѣ при раскопкахъ у Срѣтенской церкви, (на углу Маловладиміровской и Житомірской улицъ), найдена была чаша съ надписью: пійте нея отъ вси.., а года 2, 3 назадъ тамъ же найдено и малое блюдо съ надписью: „пріймите и ядите"... 4 Раскопанная старинная кладка на этомъ мѣстѣ имѣетъ кирпичи домонгольскаго періода.

Второе сообщеніе сдѣлано было В. С. Малченко на тему: **„Архитекутрные памятники въ Соликамскѣ".**

Съѣзды, подобные настоящему, гдѣ встрѣчаются и обмѣниваются свѣдѣніями, матеріалами и научными идеями, съ одной стороны, *ученые спеціалисты-руководители,* съ другой *рядовые работники* на нивѣ научной, естественно, кромѣ сообщенія первыми послѣдняго, какъ говорится, слова науки, должны давать доступъ и непритязательнымъ фактическимъ справкамъ, собраннымъ и доставленнымъ мѣстными археологами и историками *любителями.*

Что такія справки здѣсь умѣстны и желательны, доказывается цѣлымъ рядомъ *запросовъ*, обращенныхъ спеціалистами къ участникамъ XII археологическаго съѣзда. Среди запросовъ есть одинъ, касающійся мѣстности, изъ которой я сюда посланъ депутатомъ.

Какіе памятники древняго зодчества сохранились въ Соликамскѣ? интересуется и проситъ отвѣтить Н. В. Султановъ, депутатъ Имп. Спб. Общества архитекторовъ.

Въ далекой Перми брошюра съ запросами съѣзда получена была слишкомъ поздно, чтобы можно было, какъ того хотѣлось Пермской губ. Ученой Архивной Коммиссіи, выполнить спеціальное научное изслѣдованіе. Однако, не дать ничего намъ казалось немыслимымъ какъ съ точки зрѣнія научныхъ интересовъ, продиктовавшихъ запросъ Н. В. Султанова, такъ и въ видахъ чисто мѣстныхъ выгодъ, т. е. чтобы получить отъ настоящаго почтеннаго собранія дополненія, разъясненія и указанія на сколько это позволятъ представляемыя фотографіи и архивныя справки, по постановленію Пермской губ. Ученой Архивной Коммиссіи, выполненныя преимущественно ея членомъ А. И. Слупскимъ.

Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности доложить здѣсь что-либо болѣе законченное, такъ какъ наша коммиссія въ іюнѣ текущаго года потеряла своего почетнаго члена, мѣстнаго историка А. А. Дмитріева, а въ мартѣ — мѣстнаго археолога Н. Н. Новокрещенныхъ, вслѣдствіе чего не пришлось использовать въ данномъ случаѣ авторитетныхъ указаній и богатыхъ личныхъ знаній этихъ знатоковъ пермской старины.

Въ послѣдующемъ, на основаніи 24 фотографическихъ снимковъ и архивно-литературныхъ справокъ, сдѣланныхъ А. И. Слупскимъ, докладчикъ описалъ особенности внутренняго устройства, наружной формы сохранившихся въ г. Соликамскѣ храмовъ XVII в., ихъ орнаментаціи, позднѣйшихъ передѣлокъ и искаженій. Были описаны такимъ образомъ храмы: Св. Троицкій лѣтній соборъ (1685 г.) Богоявленская церковь (1687 г.), Преображенская (1684), Введенская (конца XVII в.), Крестовоздвиженскій зимній соборъ (1698), Спасская церковь (1689).

Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ находящій въ г. Соликамскѣ старинный домъ, время основанія котораго опредѣлить документально не удалось, но который искони называется „воеводскимъ“. Этотъ архитектурный памятникъ XVII в., подвергался многократно искалѣченіямъ и передѣлкамъ, въ настоящее же время представляетъ собою „помѣщеніе для арестуемыхъ“.

По прочтеніи г. Малченко своего реферата, предсѣдатель секціи, проф. Н. В. Покровскій объяснилъ что этотъ рефератъ соединяетъ матеріалъ для отвѣта на вопросъ г. Султанова и другихъ спаціалистовъ, предъявленный мѣстнымъ дѣятелемъ археологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ подойти къ разрѣшенію вопроса о распространеніи московской архитектуры въ блестящій періодъ ея разцвѣта (16—17 вв.). Предшествующими изслѣдованіями установлено, что вліяніе московской архитектуры распространялось во всей средней Россіи, но вопросъ о распространеніи его по окраинамъ оставался открытымъ для данной области. По памятникамъ извѣстно, что мастера живописцы московской царской художественной школы работали во всей средней и сѣверной Россіи: теперь оказывается, что московскіе строители распространяли и архитектуру московскую, слѣды вліянія которой сказались и въ Соликамскѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи этой мысли проф. Н. В. Покровскій назвалъ поименно архитектурные памятники Соликамскаго зодчества, которые имѣютъ существенные признаки московскаго стиля, каковы: крыльца съ тремя рундуками, окна съ мысками, колонки особаго типа, кокошники, бочкообразныя покрытія, шатры, карнизы, горизонтальный поясъ и проч.

Послѣ представленной работы остается описать и издать сохранившіеся въ данномъ районѣ памятниковъ старины.

Что касается стариннаго воеводскаго дома, назначеннаго подъ помѣщеніе арестуемыхъ, проф. Н. В. Покровскій высказалъ пожеланіе, чтобы этотъ домъ пользовался надлежащимъ

вниманіемъ и уваженіемъ, такъ какъ гражданскихъ архитектурныхъ памятниковъ старины у насъ сохранилось мало.

Н- И. Троицкій отмѣтилъ что въ представленныхъ памятникахъ видятся слѣды типа построекъ псковскихъ и новгородскихъ, и, ссылаясь на В. Е. Румянцева и архит. Павлинова, а также на запрещеніе храмозданныхъ грамотъ устраивать шатровые верхи, поставилъ вопросъ о возможности вліянія другихъ городовъ (Ярославля, и др.), а не Москвы.

Въ разъясненіе этого вопроса проф. Н. В. Покровскій высказалъ, что въ наукѣ теперь не оспаривается болѣе мнѣніе выраженное Забѣлинымъ о церкви Василія Блаженнаго: здѣсь нашли несомнѣнное примѣненіе мотивы древней архитектуры предшествовавшаго времени; но слѣдуетъ понимать дѣло такъ, что элементы областной архитектуры нашли художественное выраженіе въ творческомъ геніи Москвы и отсюда извѣстные уже, намъ художественные образцы опредѣленнаго архитектурнаго стиля распространялись въ разныя стороны.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ къ этому сообщилъ историческую справку, изъ которой видно, что города района Чердыни и Соликамска были этапами, чрезъ которые шла изъ Москвы колонизація Сибири. Сперва имѣла преобладающее знченіе Чердынь, куда Москва направляла свое вліяніе чрезъ Новгородскую область, а когда Казань была замирена, колонизаціонный путь опустился къ югу и Соликамскъ оказался на этомъ торномъ пути, такъ что здѣсь несомнѣнно въ разсматриваемое время обращались купцы и другіе люди изъ центральной, московской полосы.

В. Ѳ. Безпальчевъ поставилъ референту вопросъ о голосникахъ въ Соликамскихъ церквахъ, и г. Малченко отвѣтилъ, что онъ голосниковъ не наблюдалъ.

Проф. Н. В. Покровскій замѣтилъ что приспособленія, называемыя голосниками, встрѣчаются и въ постройкахъ XVII в., но еще никто не доказалъ, что это дѣйствительно резонаторы, поставленные древне-русскими строителями. Дѣло въ томъ, что въ византійскихъ церквахъ резонаторы не найдены и не доказано, что эти сосуды могли имѣть акустическое назначеніе. Но строители стараго времени не были сильны въ своемъ искусствѣ и, быть можетъ, они употребляли полые сосуды въ верху стѣнъ и въ сводахъ для облегченія тяжести, а не для резонанса. Въ подтвержденіе этого профессоръ сослался на факты примѣненія ихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ акустическія приспособленія не могли имѣть такого значенія.

Въ дополненіе къ этому проф. Н. И. Петровъ сообщилъ, что онъ знаетъ о такъ наз. голосникахъ разобранной Борисоглѣбской церкви въ Гроднѣ, которые были на высотѣ человѣческаго роста (самый сосудъ можно видѣть въ виленскомъ музеѣ), и цѣлый рядъ подобныхъ же сосудовъ *въ кладкѣ* Кіево-Софійскаго собора: всѣ сосуды здѣсь одного размѣра: гаммы изъ нихъ не составить. Поэтому Н. И. Петровъ склоняется къ предположенію , выраженному Н. В. Покровскимъ.

В. Ѳ. Безпальчевъ указалъ на деревянную церковь 1630-1640 гг. въ с. Липовѣ Роменскаго уѣзда, гдѣ имѣются голосники.

Проф. Н. В. Покровскій сослался на полную безполезность подобныхъ акустическихъ приспособленій въ деревянныхъ постройкахъ, и происхожденіе такъ наз. голосниковъ въ подобныхъ постройкахъ относилъ къ произвольнымъ кунстштюкамъ новѣйшихъ строителей.

Послѣ того, по обязанности предсѣдателя Отдѣленія, Н. В. Покровскій сообщилъ, что въ отдѣленіе поступили рефераты, которые не будутъ доложены, а останутся при дѣлахъ съѣзда:

Г. Трунова. **„Къ исторіи пещерныхъ храмовъ Воронежской гдѣ.** по матеріаламъ собраннымъ Д. Я. Струковымъ. Сближеніе этихъ храмовъ съ римскими катакомбами и крымскими пещерами храмами, допускаемое въ рефератѣ, нуждается въ дополнительныхъ изслѣдованіяхъ.

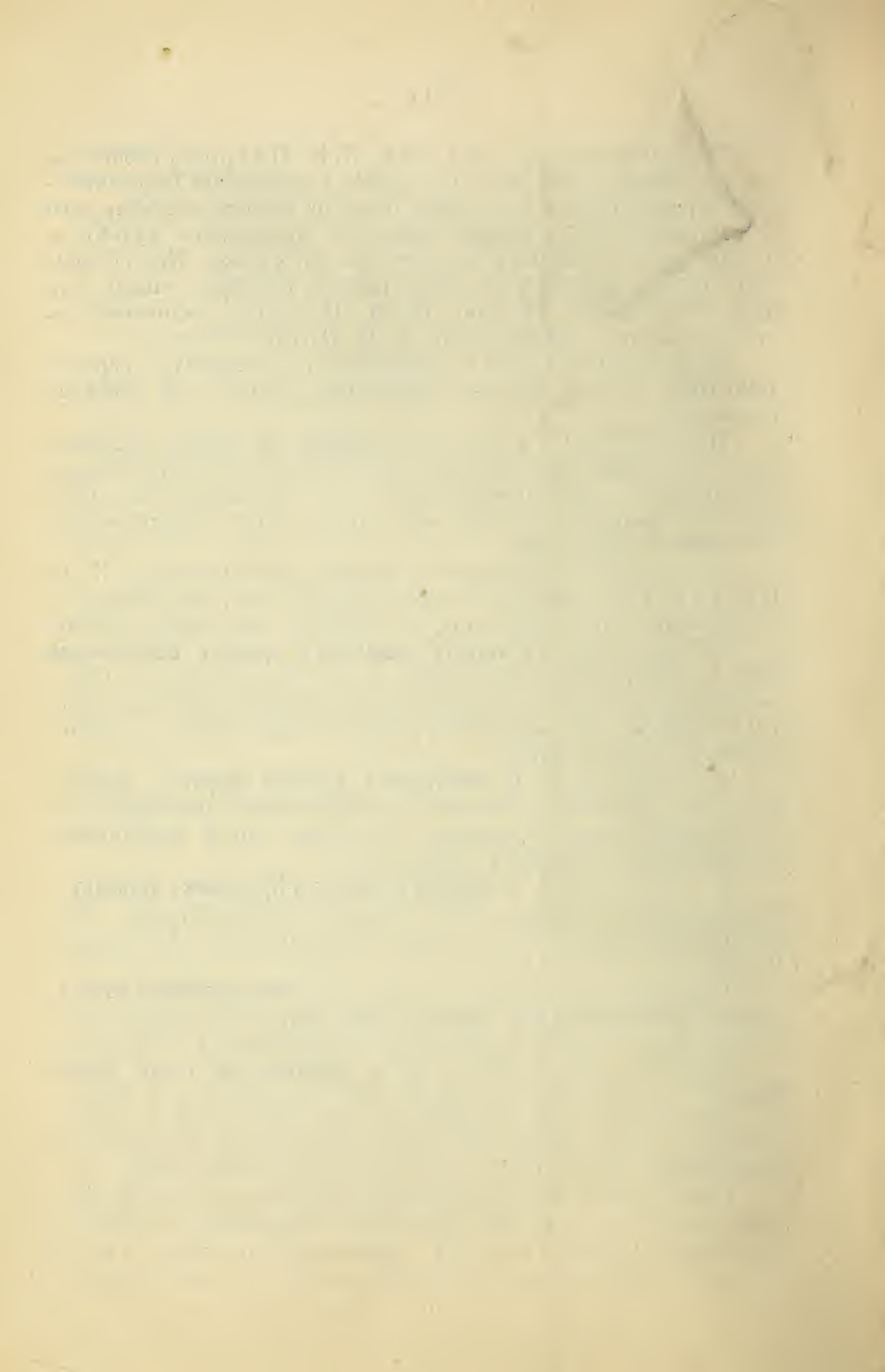
Х. И. Попова **„О монастыряхъ Донской епархіи“.** Матеріалы этого реферата необходимо предварительно дополнить и по библіографическимъ указаніямъ извѣстнаго труда Звѣринскаго о монастыряхъ и другихъ источникахъ.

Г. Кузаленка. **„О древнихъ церквахъ Кубанскихъ козаковъ“.** Описательный матеріалъ этого реферета затруднительно прочитывать въ собраніи, но онъ можетъ быть напечатанъ въ Трудахъ Съѣзда.

Сообщеніе свящ. Синельникова—**о необходимости возстановленія старинной церкви Спаса на Берестовѣ.** Это сообщеніе слѣдовало бы направить къ Кіевскому Епархіальному Начальству.

Запросъ того же Священника **о Цареградской иконѣ Божейй Матери** въ Кременчугской Покровской единовѣрческой церкви. На такой запросъ можно отвѣтить по собраніи предварительныхъ справокъ по тѣмъ указаніямъ, какія намѣчаются въ запросѣ, и по разсмотрѣніи самой иконы, а не фотографическаго снимка.

Означенными сообщеніями исчерпанъ матеріалъ, какой былъ представленъ въ Отдѣленіе Древностей Церковныхъ XII Археологическаго Съѣзда, а потому предсѣдатель объявилъ работы Отдѣленія законченными. Засѣданіе въ 10 $^3/_4$ ч. было закрыто.

ИЗВѢСТІЯ
XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 9. 15—27 Августа 1902 г. **№ 9.**

22 Августа (четвергъ).

10 час. утра.

Въ актовомъ залѣ.

Секція I. Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель: В. И. Сизовъ.
Предсѣдатель секціи: Проф. Н. И. Веселовскій.
Секретари: Н. Ѳ. Бѣляшевскій, В. М. Сысоевъ и А. А. Мироновъ.

Открывая засѣданіе, почетный предсѣдатель В. И. Сизовъ сдѣлалъ вступленіе о предстоящихъ докладахъ, касающихся Донецкаго городища, гдѣ члены съѣзда принимали участіе въ раскопкахъ, и упомянулъ, что въ числѣ докладчиковъ находится нашъ ветеранъ на поприщѣ археологіи Д. Я. Самоквасовъ, много потрудившійся надъ разъясненіемъ вопроса о городищахъ.

В. А. Городцовъ прочелъ докладъ „**Раскопки Донецкаго городища**“.

Референтъ, вмѣстѣ съ гг. Данилевичемъ, Бѣляшевскимъ, Ефименко и Воронцомъ, былъ командированъ съѣздомъ для раскопокъ Донецкаго городища, съ цѣлью выяснить характеръ городища, его время и обитавшее на немъ населеніе. Раскопки производились 17, 18 и 19 августа и дали цѣнные результаты. Что касается характера городища, то оказалось, что, при устройствѣ ихъ, мѣстность выравнивалась, а бока городища укрѣплялись подсыпкой.

Самымъ интереснымъ добыткомъ раскопокъ является открытіе землянокъ съ очагами въ нихъ.

Остальныя находки дали въ нѣкоторыхъ случаяхъ ясныя доказательства той или другой черты быта древняго населенія городища. Такъ напр., здѣсь найдены предметы, указывающіе на земледѣліе, на занятіе скотоводствомъ (кости коровы, лошади, овцы, свиньи), кромѣ того, найдены кости и другихъ животныхъ (собаки, курицы). Очень многочисленны остатки животныхъ, служившихъ предметомъ охоты (медвѣдь, лось, благородный олень, сайга, заяцъ, бобръ и два вида утокъ). Помимо охоты на звѣря, обитатели городища занимались рыболовствомъ (кости сома, щуки, лещи, карпа и одного вида осетровыхъ). Обрабатывающая промышленность также входила въ кругъ занятій населенія городища, на что указываютъ предметы, относящіеся къ металлургіи, обработкѣ кости, къ гончарному и ткацкому дѣлу. Найдены нѣкоторые предметы, говорящіе за существованіе торговыхъ отношеній. Такимъ образомъ, населеніе характеризуется осѣдлостью, земледѣльческимъ бытомъ и мирнымъ характеромъ—городище сооружено для обороны, изъ военныхъ-же принадлежностей найдено всего лишь одна стрѣлка.

Всѣ найденные остатки, по своему типу, относятся къ XI—XII вв. Что-же касается народности,—то, по быту и общему характеру культуры, племя, населявшее городище, было славянское.

Послѣ реферата послѣдовалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, касавшійся главнымъ образомъ вопроса о времени городища и о составѣ его населенія. При этомъ проф. Д. И. Багалѣй, основываясь на лѣтописныхъ данныхъ о городкахъ въ Половецкой землѣ, высказалъ предположеніе: не могли ли татары избрать городище мѣстомъ своего пребыванія, на что указывали бы татарскія монеты, найденныя въ городищѣ и коснулся коллекціи свящ. Спѣсивцева изъ Райгородка.

В. А. Городцовъ возражалъ въ томъ смыслѣ, что предметы изъ Райгородка не имѣютъ ничего общаго съ открытыми въ Донецкомъ городищѣ: они не татарскіе, а главнымъ образомъ славянскіе.

В. З. Завитневичъ, въ видахъ устраненія односторонности взглядовъ, высказалъ свою точку зрѣнія на городище и полагалъ, что предметы можно отнести къ позднѣйшему времени. Такъ, стѣны, по способу кладки, не тѣ, что въ славянскихъ городищахъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что населеніе городка не кочевое, онъ высказалъ предположеніе, не было ли городище сторожевымъ пунктомъ русскихъ противъ татаръ въ XIV столѣтіи?

На это В. А. Городцовъ отвѣтилъ, что техника городища указываетъ на XII столѣтіе.

И. А. Линниченко замѣтилъ, что въ народѣ это городище извѣстно подъ именемъ Шарукань городъ; въ виду того, что населеніе тамъ славянское, онъ полагаетъ, что татары могли оставить тамъ русское населеніе для того, чтобы оно обрабатывало землю для нихъ: сѣяло пшеницу, просо и проч.

Изъ другихъ участниковъ преній М. П. Труновъ указалъ на городище близъ Воронежа, гдѣ были найдены татарскіе изразцы.

В. И. Сизовъ, подводя итогъ преніямъ, сказалъ, что еще рано произносить окончательное слово о городищѣ, такъ какъ оно только начало изслѣдоваться, желательно продолженіе изысканій мѣстными археологами и въ заключеніе предложилъ собранію выразить благодарность В. А. Городцову за труды, понесенные имъ при раскопкѣ городища, что было принято собраніемъ очень сочувственно.

2) Д. Я. Самоквасовъ въ рефератѣ **„О Донецкомъ городищѣ и прилегающихъ къ нему могилахъ“** старался дать отвѣтъ на вопросы, затронутые, какъ предыдущимъ рефератомъ, такъ и вызванными имъ преніями.

По мнѣнію докладчика, сопоставленіе находокъ изъ Донецкаго городища и могилъ близъ него съ находками изъ сѣверянскихъ раскопокъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ позволяетъ опредѣлить народность обитателей Донецкаго городища.

Относительно назначенія городищъ существовали два мнѣнія: 1) Адама Чарноцкаго (Зоріана Ходаковскаго), который въ 20-хъ годахъ высказалъ мнѣніе, что славянскія городища имѣютъ богослужебное назначеніе. За Ходаковскимъ послѣдовали Шафарикъ, Погодинъ и Срезневскій... Главное доказательство этому видѣли въ отсутствіи городовъ до призванія Рюрика. 2) Вадимъ Пассекъ уже высказалъ другое мнѣніе, а именно, что городища—остатки городовъ до-татарской Руси. Тоже подтвердилъ потомъ Калайдовичъ. Это мнѣніе въ послѣднее время получаетъ полное торжество послѣ того, какъ многочисленныя раскопки подтверждаютъ именно это положеніе. Референтъ уже на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ изложилъ свой взглядъ на историческое значеніе, на формы и содержаніе городищъ, вполнѣ примыкая къ взгляду Пассека: подъ словомъ городище разумѣется мѣсто, гдѣ былъ городъ. Донецкое городище и его раскопки вполнѣ подтверждаютъ этотъ взглядъ. Въ немъ раскопки дали значительный матеріалъ: обнаружили рядъ жилищъ, искусственныя укрѣпленія, ограду и т. д. Все это напоминаетъ устройство древнихъ славянскихъ городовъ, какимъ оно пред-

ставляется: 1) у Ибнъ-Даста (X в.), 2) въ разсказѣ лѣтописи (X в.) о мщеніи Ольги, 3) у вятскаго лѣтописца, описывающаго основаніе гор. Хлынова новгородцами и 4) у Котошихина (XVI в.).

Въ Донецкомъ городищѣ устройство совершенно сходное съ указанными описаніями: вездѣ съ окраинъ идутъ 2 ряда брусьевъ; къ этой оградѣ примыкаютъ жилища. Кирпичный цвѣтъ земли свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь произошелъ пожаръ, уничтожившій поселеніе. Очевидно, когда при татарскомъ нашествіи вся Русь была опустошена и всѣ города были сожжены, тогда же было сожжено и поселеніе Донецкаго городища. Этой датой завоеванія Руси татарами можно опредѣлить послѣдній моментъ существованія поселенія этого городища, такъ какъ въ послѣдующія времена область Сѣверскаго Донца, Великой Вороны и Червленаго Яра стали совершенно необитаемы до позднѣйшаго времени.

Съ другой стороны эпоху городища, повидимому, могли бы характеризовать найденныя въ городищѣ—каменная стрѣлка хорошей работы и 2 черепка каменнаго періода. Но такъ какъ кромѣ этихъ предметовъ мы болѣе не имѣемъ предметовъ каменной эпохи, то слѣдуетъ считать найденныя вещи совершенно случайными. Равнымъ образомъ, въ вещахъ Донецкаго городища мы не имѣемъ слѣдовъ ни скиѳской, ни сарматской культуры съ остатками вліянія грековъ и римлянъ. Слѣдовательно, остается признать Донецкое городище относящимся къ эпохѣ славянорусской культуры, къ періоду съ V по X в.

Еще болѣе интересенъ вопросъ о національности, къ которой слѣдуетъ отнести Донецкое городище. Когда Олегъ пришелъ въ Кіевъ, то онъ озаботился укрѣпленіемъ своихъ владѣній по Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ и пр.; но до р. Донца онъ не распространилъ своихъ владѣній. Эта послѣдняя область вошла въ составъ Руси только при Святославѣ, который отнялъ эти мѣста у хазаръ. На то, что владѣнія хозаръ доходили до Донца, указываетъ, быть можетъ, сохранившееся до сихъ поръ названіе Хагановскаго городища. Въ этой же области находились и колоніи, выдвинутыя русскими князьями противъ кочевниковъ, при чемъ самыя колоніи могли быть изъ кочевниковъ. Уже въ XI—XII в. половцы осѣдло жили въ городахъ. Одинъ изъ черниговскихъ князей жалуется, что ему достались въ отведенныхъ ему мѣстахъ въ бассейнѣ Десны бѣдные города, въ которыхъ живутъ только „псари да половцы“ Слѣды одного изъ подобныхъ городовъ можно видѣть въ Донецкомъ городищѣ и могилахъ, расположенныхъ около него. Во всякомъ случаѣ, это не сѣверянское и не сла-

вянское городище. Сравнивая находки Донецкаго городища и его погребеній съ находками сѣверянскихъ кургановъ, мы можемъ констатировать сходство только самыхъ общихъ чертъ и несходство очень многихъ. Сѣверянскія могилы представляютъ собою погребеніе въ ямѣ, руки на груди и т. п. Здѣсь же могилы въ собственномъ смыслѣ нѣтъ, руки въ совершенно иномъ положеніи, такъ какъ всѣ три остова просто положены подъ слоемъ земли. Обыкновенно такое погребеніе бываетъ тогда, когда сверху насыпанъ курганъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, можно съ увѣренностью сказать, что и здѣсь были курганы, но ихъ впослѣдствіи распахали.

Наконецъ, погребенія Донецкаго городища мы должны признать языческимъ, такъ какъ при покойникѣ была поставлена пища и т. д.

Бусы и желѣзные гвозди вообще свидѣтельствуютъ о позднѣйшей культурѣ.

Обращая вниманіе на все это, референтъ считаетъ, что Донецкое городище и кладбище при немъ слѣдуетъ отнести ко времени послѣдняго столѣтія до нашествія татаръ, народность признать половецкой. Жилой слой городища незначителенъ и показываетъ, что городище существовало не болѣе 2—3 столѣтій. Послѣдовательность же культуръ для данной мѣстности можно установить такую: хазары, руссы, татары, и наконецъ, въ XVII в.—опять руссы.

Во время доклада были демонстрированы предметы изъ одной могилы, случайно открытой при постановкѣ телеграфнаго столба у полотна желѣзной дороги, недалеко отъ городища, на что обратилъ вниманіе поручикъ В. Р. Апухтинъ, который идослѣдовалъ погребеніе, оказавшееся женскимъ. Были найдены двѣ височныя проволочныя серьги съ хорошей патиной, низкопробнаго серебра, кольцо съ орнаментомъ изъ полушариковъ, проволочное колечко, мелкія глиняныя и стеклянныя бусы и желѣзныя гвозди отъ гроба.

И. А. Линниченко замѣчаетъ, что остатки половецкой культуры пока весьма малочислены, но было бы весьма интересно ихъ прослѣдить въ возможно большомъ объемѣ; что касается его, то онъ не видитъ половецкой и вообще кочевнической культуры въ Донецкомъ городищѣ.

Послѣ нѣкотораго обмѣна мыслей между Д. Я. Самоквасовымъ и И. А. Линниченко, почетный предсѣдатель В. И. Сизовъ указалъ, что раскопки Донецкаго городища еще слишкомъ незначительны для того, чтобы уже теперь можно было придти къ какимъ либо совершенно несомнѣннымъ и окончательнымъ выводамъ.

А. М. Покровскій. прочелъ докладъ **„Верхне-Салтовскій могильникъ“** Верхне-салтовскій могильникъ (въ Верхне-Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда) былъ открытъ совершенно случайно народнымъ учителемъ В. А. Бабенко, который прислалъ въ Харьковскій Предварительный Комитетъ нѣсколько предметовъ. Комитетъ, обративъ на нихъ особое вниманіе, произвелъ въ могильникѣ подробное изслѣдованіе при участіе гр. П. С. Уваровой, А. М. Покровскаго, В. А. Бабенко, проф. Д. И. Багалѣя, Е. П. Трифильева.

Въ этомъ могильникѣ имѣемъ такъ называемый пещерный или катакомбный типъ погребенія, совершенно аналогичный погребеніямъ Сѣвернаго Кавказа. Могилы были открыты по боку значительнаго оврага, идущаго по нагорному берегу р. Донца и по канавамъ, раздѣляющимъ крестьянскія поля. По всей вѣроятности, прорывались канавы, въ концѣ которыхъ на глубинѣ около 2 саж. вырывалась пещера. На глубинѣ 2 саженъ обнаруживалось отверстіе, которое вело въ пещеру, имѣющую въ основаніи до 2 метровъ въ квадратѣ. Пещера имѣетъ или простой или четверной сводъ. Входъ въ пещеру не закладывался и пещера не засыпалась землею, которая, однако, попадала въ нее впослѣдствіи. Порядокъ въ размѣщеніи пещеръ пока не былъ изслѣдованъ. Выходъ изъ пещеры обращенъ главнымъ образомъ на востокъ, но нерѣдко и на югъ и юго-востокъ. Погребеніе—просто на полу, безъ гроба и подстилки; только въ 2—3 случаяхъ была подстилка изъ тонкаго слоя угля. Костяки лежатъ на спинѣ, съ вытянутыми руками и ногами; расположены или вдоль или поперекъ пещеры. Скелеты лежатъ иногда, взявшись за руки (3 случая). Почти въ каждой пещерѣ имѣются 3 погребенія и только изрѣдка—2 или 1. Чаще всего изъ 3 скелетовъ погребенія 1 мужской и 2 женскихъ; при 2 скелетахъ—1 мужской и 1 женской; въ одномъ случаѣ имѣется: 1 мужской, 1 женскій и 1 дѣтскій скелетъ.

Въ головахъ скелета всегда находится кувшинъ, большой, высокій, съ высокой шейкой и ручкой и узенькимъ горлышкомъ. Край сосуда всегда изогнутъ въ носокъ. Эти кувшины чернаго цвѣта, иногда покрыты орнаментомъ, сдѣланы безъ гончарнаго круга. Если сламывался сосудъ, то отдѣлялись: дно, ручка, носокъ, а самъ сосудъ распадался на четырехугольные кусочки, какъ будто бы онъ былъ склеенъ. Орнаментъ простой: черныя прямыя линія на сѣромъ фонѣ; иногда-кружочки. На нѣкоторыхъ сосудахъ есть клейма (круглыя и четырехугольныя). Кромѣ этихъ, есть и другіе сосуды красноватой глины, въ видѣ высокихъ кувшиновъ, сдѣланныхъ на гончар-

номъ кругу. Если черные кувшины сходны съ кавказскими, то красные сходны съ крымскими. Кромѣ того, были найдены: маленькій сосудъ съ клеймомъ на днѣ, а также стекляный сосудъ.

Въ головахъ скелета всегда находили кости домашнихъ животныхъ: барана, теленка, бычка—все молодыхъ,—и именно всегда: одна изъ заднихъ ногъ; кости цѣлыя; только въ одной могилѣ были найдены раздробленныя кости.

Въ головахъ, у стѣнки, почти всегда находили также круглое зеркало бѣлаго металла, Камунтскаго типа, съ ушкомъ по серединѣ, хорошо сохранившееся.

Остальныя вещи принадлежатъ къ группамъ или оружія или предметовъ украшенія.

Оружія вообще мало: боевые желѣзные топоры, или массивные или болѣе легкіе; кромѣ того были топоры съ обоими рѣжущими сторонами.

Топоры были около ногъ или плечъ. Всего найдено до 8 топоровъ.

Сабли почти прямыя, съ перекладиной, съ одной рѣжущей стороной. Находили также сабли сломанныя и согнутыя. Сабли имѣютъ серебряную оковку.

Стрѣлъ мало: 2 желѣзныя стрѣлы найдены референтомъ, (одна трехугольная, другая плоская), 2—другими лицами.

Остальные желѣзные предметы относились уже къ орудіямъ, это были или ножи, носимые на правомъ боку, или простые или тройные, непрозрачнаго стекла. Кромѣ ножей, были еще желѣзныя широкія стамески, служившія вѣроятно для выкапыванія могилъ.

Изъ предметовъ украшенія особенно характерны бусы и бубенчики; бусы стекляныя, золоченыя, или прозрачнаго и непрозрачнаго стекла, цвѣтныя съ вставными глазками. Встрѣчаются бусы изъ сердолика и горнаго хрусталя. Бубенчики бронзовые, литые или штампованные, носились какъ украшенія на различныхъ частяхъ одеждъ.

Дальше слѣдуетъ отмѣтить массу серебряныхъ, литыхъ и штампованныхъ пластинокъ, служившихъ украшеніями пояса сапогъ и др. частей одежды. Также много различныхъ бронзовыхъ подвѣсокъ.

По типу черепа принадлежатъ къ длинноголовымъ съ указателемъ около 75, причемъ женскіе черепа можно отнести къ нѣсколькимъ типамъ. Ростъ покойниковъ былъ небольшой, 172 сантим. можно считать за maximum. Могила, вскрытая гр. П. С. Уваровой съ новымъ типомъ сосуда, дала черепъ, сильно отличающійся и съ ясно монгольскимъ характеромъ.

Нужно допустить въ могильникѣ примѣси и смѣшенія, что можно иногда указать и на вещахъ. Какъ подвѣски были найдены монеты одна римская (М. Аврелій) и много аббасидскихъ и сассанидскихъ; самая поздняя изъ монетъ относится къ началу X вѣка.

По вещамъ, по типу погребенія Верх. Салтовскій могильникъ очень напоминаетъ погребенія въ катакомбахъ сѣвернаго Кавказа, позднѣйшаго періода. Нѣкоторыя вещи, какъ конская сбруя, украшенія, серьги, бляшки не только напоминаютъ, но совершенно одинаковы съ предметами изъ кавказскихъ могильниковъ Чми, Комунты, Кумбульты и др.

Вопросъ, какому племени принадлежитъ этотъ могильникъ, должны рѣшить сопоставленія съ историческими документами. Повидимому, это были какіе то богатые кочевники или полукочевники.

Въ Верх. Салтовѣ, кромѣ описаннаго могильника, есть и интересное городище, но оно не было изслѣдовано.

Д. Я. Самоквасовъ, очень подробно описалъ открытіе катакомбнаго могильника близъ аула Чми въ Тагаурскомъ ущельи, сдѣланное Дударовымъ и законченное имъ, причемъ было найдено 36 катакомбъ, совершенно сходныхъ и по характеру и по археологическому матеріалу съ Верхне-Салтовскимъ могильникомъ: тѣже сосуды, бусы, пряжки, серьги. Это сходство археологическихъ предметовъ могильника изъ Харьковской губерніи и Тагаурскаго ущелья, а также могильниковъ Галіата и Комунты—явленіе весьма необычное и интересное. Сопоставленіе монетныхъ находокъ позволяетъ ихъ датировать эпохой VI—IX в. по Р. X., хотя у г. Бабенко найдена римская монета.

Еще болѣе интересенъ вопросъ о народности, которой принадлежатъ эти могильники. Можно предполагать, что это хазары, которые господствовали надъ славянами въ вышеуказанный періодъ и только потомъ были оттѣснены русскими князьями.

Д. И. Багалѣй обращаетъ вниманіе на то, что изъ найденныхъ 19 монетъ 4 монеты принадлежатъ VI—VII в., 9—концу VII и VIII вв., 5—концу VIII и началу IX, и только 1 монета—X, и высказываетъ мнѣніе, что время могильника можно отнести къ еще болѣе раннему періоду, чѣмъ IX в., указанный референтомъ.

Городище около могильника еще не раскапывали и связь между ними не установлена, но, независимо отъ этого, городище представляетъ большой интересъ. Въ одномъ изъ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, относящихся къ поло-

винѣ XVII в., есть замѣчаніе о поселеніи черкасъ въ Верхне-Салтовскомъ городищѣ. Эти черкасы, обращаясь къ Московскому правительству, между прочимъ говорятъ о себѣ, что они поселились на старомъ Салтовскомъ городищѣ, гдѣ прежде сего былъ „каменный городъ“. Это упоминаніе о каменномъ городѣ въ документѣ XVII в. очень интересно. Этотъ каменный городъ представляетъ собою остатокъ сильно насиженнаго мѣста, если онъ сохранился въ предшествующій періодъ полнаго запустѣнія края. Онъ не можетъ быть отнесенъ къ колонизаціи второго русскаго періода.

Это упоминаніе находитъ себѣ полное потвержденіе въ томъ фактѣ, что значительная часть построекъ Салтова сооружена изъ камня, взятаго на Салтовскомъ городищѣ. До сихъ поръ на немъ замѣтна каменная стѣна, шириною болѣе 1 сажени.

Д. И. Багалѣй обращаетъ вниманіе на то, что столь интересная раскопка и городище обнаружены лишь благодаря трудамъ народнаго учителя В. А. Бабенко, которому предлагаетъ выразить благодарность отъ лица всего археологическаго съѣзда.

Д. Я. Самоквасовъ указываетъ, что Константинъ Багрянородный („О народахъ“) упоминаетъ о томъ, что, когда его предки вошли въ сношеніе съ хазарскимъ каганомъ, то послѣдній просилъ прислать архитекторовъ для постройки каменнаго города, что и было потомъ сдѣлано. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если припомнить что Мстиславъ Тмутараканскій велъ борьбу противъ ясовъ, касоговъ, которые жили такъ близко къ хазарамъ, то едва-ли можно сомнѣваться, что въ разслѣдованныхъ могильникахъ мы имѣемъ культуру хазаръ.

Н. Е. Бранденбургъ припоминаетъ, что въ Богучарскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи однажды была найдена обрушившаяся могила, весьма сходная съ катакомбой.

Г. Труновъ указываетъ, нѣтъ-ли возможности Маяцкое городище (Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ.), гдѣ имѣются развалины „каменнаго города“, сопоставить съ описанными остатками культуры, приписываемой хазарамъ.

Х. И. Поповъ сообщаетъ, что около Новочеркасска есть городище, на которомъ найдены монеты Сассанидовъ.

Д. И. Багалѣй полагаетъ, что умѣстно археологическій матеріалъ и историческія документальныя свѣдѣнія освѣщать одно при помощи другого. Такъ, для даннаго случая можно припомнить тотъ эпизодъ, когда первый самостоятельный черниговскій князь, Мстиславъ Тмутараканскій, осмотрѣвъ поле Лиственской битвы, выразилъ свою радость: „се лежитъ сѣверянинъ, се полянинъ, а моя-то дружина цѣла“. Эта дружина,

приведенная Мстиславомъ изъ Тмутаракани, очевидно, состояла не изъ славянъ, а можетъ быть изъ хазаръ, ясъ или косоговъ.

Самый способъ погребенія Салтовскаго могильника не позволяетъ отнести его къ славянамъ. Такимъ образомъ, все приводитъ къ убѣжденію, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ какимъ-то не славянскимъ населеніемъ, и всего вѣроятнѣе предположить, что имѣемъ дѣло съ хазарами.

До начала русскаго государства здѣсь существовали два большихъ политическихъ союза: сѣверный—норманнскій и южный—хазарскій, къ которому примыкали поляне и сѣверяне. Вліяніе хазаръ на русскій народъ до сихъ поръ еще не выяснено, но его слѣдуетъ признать болѣе значительнымъ, чѣмъ это обыкновенно признаютъ. Припомнимъ, что вел. кн. Владиміра называли „каганомъ“, („похвала кагану нашему Владиміру“). Въ данную эпоху мы имѣемъ дѣло съ наибольшимъ распространеніемъ хазарскаго могущества и владѣній, до времени первыхъ русскихъ князей и появленія печенѣговъ и половцевъ.

А. М. Покровскій подтверждаетъ, что и антропологическій матеріалъ указываетъ на отличіе населенія В. Салтовскаго могильника отъ славянскаго: сравнивая верхнесалтовскіе черепа съ черепами волынскими и кіевскими, можно замѣтить значительную разницу между ними, несмотря на то, что и тѣ и другіе длинноголовые. Особенно значительна разница въ мужскихъ черепахъ.

В. И. Сизовъ обращаетъ вниманіе на необыкновенный интересъ раскопокъ салтовскаго могильника, сблизившаго древности Харьковской губ. съ древностями Сѣвернаго Кавказа и давшаго возможность освѣтить вопросъ о хазарской культурѣ. Для большаго успѣха и окончательнаго рѣшенія вопроса желательно продолженіе раскопокъ, въ могильникѣ и городищѣ, которыя могутъ дать еще много очень важнаго матеріала. Достать и обработать этотъ матеріалъ—задача дѣятелей Харьковскаго края.

Н. А. Янчукъ сдѣлалъ сообщеніе **о раскопкѣ одного кургана въ Лубенскомъ уѣздѣ** Полтавской губерніи лѣтомъ настоящаго года. Докладчикъ присутствовалъ и руководилъ раскопками кургана въ мѣстности, извѣстной въ народѣ подъ названіемъ „Высокій горбъ“ (горбомъ въ Малороссіи называютъ бугоръ, холмъ), въ 40 верстахъ отъ Лубенъ близъ р. Гнилой Оржицы, притока Ортицы впадающей въ Сулу, гдѣ въ настоящее время замѣтно 5 кургановъ. Въ разныхъ мѣстахъ при раскопкахъ попадались глиняные черепки съ первобытнымъ орнаментомъ и кремневыя орудія. Могила въ центрѣ кургана заключала погребеніе въ скорченномъ положеніи съ окраской въ темнобу-

рый цвѣтъ. Выше этого погребенія былъ найденъ костяной кружокъ съ большимъ отверстіемъ посерединѣ и маленькой дырочкой сбоку. Своему докладу референтъ предпослалъ общій обзоръ древностей Лубенщины, интересной и въ палеонтологическомъ отношеніи. По поводу прочитаннаго реферата графиня П. С. Уварова замѣтила, что описанная находка имѣетъ ближайшее сходство съ тѣми, которыя были обнаружены въ раскопкахъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Е. Н. Мельникъ и В. А. Городцовымъ. По поводу костянаго кружка Н. Е. Бранденбургъ прибавилъ, что означенный предметъ современенъ древнему погребенію и хотя назначеніе его точно не выяснено, но полагаютъ, что онъ составлялъ украшеніе пояса.

---

10 час. утра.

Паралельное засѣданіе въ аудиторіи № 6.

Секція VI: Памятники языка и письма.

Почетный предсѣдатель: проф. А. С. Лебедевъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Е. Ѳ. Карскій.
Секретари: А. П. Кадлубовскій и Н. К. Грунскій.

Первый рефератъ принадлежалъ Н. И. Петрову. **Первый (малорусскій) періодъ жизни и научно-философскаго развитія Г. С. Сковороды.**

Первая половина жизни знаменитаго украинскаго философа до сихъ поръ мало извѣстна, такъ какъ существующая біографія Сковороды, принадлежащая М. И. Ковалинскому, отчасти страдаетъ неполностью и сбивчивостью хронологическихъ данныхъ, отчасти не можетъ удовлетворить насъ потому, что не позволяетъ выяснить и прослѣдить генезисъ философскаго развитія Г. С. Сковороды. Въ своемъ рефератѣ г. Петровъ старается по возможности точнѣе возстановить всю хронологическую послѣдовательность малороссійскаго періода жизни Сковороды и отмѣтить тѣ вліянія, которыя, по мнѣнію докладчика, сильнѣе всего способствовали формировкѣ настроенія и міросозерцанія этой интересной личности,

Родился Г. С. Сковорода въ селѣ Чернухахъ, Кіевскаго намѣстничества; отецъ его былъ малоземельнымъ казакомъ.

Обучившись грамотѣ и церковному пѣнію у себя на родинѣ, будущій философъ отправляется въ Кіевъ, гдѣ поступаетъ (1739 г.) въ младшій классъ духовной академіи. Затѣмъ, выйдя изъ академіи онъ опредѣляется въ церковную придворную капеллу пѣвчимъ (въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны), но вскорѣ выходитъ оттуда и вновь возвращается къ прерванному ученію въ кіевской академіи (въ 1742 г.). Отъ 1747—1750 г. онъ слушаетъ тамъ двухъ-годичный курсъ философіи. Разставшись затѣмъ съ академіей, Сковорода сопровождаетъ генерала Вишневскаго въ Венгрію. Заграничное пребываніе Сковороды продолжалось около $2^1/_2$ лѣтъ, послѣ чего онъ въ первой половинѣ 1753 г. пріѣхалъ обратно въ Малороссію, гдѣ велъ крайне стѣсненное въ матеріальномъ отношеніи существованіе. Осенью 1753 г. Г. С. былъ приглашенъ въ качествѣ домашняго учителя къ помѣщику С. Тамарѣ, но не ужился тамъ и скоро долженъ былъ оставить этотъ домъ. Въ 1759 году Сковорода принялъ должность учителя піитики въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. И здѣсь онъ пробылъ недолго, предпринималъ затѣмъ цѣлый рядъ попытокъ опредѣлиться учителемъ въ какое-нибудь учебное заведеніе, но эти хлопоты успѣхомъ не увѣнчались. Тогда Сковорода начинаетъ новый періодъ своей жизни, періодъ странствованій. Къ нему относятся его главные труды, но объ этомъ второмъ періодѣ жизни философа референтъ не распространялся, такъ какъ этотъ періодъ не входитъ въ программу намѣченной авторомъ задачи. Новымъ, что внесъ референтъ въ біографію перваго періода жизни Г. С. Сковороды, является рядъ хронологическихъ данныхъ, которыя удалось установить г. Петрову. Переходя затѣмъ къ анализу тѣхъ вліяній, которыя слѣдуетъ признать рѣшающими въ дѣлѣ философскаго развитія украинскаго мыслителя, докладчикъ первое мѣсто среди этихъ вліяній отводитъ духу, господствовавшему въ Кіевской духовной академіи, преподаваніе въ которой претерпѣвало медленный, но несомнѣнный процессъ улучшенія въ первой половинѣ XVIII вѣка. Идеи и взгляды Ѳеофана Прокоповича господствовали тогда въ атмосферѣ духовной академіи. Послѣдователемъ взглядовъ Прокоповича былъ и учитель Сковороды, Георгій Кониссній; его піитическіе и философскіе курсы, которые слушалъ Сковорода, были могучимъ факторомъ формировки ума и души послѣдняго.

Въ докладѣ мы находимъ подробныя указанія и свѣдѣнія объ учебномъ строѣ тогдашней академіи, теченіяхъ, замѣчавшихся въ ней и т. п.

Сковорода учился въ то время, которое обыкновенно называютъ *эпохой возрожденія классицизма въ Россіи.* Кончилъ свое ученіе въ академіи и вышелъ изъ нея Сковорода, когда ему было 28 лѣтъ,—а это именно тотъ возрастъ, когда у человѣка складываются прочныя убѣжденія на всю жизнь.

Прилежное чтеніе классическихъ авторовъ наложило весьма яркую печать на міропониманіе и настроеніе Г. С. Сковороды. Жизнь въ Малороссіи, постоянные прогулки и уединеніе среди природы, во время которыхъ онъ предавался созерцанію и которыя развивали въ Сковородѣ вкусъ къ свободѣ, философской безпечности и размышленіямъ—все это тоже не могло не сказаться на духовномъ развитіи нашего мыслителя. Воспитанный на изученіи классиковъ Г. С. самъ сдѣлался виднымъ представителемъ возрожденія классицизма и философіи въ Россіи, примѣнявшимъ древне-классическія и философскія начала къ русской народности и истинамъ православной вѣры.

Изъ послѣдовавшихъ послѣ прочтенія этого реферата преній мы отвѣтимъ замѣчаніе А. С. Лебедева, высказавшаго мнѣніе, что христіанскіе писатели, принадлежавшіе къ Александрійской школѣ, оказали большее вліяніе на философское развитіе Г. С. Сковороды, чѣмъ писатели классическіе.

Проф. А. К. Бороздинъ прочиталъ рефератъ: **о задачахъ изученія древне-русской литературы**. Указавъ на интересъ вопросовъ методологическаго свойства и напомнивъ выставленную М. Мюллеромъ схему развитія всякой науки (собираніе фактовъ, классификація, общіе законы), референтъ говорилъ, что изученіе литературы вообще находится лишь на первой ступени развитія, т. е. въ періодѣ собиранія матеріала. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ изученіе литературы подвигается къ болѣе высокимъ ступенямъ: историко-сравнительный методъ даетъ возможность классификаціи литературныхъ явленій; классификаціей же облегчается добываніе нѣкоторыхъ законовъ возникновенія и развитія литературы. Тѣмъ не менѣе предстоитъ много работы, чтобы придать этимъ законамъ болѣе широкое содержаніе и прочный научный характеръ. Такъ какъ литературное творчество есть фактъ не только индивидуальной психологіи, но въ значительной мѣрѣ фактъ соціальный, то задача вообще науки состоитъ въ томъ, чтобы ввести изслѣдованіе литературы въ общее изученіе соціальнаго процесса. Этимъ опредѣляется выборъ матеріала для изслѣдованія (творчество—объектъ личной психологіи; взаимодѣйствіе автора и среды—признакъ соціальный). Съ этой точки зрѣнія памятники письменности не входятъ въ изученіе литературы. Референтъ охарактеризовалъ затѣмъ ста-

рые библіографическіе труды и попытки создать систему, попытки Шевырева и Ор. Миллера, а также разрушеніе системъ Буслаевымъ и его школой, приведшее къ современному состоянію русской науки, и остановился на тѣхъ задачахъ, которыя предстоятъ изслѣдователямъ литературы Старой Руси. Много сдѣлано для добыванія матеріала филологической критикой; она же даетъ нѣкоторую возможность хотя бы формальной классификаціи памятниковъ, и, разъясняя, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіями заимствованными, и гдѣ съ оригинальными, помогаетъ представить картину стараго міросозерцанія и тѣхъ вліяній, подъ которыми оно слагалось. Передъ нами литературная статика, но нужна разработка литературной динамики. Нужно обращать вниманіе на элементъ волевой, на воздѣйствіе писателя на среду. Этимъ опредѣляется выборъ матеріала. Мнѣніе, что надо дорожить всѣмъ писаннымъ, такъ какъ матеріала мало, неправильно, нужно имѣть научное мужество объявить, что мы литературы не знаемъ, но не слѣдуетъ выдавать за литературу матеріалъ не литературный. Памятникъ письменности есть матеріалъ, характеризующій состояніе образованности, и въ этомъ отношеніи можетъ быть подспорьемъ для историка литературы, но никакъ не можетъ считаться предметомъ его спеціальнаго изученія. Подобнымъ предметомъ могутъ быть только такія произведенія, въ которыхъ слово есть орудіе воздѣйствія на общественное сознаніе (публицистика, проповѣдь, поэзія). При такомъ пониманіи, изученіе старой русской литературы, дастъ важные результаты какъ для русской исторіи, такъ особенно для общей исторіи литературы, о которой долженъ помнить каждый изслѣдователь частныхъ вопросовъ. Собирая кирпичи (что необходимо), надо помнить, для чего они собираются, какое зданіе хотятъ строить. Иначе собираніе кирпичей совсѣмъ безцѣльно.

Проф. А. И. Кирпичниковъ внесъ поправку въ изложеніе референта, предостерегая отъ узкаго толкованія термина-формы, въ смыслѣ слишкомъ внѣшнемъ; при такомъ толкованіи Аввакуму можетъ быть приписана роль меньшая, чѣмъ Симеону Полоцкому. Референтъ отвѣчалъ, что онъ понимаетъ форму болѣе широко, и что извѣстная форма была у Аввакума, только она была избрана имъ безсознательно.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ обращалъ вниманіе на трудность вопроса объ опредѣленіи литературы и находилъ, что устанавливаемый референтомъ критерій едвали можетъ устранить споръ, тѣмъ болѣе, что въ области древне-русской литературы трудно исключать изъ области литературы что нибудь, потому что вся она болѣе или менѣе дидактична.

Проф. В. Н. Мочульскій также находилъ излишнимъ дѣлать выборъ среди произведеній древней литературы и указывалъ, что съ точки зрѣнія самого референта это излишне, потому что письменный памятникъ, вращающійся въ обществѣ, обыкновенно можетъ оказывать то или другое воздѣйствіе на общество, имѣетъ общественный характеръ. На указаніе референта, что есть въ древней Руси такіе памятники, какъ поварская книга, присоединяемая къ Домострою, проф. В. Н. Мочульскій отвѣчалъ, что эта книга читается, и о ней говорятъ потому именно, что она присоединена къ Домострою, несомнѣнно имѣющему общественный характеръ.

А. I. Степовичъ интересовался вопросомъ, относитъ ли референтъ къ литературѣ поэзію Фета и другія произведенія, не имѣющія цѣли воздѣйствовать на общество? Референтъ допускалъ ихъ въ той мѣрѣ, въ какой эту цѣль они имѣли, и полагалъ, что эту цѣль можно видѣть у Фета и другихъ поэтовъ той же школы въ большей степени, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ.

Проф. М. Е. Халанскій указывалъ на неразличеніе референтомъ областей поэзіи и прозы. Референтъ находилъ, что это различеніе не имѣетъ для него значенія въ вопросѣ объ опредѣленіи области литературы.

Проф. Е. Ѳ. Карскій находилъ, что историкъ древней литературы, какъ и историкъ жизни, за малочисленностью наличныхъ памятниковъ, не можетъ многаго устранять изъ своего изученія, а долженъ останавливаться на всѣхъ тѣхъ произведеніяхъ слова, въ которыхъ отражаются умственное, нравственное и общественное состояніе общества, особенности народной личности. Самое слово, какъ выраженіе мысли, не можетъ быть устранено изъ изученія историко-литературы. На замѣчаніе референта, что при такомъ пониманіи дѣла исчезаетъ граница между языкознаніемъ и исторіей литературы, проф. Е. Ѳ. Карскій указывалъ, что изученіе лингвиста и историка литературы не одинаково; и какъ слово, такъ и юридическій документъ, характеризующій древнѣйшую эпоху народной жизни, можетъ интересовать историка литературы, т. к. они нерѣдко связаны съ народнымъ творчествомъ. По поводу самаго критерія, устанавливаемаго референтомъ, Е. Ѳ. Карскій замѣтилъ, что онъ можетъ привести къ недоразумѣніямъ, такъ какъ многіе памятники, наприм., распоряженія власти, имѣютъ цѣлью извѣстное возбужденіе волевыхъ импульсовъ въ представителяхъ общества, не относясь, однако, къ литературнымъ памятникамъ.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ, касаясь вопроса о значеніи литературной формы, указывалъ на эпохи, когда опредѣленныя

формы дѣлаются шаблонными и не служатъ цѣли воздѣйствія на общество, и, наоборотъ, памятники, имѣющіе такую цѣль, не облекаются въ такую форму. Референтъ полагалъ, что это замѣчаніе не противорѣчитъ его положенію.

Н. С. Державинъ указывалъ на необходимость при опредѣленіи границъ литературной области, съ точки зрѣнія цѣли произведенія, считаться съ пониманіемъ современниковъ, съ ихъ взглядомъ на цѣль и на значеніе памятника.

Третьимъ докладчикомъ выступилъ г. Тиховскій. Въ докладѣ своемъ—„**Южно-русскій библейскій кодексъ Луки изъ Тернополя** (1569 г.) и его отношеніе къ трудамъ Скорины и южно-русскому библейскому кодексу 1575—1577 гг.“—г. Тиховскій выставилъ слѣдующіе тезизы.

Кодексъ 1569 г., какъ и списокъ 1575—1577 гг., являясь въ большей своей части копіей и передѣлкой печатныхъ изданій Скорины, въ остальной своей части (1/4 текста) даетъ совершенно новый малорусскій переводъ и притомъ даже нѣсколько книгъ, переведенныхъ ранѣе Скорины.

Время перевода должно быть опредѣлено—около 1569 г., причемъ данная рукопись представляетъ собой подлинникъ, а не копію перевода. Рукопись 1575—1577 гг. въ части ея, сохранившейся и въ рукописи 1569 г., является простой копіей частью печатныхъ изданій Скорины, частью рукописи 1569 г., Мнѣнія профессоровъ Головацкаго и Владимирова, что текстъ данной рукописи, какъ и списокъ 1575—1577 гг., представляетъ изъ себя копіи и передѣлки переводовъ Скорины, не могутъ быть признаны основательными.

У самаго Скорины мы нигдѣ не находимъ указаній о переводѣ имъ *всей* Библіи, а недоразумѣнія, постоянно встрѣчающіяся по этому вопросу, объясняются неправильнымъ пониманіемъ словъ Скорины.

Проф. Карскій замѣтилъ, что для рѣшенія вопроса о самостоятельности перевода въ части кодекса необходимы дальнѣйшія сличенія, и указалъ, между прочимъ, на сходныя рукописи въ библіотекѣ гр. Красинскихъ и библіотеку гр. Толстого. Референтъ сообщилъ, что онъ пользовался указанной рукописью изъ библіотеки гр. Красинскихъ и, повидимому, также той, изъ библіотеки гр. Толстого, на которую указываетъ проф. Карскій.

ИЗВѢСТІЯ

XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 11. 15—27 Августа 1902 г. **№ 11.**

23 Августа (Пятница).

10 час. утра.

Актовый залъ.

Секція IX. Памятники археографическіе.

Почетный предсѣдатель: Л. М. Савеловъ.
Предсѣдатель отдѣленія: А. И. Маркевичъ.
Секретарь: Арс. И. Маркевичъ.

Засѣданіе открыто было рѣчью почетнаго предсѣдателя Л. М. Савелова, въ которой онъ, благодаря за честь, оказанную ему избраніемъ въ почетные предсѣдатели перваго засѣданія археографической секціи, свое избраніе всецѣло приписывалъ желанію съѣзда поощрить провинціальныхъ работниковъ на нивѣ историческихъ изысканій—ученыя архивныя коммиссіи и въ томъ числѣ Воронежскую ученую архивную коммиссію, представителемъ которой онъ является на съѣздѣ. Отъ имени ученыхъ архивныхъ коммиссій Л. М. Савеловъ приноситъ низкій поклонъ. Далѣе въ своей рѣчи Л. М. Савеловъ высказалъ, что ему особенно пріятно, что на его долю выпало предсѣдательство въ томъ именно засѣданіи, которое, между прочимъ, посвящено выясненію положенія и нуждъ нашего архивнаго дѣла. Кому неизвѣстно, въ какомъ печальномъ, чтобы не сказать больше, состояніи находится громадное большинство нашихъ архивовъ. Огромная масса драгоцѣннаго для науки матеріала лежитъ въ грязи, пыли и сырости, по чердакамъ и подваламъ, постепенно исчезая съ лица земли. и, несмотря на общій вопль ученаго міра, никому до этого нѣтъ дѣла. Исчезновеніе архивовъ съ накопленными вѣками рукописными сокровищами считается вполнѣ естественнымъ, а оправданіе на-

ходятъ въ обычной у насъ фразѣ: „денегъ нѣтъ“. Но вѣдь надо же, чтобы они нашлись, вѣдь каждый истекшій годъ отнимаетъ у науки цѣлыя массы драгоцѣннаго матеріала. Надо торопиться.

Три года тому назадъ, XI-ый археологическій съѣздъ, признавая неотложность упорядоченія архивнаго дѣла въ Россіи, возбудилъ цѣлый рядъ ходатайствъ. Ходатайства эти неудовлетворены, но это не должно насъ останавливать. Вѣдь „если дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ“. Будемъ же плакать, и, можетъ быть, насъ уразумѣютъ.

Предсѣдатель съѣзда графиня П. С. Уварова, сообщила порядокъ экскурсіи въ имѣніе П. И. Харитоненка, 25-го августа, для производства раскопокъ Ницахскаго городища въ Ахтырскомъ уѣздѣ.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ прочелъ рефератъ: **Русское архивное законодательство**“. Въ вступительномъ словѣ профес. Самоквасовъ указалъ на недостатки въ постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи, необходимость хотя и трудность, коренной реформы его и мѣры, принимавшіяся уже къ осуществленію этого важнаго дѣла. Между прочимъ онъ указалъ на дѣятельность въ этомъ отношеніи Московскаго Археологическаго Общества и на постановленіе Кіевскаго Археологическаго Съѣзда 1899 года.

Затѣмъ референтъ перешелъ къ изложенію русскаго архивнаго законодательства, начавъ его съ эпохи приказовъ. Референтъ указалъ, что статуты Западной Руси требовали тщательной охраны архивныхъ документовъ. Пользоваться архивными документами дозволялось только въ архивныхъ помѣщеніяхъ и въ присутствіи хранителей. Ту же заботливость объ охранѣ архивныхъ документовъ мы видимъ въ Псковской судной грамотѣ, въ судебникахъ восточной Руси, Уложеніи 1649 г. и отдѣльныхъ царскихъ указахъ. Отъ старыхъ и молодыхъ подъячихъ требовалось самое заботливое отношеніе къ находящихся въ вѣдѣніи ихъ дѣламъ. Документы и всякаго рода сборники документовъ Московскаго государства хранились въ закрытыхъ помѣщеніяхъ столахъ, сундукахъ, ларяхъ и др. Зданія, въ которыхъ хранились государевы дѣла охранялись въ ночное время дежурными изъ подъячихъ и сторожами. На такихъ же разумныхъ началахъ были основаны въ Московскомъ государствѣ и пользованіе архивами и контроль дѣятельности дьяковъ и подъячихъ по храненію архивныхъ матеріаловъ въ цѣлости и порядкѣ. Контроль этой дѣятельности находился въ рукахъ воеводъ и, въ свою очередь, подлежалъ контролю Московскихъ приказовъ. Высшій же контроль архивной службы въ Москов-

скомъ государствѣ былъ сосредоточенъ при особѣ государя, которому всѣ приказы должны были представлять описныя книги архивныхъ дѣлъ въ опредѣленный срокъ. Такимъ образомъ, въ основѣ русскаго архивнаго законодательства эпохи приказовъ Московскаго государства лежали раціональныя начала, лежащія и теперь въ основѣ архивнаго законодательства цивилизованныхъ государствъ нашего времени. Коренное начало древняго русскаго архивнаго законодательства выражалось въ требованіи хранить „Государевы дѣла“—архивные матеріалы въ цѣлости и порядкѣ, безъ уничтоженія какихъ бы то ни было документовъ и актовъ какой бы то ни было давности.

Далѣе референтъ указалъ на препятствія къ осуществленію этого требованія закона на практикѣ вслѣдствіе разрозненности архивныхъ матеріаловъ въ столичныхъ и провинціальныхъ хранилищахъ, не защищенныхъ отъ воды и огня, и вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ въ Московскомъ государствѣ. Оттого, не смотря на раціональные законы храненія и описанія архивовъ и контроля дѣятельности архивистовъ, государственные архивные матеріалы въ Московскомъ государствѣ гибли массами отъ естественныхъ причинъ—сырости и огня, и въ рѣдкихъ только архивахъ хранились документы столѣтней давности.

Затѣмъ референтъ перешелъ къ эпохѣ коллегій. Архивное законодательство Петра Великаго и послѣдующихъ императоровъ и императрицъ было направлено къ устраненію недостатковъ въ постановкѣ архивнаго дѣла въ Московскомъ государствѣ: 1) разрозненности архивныхъ матеріаловъ; 2) совмѣстнаго храненія въ канцелярскихъ помѣщеніяхъ старыхъ и новыхъ документовъ и актовъ; 3) совмѣщенія въ рукахъ дьяковъ и подъячихъ канцелярскихъ обязанностей по текущему письменному производству и по храненію и описанію архивныхъ матеріаловъ; 4) храненія письменныхъ документовъ и актовъ въ деревянныхъ помѣщеніяхъ канцелярій, не приспособленныхъ спеціально для храненія рукописныхъ матеріаловъ и не обезпеченныхъ отъ сырости и пожаровъ. Въ это время началась децентрализація архивовъ. Генеральный регламентъ или общій Уставъ Коллегій 1720 года требуетъ, чтобы книги, документы и дѣла, по истеченіи трехъ лѣтъ, передавались изъ канцелярій въ архивы, архиваріусамъ, за исключеніемъ тѣхъ регламентовъ, указовъ, документовъ и книгъ, которыя необходимы были всегда для справокъ. Учреждено было два архива: одинъ для дѣлъ всѣхъ коммиссій, кромѣ тѣхъ, которыя касались доходовъ и расходовъ, а другой—для дѣлъ этихъ послѣднихъ. 12 сентября

1728 г. изданъ былъ наказъ губернаторамъ и воеводамъ о порядкѣ передачи дѣлъ въ архивы и храненія ихъ. Этотъ законъ, въ дополненіе централизаціи столичныхъ архивовъ, учредилъ централизацію провинціальныхъ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ и подчинилъ всѣ архивы столицъ, губерній и провинцій высшему управленію и контролю Правительствующаго Сената.

Съ учрежденіемъ министерствъ, Комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, Сенатъ потерялъ значеніе высшаго органа правительственной власти. Повѣрка Сенатомъ порядка дѣлопроизводства въ столичныхъ и провинціальныхъ учрежденіяхъ прекратилась уже въ первой четверти XIX в. Безпорядочность въ дѣлопроизводствѣ канцелярій разныхъ учрежденій усилилась до крайней степени, и между прочимъ обнаружилось чрезвычайное небреженіе о сохраненіи и цѣлости дѣлъ, книгъ и реестровъ, содержащихся въ архивахъ: дѣла гнили въ сырыхъ и темныхъ помѣщеніяхъ, истреблялись пожарами, многія не могли быть отысканы, такъ какъ не были описаны. Съ отказомъ на представленіе сената объ учрежденіи общаго архива для храненія рѣшенныхъ дѣлъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и съ изданіемъ Высочайше утвержд. положенія объ архивахъ въ Западной Сибири было положено начало разрушенія архивной централизаціи въ Россіи, созданной архивнымъ законодательст. Петра Великаго и его преемниковъ XVIII столѣтія, и образованія такого множества архивовъ при канцеляріяхъ дѣйствующихъ учрежденій, что невозможно хранить ихъ въ цѣлости и порядкѣ, какъ требуютъ законъ и наука. Референтъ указалъ, что въ Петербургѣ и Москвѣ должно существовать не менѣе 500 архивовъ при высшихъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, а все количество разрозненныхъ архивовъ въ столичныхъ, губернскихъ, волостныхъ и другихъ областныхъ, уѣздныхъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ въ Россіи должно простираться до 30000. При самыхъ минимальныхъ расходахъ на содержаніе помѣщенія, хранителя и описаніе рѣшенныхъ дѣлъ въ этихъ архивахъ, содержаніе ихъ обойдется въ годъ до 10 милліоновъ не считая многомилліонной единовременной затраты на первоначальное устройство 30000 архивныхъ помѣщеній. Само собою разумѣется, что никакое государство не можетъ давать ежегодно десяти милліоновъ на храненіе и описаніе тридцати тысячъ разрозненныхъ архивовъ; а по недостатку матеріальныхъ средствъ архивное дѣло въ Россіи приходитъ къ полному нестроенію.

Референтъ представилъ далѣе полную картину этого нестроенія, выражавшагося прежде всего въ фальсификаціи ар-

хивныхъ документовъ—особенно сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ—для доказательства дворянскаго достоинства. Затѣмъ проф. Самоквасовъ указалъ на факты расхищенія и умышленнаго сожженія государственныхъ архивныхъ матеріаловъ, на образованіе драгоцѣнныхъ частныхъ коллекцій древнихъ рукописей изъ документовъ, похищенныхъ изъ архивовъ правительственныхъ учрежденій и на гибель архивныхъ матеріаловъ отъ огня и еще болѣе отъ сырости, что происходитъ отъ недостатковъ архивныхъ помѣщеній, не соотвѣтствующихъ требованіямъ закона и науки. Особенно подробно референтъ говорилъ объ уничтоженіи разными вѣдомствами старыхъ архивныхъ дѣлъ вслѣдствіе переполненія ими канцелярій дѣйствующихъ учрежденій и недостатка помѣщеній для архивовъ. Факты этого рода ясно показываютъ, что практика нашего времени въ недалекомъ будущемъ приведетъ къ полному разрушенію провинціальныхъ и столичныхъ архивныхъ фондовъ, если власть имѣющіе не остановятъ немедленно этого разрушенія по единодушной мольбѣ о томъ Кіевскаго археологическаго съѣзда 1899 года. Разумный выходъ изъ современнаго противорѣчія между требованіями закона о тщательной охранѣ рѣшенныхъ и исполненныхъ дѣлъ въ архивахъ и практикою архивной службы въ Россіи можетъ указать намъ только знаніе прошлаго русскихъ архивовъ и современной постановки архивнаго дѣла въ государствахъ Западной Европы, обладающихъ такимъ же широкимъ развитіемъ письменнаго дѣлопроизводства, какъ наше отечество, но не уничтожающихъ наслѣдованное отъ предковъ документальное народное имущество, а тщательно его сохраняющихъ въ интересахъ государственныхъ и научныхъ. На Западѣ современныя государства не жалѣютъ средствъ казны на централизацію въ возможной полнотѣ письменныхъ актовъ дѣятельности государственныхъ учрежденій и строжайше воспрещаютъ передавать дѣла изъ правительственныхъ архивовъ въ частныя учрежденія, что мы видимъ у насъ, напримѣръ въ практикѣ сената, вынужденнаго за недостаткомъ помѣщенія разсылать содержаніе своего архива по разнымъ учрежденіямъ. Въ такомъ же бѣдственномъ положеніи находятся и историческіе архивы губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій. Но не смотря на это печальное состояніе русскихъ архивовъ и повальную гибель архивныхъ матеріаловъ, десятки тысячъ русскихъ архивовъ, какъ видно изъ сообщеній, полученныхъ въ отвѣтъ на запросы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, должны хранить въ себѣ еще очень богатыя средства научнаго познанія русской

исторіи и исторіи русскаго права за послѣднія столѣтія. Собрать, упорядочить, описать, утилизировать и сохранить этотъ драгоцѣнный матеріалъ отъ дальнѣйшаго уничтоженія—нравственный долгъ всѣхъ русскихъ людей науки, дорожащихъ письменными памятниками своей родины; а для русскаго правительства— это служебная обязанность.

Проф. М. Н. Ясинскій доказалъ что референтъ начинаетъ исторію русскаго архивнаго законодательства съ указаній Псковской судной грамоты и Литовскаго статута 1566 г. Но что касается западной Россіи, то есть и болѣе древнія указанія въ памятникахъ начала и первой половины XVI-го в. Такъ изъ уставной грамоты Витебской земли мы узнаемъ, что акты публичнаго характера хранились въ церквяхъ. Это относится также къ Смоленской и Полоцкой землямъ. Отсюда можно заключить, что это имѣло мѣсто и въ болѣе раннее время. Что касается городовъ Юго-Западной Руси, то здѣсь грамоты хранились въ замкахъ. Мы имѣемъ много указаній первой половины XVI вѣка, на то, что жители повѣтовъ просили производить судъ не въ частныхъ имѣніяхъ воеводъ и старостъ, а въ замкахъ главныхъ городовъ.

Затѣмъ проф. Ясинскій остановился на толкованіи референтомъ извѣстной статьи Литовскаго статута 1566 г. о храненіи книги земскихъ судовъ и пояснилъ, что пользованіе этими книгами (напр. для полученія копій и пр.) не требовало присутствія при этомъ всѣхъ членовъ земскаго суда какъ то думаетъ референтъ. По отношенію къ XVII в. мы имѣемъ много указаній относительно охраны судебныхъ и другихъ актовъ въ постановленіяхъ сеймовъ и сеймиковъ. Наконецъ, проф. Ясинскій указалъ на невѣрность мысли референта о причинѣ отказа Иванишева отъ участія въ коммиссіи по провѣркѣ подлинности актовъ и книгъ Кіевскаго центральнаго архива: онъ несомнѣнно располагалъ необходимыми для этого свѣдѣніями, но отказался отъ этого дѣла вслѣдствіе стремленія въ послѣдніе годы жизни уклоняться отъ всякихъ оффиціальныхъ порученій, какъ бы лестны они ни были.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ отвѣтилъ, что онъ не могъ въ краткомъ рефератѣ привести всѣхъ данныхъ изъ архивнаго законодательства. Что же касается Иванишева, то свѣдѣній о причинѣ отказа его отъ указаннаго порученія у него не было въ распоряженіи. При этомъ Д. Я. Самоквасовъ благодарилъ за сдѣланныя М. Н. Ясинскимъ дополненія къ его реферату.

Проф. А. Н. Ясинскій замѣтилъ, что, по мнѣнію референта Петръ Великій является виновникомъ систематическаго архив-

наго законодательства въ Россіи. Отсюда вытекаетъ вопросъ: было ли законодательство это заимствованнымъ, подобно другимъ установленіямъ и учрежденіямъ Петра Вел., или основывалось на практикѣ предыдущаго времени. Думается, что въ дѣятельности Петра въ данномъ случаѣ замѣчается параллелизмъ съ дѣятельностью Іоанна Грознаго. Сохранился отрывокъ описи царскаго архива (въ одномъ изъ томовъ Актовъ Археогр. Экспед.). Согласно этой описи дѣла въ архивѣ разложены были въ ящикахъ и ящичкахъ. Изъ этой же описи усматривается, что царскій архивъ былъ центральнымъ архивомъ, гдѣ хранились приказныя, семейныя и другія дѣла. Дѣла выдавались изъ архива по требованію приказовъ и самаго царя, о чемъ дѣлались соотвѣтственныя помѣтки. Если тамъ были собраны документы изъ различныхъ учрежденій, значитъ, это былъ архивъ центральный. Завѣдываніе архивомъ въ это время находилось въ рукахъ дьяка Висковатаго. Здѣсь же, въ архивѣ, изготовлялись черновые списки государственной лѣтописи. Такимъ образомъ, царскій архивъ былъ и центромъ исторіографіи русскаго государства.

Проф. Самоквасовъ отвѣтилъ, что за краткостью времени онъ не внесъ этихъ данныхъ въ свой рефератъ, но свѣдѣнія эти имѣются въ его послѣднемъ печатномъ трудѣ.

Затѣмъ, проф. Д. Я. Самоквасовъ указалъ, что такъ какъ возраженій на его докладъ не послѣдовало, то ясно, что въ вопросѣ объ организаціи архивнаго дѣла у насъ всѣ солидарны, и потому предложилъ: не будетъ ли цѣлесообразно обратиться вторично къ стопамъ Его Императорскаго Величества и просить отъ имени XII Археологическаго Съѣзда, чрезъ графиню П. С. Уварову, объ осуществленіи архивной реформы по образцу государствъ Западной Европы.

Предложеніе проф. Самоквасова передано въ Совѣтъ съѣзда.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ докладъ: **„По вопросу о Никоновскомъ сводѣ“**.

Прежде всего проф. Платоновъ охарактеризовалъ тѣ рукописи, которыя привлечены Археографическою Коммиссіей къ изданію Никоновскаго свода. На первомъ мѣстѣ среди нихъ должны быть поставлены списки: Академіи наукъ, обозначаемый буквою *П*, и списокъ кн. Оболенскаго, обозначаемый буквою *О*; это—старѣйшіе и цѣннѣйшіе экземпляры. За ними слѣдуетъ группа изъ четырехъ списковъ, близкихъ къ списку *О* и не представляющихъ особой важности. Далѣе идутъ пять частей лицевого свода, получившаго большую извѣстность въ археографіи, и, наконецъ,—списокъ XVII в. съ этого самаго лицевого свода (рукописи Лебедевская и Александровская). Ука-

завъ на труды Н. П. Лихачева, А. А. Шахматова и А. Е. Прѣснякова въ дѣлѣ изученія московскаго лѣтописнаго дѣла, референтъ перешелъ къ оцѣнкѣ взаимнаго отношенія списковъ *П* и *О*, интересовавшихъ болѣе всего названныхъ изслѣдователей, и пришелъ къ слѣдующему заключенію.

Первичный текстъ Никонова свода сохранился въ спискѣ *О*, восходящемъ къ серединѣ XVI в.; что же касается до списка *П*, до сихъ поръ считавшагося „основнымъ", то онъ составленъ изъ различныхъ и *разновременныхъ* тетрадей, не имѣетъ внѣшней цѣлостности и представляетъ за годы 1533—1541 отклоненіе отъ текста прочихъ списковъ. Происхожденіе списка II пока необъяснимо, и было бы лучше, если бы первый редакторъ Никонова свода А. Ѳ. Бычковъ принялъ за основной списокъ не *П*, а *О*. Лицевой сводъ представляется референту дальнѣйшею переработкою Нниконова свода, произведенною не ранѣе 70-хъ годовъ XVI вѣка, съ дополненіями, сохранившимися частью въ лицевыхъ экземплярахъ, частью же въ ихъ копіяхъ (Лебедевской и Александровской). Печатное изданіе Никоновской лѣтописи имѣетъ въ виду использовать всѣ эти дополненія, хотя, къ сожалѣнію, уже не можетъ измѣнить свой основной списокъ.

Проф. Ал. И. Маркевичъ, на возражая референту, обратился къ нему только съ вопросами историческаго характера: а) ошибались ли мы въ историческихъ фактахъ, слѣдуя списку *П* Никонова свода, и б) не произойдетъ ли дальнѣйшихъ ошибокъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ, вслѣдствіе того, что придется еще довольно долго, въ виду медленности печатанія актовъ Археографическою Коммиссіею, пользоваться для XVI вѣка изданіемъ Никоновской лѣтописи XVIII столѣтія?

Проф. С. Ѳ. Платоновъ отвѣтилъ, что списки *П.* и *О.* расходятся собственно съ 1533 года, и разница между ними несущественна. Списокъ съ котораго напечатанъ сводъ въ прошломъ вѣкѣ, испорченъ кое гдѣ поправками, относящимися къ XVIII вѣку.

10½ час. утра.

Секція VIII: Древности славянскія.

Параллельное засѣданіе въ аудиторіи № 6.

Почетный предсѣдатель: проф. А. А. Кочубинскій.

Предсѣдатель отдѣленія: проф. М. С. Дриновъ.

Секретари: А. Л. Липовскій и В. Е. Данилевичъ.

А. I. Степовичъ прочелъ докладъ **„Къ литературной исторіи Краледворской рукописи“.**

Докладчикъ разсматриваетъ важнѣйшія явленія полемической литературы о Краледворской рукописи съ 1882 г., имѣя въ виду продолжить извѣстную работу по тому же вопросу А. Стороженко. Авторъ особенно остановился на мнѣніяхъ Гаттаны Гебауера и его главнаго противника В. Флейшганса. Обозрѣвъ литературу, докладчикъ пришелъ къ тому заключенію, что вопросъ о поддѣлкѣ еще далекъ отъ разрѣшенія, особенно въ смыслѣ выясненія средствъ исполненія ея. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе г.г. Дриновъ, Кочубинскій и Липовскій.

Послѣ этого слѣдовалъ докладъ А. Ѳ. Музыченко: **„Наблюденія надъ народнымъ творчествомъ Крымскихъ Болгаръ“.**

Такая попытка и сдѣлана авторомъ, докладчикъ поставилъ своей задачей провѣрить существующія въ наукѣ мнѣнія о происхожденіи и развитіи поэзіи, о личномъ и коллективномъ творчествѣ, о заимствованіяхъ наблюденіями надъ современнымъ народно-поэтическимъ творчествомъ южныхъ славянъ-поселенцевъ Крыма, между прочимъ потому, что къ такой именно работѣ приглашалась русская интеллигенція и этнографы еще VI-мъ археологическимъ съѣздомъ, бывшимъ въ Одессѣ.

Авторъ указываетъ на двѣ болгарскія пѣсни, въ которыхъ пѣніе еще не обособилось отъ мимики. Одна изъ этихъ пѣсенъ, наглядно подтверждающая существовавшій нѣкогда поэтическій синкретизмъ, повѣтствуетъ о томъ, что снигирь засватался за бѣлолицую дѣвушку и пригласилъ въ качествѣ лицъ, участвующихъ въ свадебномъ ритуалѣ—филиновъ, воронъ, сорокъ, лисицу, волка и зайца. Отправившись за невѣстой, поѣзжане наткнулись на конскій пометъ, около котораго находилась позолоченная трапеза. Всѣ сѣли за столъ, но тутъ появился какой то „юралэшку-пепелэшку“ съ золотою палицею въ 300 пудовъ, ударилъ жениха и тотъ „потрясши землю, погрузился въ нее по поясъ. Филины подавали много мудрыхъ совѣтовъ, но вытащить снигиря никто не могъ. Въ это время появился неожи-

данно какой то добрый молодецъ, который и наказываетъ „юралэшку-пепелэшку". Любопытно, что вся пѣсня сопровождается мимикой, симулирующей невозможность вытащить несчастнаго жениха.

Затѣмъ докладчикъ изъ наблюденій надъ отношеніемъ населенія къ чистой лирикѣ и эпосу, дѣлаетъ заключеніе, что послѣдній раньше обособился въ самостоятельное цѣлое съ претензіей на общественное значеніе.

Относительно личнаго и коллективнаго творчества оказывается, что вдохновляется и поетъ одинъ человѣкъ, но даже въ самый моментъ творчества толпа вмѣшивается въ дѣло и ставитъ поэта въ извѣстныя границы. Наконецъ, прослѣдивъ за татарскимъ, русскимъ, греческимъ и болгарскимъ (другихъ болгаръ) вліяніемъ на колонію Кишлавъ въ Крыму, которая уже сто лѣтъ, какъ переселилась изъ Болгаріи и на которой уже есть уродливыя наслоенія солдатчины и города, авторъ считаетъ своимъ долгомъ спасать драгоцѣнныя крупинки сѣдой старины.

По поводу пѣсни о снигирѣ М. Г. Халанскій указалъ параллель въ сербской эпической пѣснѣ о соколѣ; М. С. Дриновъ, основываясь на томъ, что въ этой пѣснѣ принимаетъ участіе все село и сопровождаетъ ее играми и пр., предполагаетъ въ ней символическое значеніе (встрѣча весны); А. А. Кочубинскій напомнилъ параллель въ свадебной пѣснѣ Полабскихъ славянъ; Е. Ф. Карскій привелъ параллель изъ бѣлорусской пѣсни и предположилъ семейно-родовой ея характеръ.

---

2 час. дня.

Актовый залъ.

Секція I. Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель: Д. Я. Самоквасовъ.
Предсѣдатель секціи: Проф. Н. И. Веселовскій.
Секретари: В. М. Сысоевъ и А. А. Мироновъ.

Е. П. Трифильевъ. прочелъ рефератъ. **Археологическая экскурсія въ Купянскій уѣздъ Харьковской губерніи:**

Экскурсія докладчикомъ была произведена по р. Красной, одной изъ наиболѣе значительныхъ рѣкъ уѣзда. На основаніи матеріала, собраннаго Харьк. Предв. Комитетомъ имъ были намѣ-

чены 4 пункта по этой рѣкѣ, гдѣ нужно было произвести раскопки: слоб. Нижняя-Дуванка, Сватова-Лучка, Кабанье и хут. Мечетной, Кромѣ того, имъ было вскрыто 2 кургана съ каменной бабой на каждомъ близь сл. Торской того же уѣзда. Всего экскурсантомъ было вскрыто 32 кургана. Произведенныя раскопки кургановъ привели его къ убѣжденiю въ богатствѣ и разнообразiи этой части Харьк. губ. въ археологическомъ отношенiи. Имъ были найдены погребенiя каменнаго вѣка, Римской эпохи—II или III в. по Р. Х. и кочевническiя. Послѣднiя были встрѣчены въ двухъ пунктахъ: у сл. Сватовой-Лучки и, что особенно любопытно—у сл. Торской въ курганахъ подъ каменной бабой. Такимъ образомъ, послѣднiя раскопки бросаютъ яркiй лучъ свѣта въ ту темноту, которая до сихъ поръ окружала нашихъ степныхъ сфинксовъ каменныхъ бабъ.

Еще слѣдуетъ отмѣтить богатство и роскошь одного погребенiя, открытаго докладчикомъ, близъ сл. Сватовой-Лучки и относящагося ко II или III вѣку по Р. Х. При этомъ погребенiи были найдены прекрасной сохранности золотое ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней (альмандиновъ), усыпанныхъ жемчужинами, золотыя эмалированныя дробницы, золотыя браслеты и т. п. Въ курганѣ съ каменной бабой были найдены на костякѣ: серебрянный слегка витой шейкой обручь, большая янтарная буса (амулетъ), куски шелковой матерiи, золотые нашивки на одежду, части золотыхъ сосудовъ и т. п.

Х. И. Поповъ указалъ, что ему въ Донецкомъ округѣ (Донской обл.) пришлось видѣть одинъ курганъ въ 1900 г. около слободы Дехтевой; на курганѣ стояла каменная баба, но какъ оказалось по распросамъ, эта каменная баба была привезена сюда изъ совершенно другого мѣста.

Е. П. Трифильевъ подтверждаетъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо точно опредѣлить, дѣйствительно ли каменная баба всегда стояла на томъ или другомъ мѣстѣ; то же онъ дѣлалъ и при своихъ изслѣдованiяхъ.

Д. Я. Самоквасовъ предложилъ обратить вниманiе на свидѣтельство Аммiана Марцеллина, но Ю. А. Кулаковскiй, Н. И. Веселовскiй и другiе подтвердили заключенiе референта, что свидѣтельство Аммiана первоначально было неправильно истолковано, а потому для вопроса о каменныхъ бабахъ не имѣетъ никакой цѣнности.

Д. Я. Самоквасовъ обратилъ вниманiе референта на то, что онъ въ числѣ раскопанныхъ кургановъ съ каменными бабами не упомянулъ о Безсчастной могилѣ (Екатеринославской губ., на р. Конкѣ), имѣвшей тоже каменную бабу.

В. А. Городцовъ прочелъ докладъ „**Отчетъ по раскопкамъ въ Изюмскомъ уѣздѣ**“. Рефератъ г. Городцова является результатомъ, произведенныхъ имъ совмѣстно съ нѣсколькими другими лицами по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества раскопокъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ. Основною цѣлью раскопокъ было выяснить связь между курганными находками и каменными бабами, поставленными на вершинахъ кургановъ. Въ теченіе 4 мѣсяцевъ раскопано было 5 неолитическихъ стоянокъ, 107 кургановъ и пр.

Неолитическія стоянки аналогичны подобнымъ же стоянкамъ средней Россіи.

Курганы на берегахъ р. Донца многочисленны и расположены преимущественно ближе къ рѣкѣ. Ихъ три типа: 1) съ круглымъ основаніемъ (90%), 2) длинные (6%) и 3) полушарные съ вершиной надъ центромъ (4%). Вокругъ ихъ слѣды земляныхъ рвовъ. Во всѣхъ курганахъ обнаружено 299 погребеній, 264 изъ нихъ относятся къ бронзовому вѣку, прочіе къ эпохѣ сарматской и позднѣйшіе—къ VIII—XIV столѣтіямъ. Фактъ появленія четырехъ различныхъ способовъ погребеній, (относящіхся къ бронзовому вѣку)—референтъ объясняетъ смѣною обитавшихъ здѣсь нѣкогда народностей.

Наиболѣе древнимъ является способъ погребенія въ ямахъ, послѣдующіе: катакомбный, въ срубахъ и въ насыпяхъ.

Бронзовыя орудія попадаются во всѣхъ 4 типахъ погребеній, каменныя только въ первыхъ двухъ.

Основываясь на сдѣланныхъ имъ находкахъ, референтъ пытается прослѣдить исторію обитателей каменнаго и бронзоваго періода на рѣкѣ Донцѣ, въ предѣлахъ Изюмскаго уѣзда.

У людей, оставившихъ послѣ себя древнѣйшія погребенія въ ямахъ, главную роль играла женщина, старики отсутствуютъ, есть рабы, дѣти пользуются большимъ почетомъ. Это—эпоха переходная отъ матеріархата къ патріархату. Послѣдующій періодъ погребеній катакомбныхъ характеризуется уже значительно большимъ развитіемъ культуры, появляется земледѣліе; дерево начинаютъ обрабатывать орудіями уже безъ помощи огня, утверждается среди населенія рабство, вводится трупосожженіе, встрѣчается также людоѣдство. Этотъ періодъ уже—періодъ патріархата. Въ эпоху погребеній въ деревянныхъ срубахъ появляется плотничье искусство, нѣтъ уже слѣдовъ рабства, существуетъ обрядъ трупосожженія, люди живутъ большими обществами, въ довольствѣ, среди домашнихъ животныхъ преобладаетъ корова, человѣкъ этого періода ведетъ вообще жизнь степного номада.

Въ послѣднемъ періодѣ населеніе не насыпаетъ собственныхъ кургановъ, погребая мертвыхъ въ откосахъ прежнихъ насыпей. Человѣкъ этого періода небольшого роста, съ низкимъ лбомъ и сильно развитыми надбровными дугами, ему извѣстна трепанація черепа, орудія въ это время только—мѣдныя и бронзовыя, впервые въ этотъ періодъ человѣкъ начинаетъ заниматься охотою. Это періодъ деспотизма мужчины. Народности бронзоваго вѣка, по мнѣнію референта, проживавшіе здѣсь до вторженія греко-скиѳовъ—были „киммерійцы“

Весь періодъ ихъ жизни заключается между шестымъ и первымъ тысячелѣтіями до Р. Х.

Остальные курганы относятся къ тремъ періодамъ: греко-скиѳскому до II вѣка до Р. Х., Сарматскому, отъ II вѣка до Р. Х. до II столѣтія послѣ Р. Х. и поздѣйшему—VIII вѣкъ (половцы и тюрки); но несмотря на всѣ изысканія референта главная цѣль: выясненіе связи каменныхъ бабъ съ содержаніемъ курганныхъ погребеній—осталось не выясненною.

Д. Я. Самоквасовъ, указавъ на научную важность работъ В. А. Городцова, благодарилъ его за его труды отъ имени секціи.

Н. И. Веселовскій. **„Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на Сѣверномъ Кавказѣ“.**

Въ послѣдніе годы референтомъ было раскопано въ Кубанской области много кургановъ съ богатыми золотыми и другими вещами, время которыхъ и этническое происхожденіе до сихъ поръ еще не выяснено. Хотя подобныя вещи уже давно издавались, но никто не дѣлалъ серьезной попытки опредѣлить точно ихъ время.

Культура, найденная въ указанныхъ курганахъ, имѣетъ очень широкое распространеніе, такъ какъ даже на археолог. выставкѣ здѣсь есть коллекція (19 ящиковъ) Г. Р. Гугель, весьма богатая бусами, совершенно сходными съ бусами изъ Кубанскихъ кургановъ: янтарь, каменный уголь, смальта или египетская паста рѣшительно тѣ же самые. Раскопки Е. П. Трифильева и В. А. Городцова, въ предѣлахъ Харьковской губерніи, точно также даютъ аналогичный матеріалъ. Такіе же предметы идутъ и дальше на сѣверъ—въ Курскую губернію. Знаменитый Новочеркасскій кладъ въ Эрмитажѣ, вписанный у Делинаса, тождественъ съ нашими находками.

Такого рода предметы референтъ сталъ находить при раскопкахъ въ курганахъ Кубанской области уже съ 1895 г. Первоначальное предположеніе о томъ, что эти предметы слѣдуетъ относить къ II—III вв. по Р. Х., когда на сѣверномъ

Кавказѣ римское владычество получило наибольшее развитіе и римское вліяніе пустило глубокіе корни,—теперь можно высказать съ большей увѣренностью, такъ какъ раскопки послѣдняго времени дали много подтверждающихъ фактовъ.

Въ 1901 году референтъ открылъ обширное курганное кладбище на юртѣ станицъ Казанской и Тифлисской, на правомъ берегу рѣки Кубани, гдѣ было раскопано до 60 кургановъ. Хотя эти курганы, за небольшимъ исключеніемъ, оказались ограбленными уже въ древности, тѣмъ не менѣе и въ нихъ нерѣдко удавалось найти интересные предметы изъ числа или незамѣченнныхъ грабителями, или брошенныхъ ими. Обиліе предметовъ обнаруживаетъ могучую культуру, не совсѣмъ самостоятельную, но блестящую даже въ прямомъ смыслѣ, вслѣдствіе обилія золота.

Въ текущемъ году было раскопано 35 кургановъ въ юртѣ станицъ Тифлисской, Ладожской и Усть-Лабинской и 9 кургановъ подъ Армавиромъ, но тамъ же еще не раскопано болѣе 300 кургановъ.

Курганы даютъ два типа могильной камеры: 1) катакомба имѣетъ входъ, закрытый стѣнкой изъ сырца, къ катакомбѣ ведетъ колодезь съ покатымъ спускомъ или ступеньками, и 2) катакомба простѣйшаго типа, соединяющаяся съ колодцемъ непосредственно.

Въ этихъ камерахъ находили большое количество *золотыхъ*, мелкихъ тисненыхъ *бляшекъ*, разсыпанныхъ по всему дну могилы. Находка въ гробницѣ Геймановскаго поселка показываетъ, что эти бляшки нашивались на погребальное покрывало: здѣсь покойникъ былъ покрытъ чѣмъ-то вродѣ войлока, на которомъ у головы было нашито 11 зол. бляшекъ и въ ногахъ 10. Возможно, впрочемъ, что бляшки нашивались и на одежду. Въ одномъ случаѣ можно предполагать, что онѣ даже и не нашивались, а были просто брошены въ могилу.

Необыкновенно значительно и количество *сосудовъ* разнаго рода: серебряныхъ, мѣдныхъ (иногда вызолоченныхъ), стеклянныхъ, глиняныхъ, изъ слоновой кости, изъ алебастра. Глиняные сосуды очень разнообразны: патеры, амфоры, баранъ, утка, цилиндръ.

Желѣзное оружіе представляютъ: кинжалы, довольно длинные; короткіе мечи; наконечники для стрѣлъ (трехгранные со втулкой); ножи.

Въ дѣтскихъ могилахъ были находимы альчики.

Находили также кольчатые *панцыри*, иногда съ украшеніями изъ бронзовыхъ чешуекъ или золотой накладки.

Одинъ разъ даже найденъ серебряный наборъ пояса римскаго воина.

Найдено много лампочекъ, канделябръ, ставившихся въ головахъ, терракотовыя статуетки, замки отъ шкатулокъ. Ручки мѣдныхъ сосудовъ—помпейскаго типа.

Замѣчательно, что серегъ не находили вовсе.

Первое впечатлѣніе остается, что это вещи греческаго издѣлія; но при ближайшемъ ознакомленіи приходится признать, что техника значительно ниже греческой: золотыя тисненыя бляшки уже измельчали, сдѣлались вычурными (кружки, трехугольники, полумѣсяцы, зигзаги, пирамидки и т. д.). Кромѣ того, появляется вставка изъ стекла, изъ камней, смальты, сдѣланныя и тамъ, гдѣ нужно (глаза), и тамъ, гдѣ не нужно (мускулы). Лампы и канделябры помпейскаго типа, фибулы—римскія, мѣдныя. Имѣя въ виду эти особенности, а также то, что въ Курской губерніи подобныя вещи были найдены съ индикаціей Гадріана, нужно отнести ихъ къ II—III вв. по Р. Х., къ римской эпохѣ, даже къ самимъ римлянамъ.

Птоломей упоминаетъ о городахъ Corusia и Ebriapa на среднемъ теченіи рѣки Кубани; второй городъ именно расположенъ въ той мѣстности, гдѣ были раскопаны курганы. Курганы съ описанной культурой расположены только по рѣкѣ Кубани; отойдя верстъ 5 отъ Кубани, имѣемъ курганы уже другого типа.

Что касается эпохи этой культуры, то она, несомнѣнно II—III вв. по Р. Х., вопросъ же о народности слѣдуетъ считать открытымъ.

Кромѣ кургановъ, въ окрестностяхъ ст. Казанской есть остатки древняго города, который можно отождествить съ Ebriapa Птоломея.

Д. Я. Самоквасовъ указываетъ на цѣнность раскопокъ и высказываетъ пожеланіе, чтобы раскопки были продолжены.

В. М. Сысоевъ сообщаетъ, что Птоломей имѣетъ очень неточныя свѣдѣнія о данныхъ мѣстахъ; а также высказываетъ мысль, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ культурой готовъ.

Л. М. Савеловъ прочелъ рефератъ „**Коротоякскій уѣздъ (Воронежской губ.) въ археологическомъ отношеніи**“, въ которомъ подробно указалъ расположеніе въ уѣздѣ кургановъ, городищъ, майдановъ и археологическихъ находокъ. Большинство кургановъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ расположены на высокихъ мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ и большихъ логовъ. Болѣе другихъ мѣстностей интересны: село Боршево, бывшій Боршевскій монастырь, около котораго имѣется 86 кургановъ и находятъ

кости и различныя предметы и с. Старая—Хворостань, около котораго разбросано также большое количество кургановъ и также были находимы старинные предметы.

Изъ логовъ болѣе другихъ обращаетъ на себя вниманіе „Капустный“, бывшая рѣчка Капустная, около набережной были найдены нѣсколько предметовъ древняго вооруженія и тутъ же расположенъ самый большой въ уѣздѣ курганъ, занимающій пространство въ 3 десятины.

Всего на карту, которая была представлена референтомъ, занесено 622 кургана, 12 городищъ и 3 майдана; кромѣ карты, сдѣланы снимки съ нѣкоторыхъ мѣстностей, кургановъ и находокъ.

Чтеніе было иллюстрировано многочисленными фотографіями и картой, на которой были нанесены древности. За составленіе этой карты Д. Я. Самоквасовъ выразилъ благодарность докладчику.

---

23 Августа.

В ъ 2 ч а с а д н я.

Аудиторія № 6.

Секція II: Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель: проф. В. Н. Мочульскій.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.
Секретари: В. В. Каллашъ и А. В. Ветуховъ.

Въ началѣ засѣданія проф. В. Н. М о ч у л ь с к і й произнесъ краткую вступительную рѣчь слѣдующаго содержанія.

Если бы я началъ свое слово шаблоннымъ пріемомъ—выраженіемъ благодарности за оказанную мнѣ честь, то вы, пожалуй, заподозрили-бы мою искренность и во всемъ томъ, что я хочу сказать дальше. Помимо почетнаго избранія, я имѣю много причинъ и поводовъ благодарить Харьковскій Университетъ. Я получилъ въ Харьковскомъ Университетѣ, такъ сказать, духовное крещеніе. Я связанъ съ Харьковскимъ Универ-

ситетомъ нравственными узами. Нерѣдко нашего брата—ученаго—мѣряютъ тѣмъ, изъ какой школы онъ вышелъ. Не отрицая значенія школы, какъ извѣстной выученности, извѣстной муштры, я долженъ сказать, что какъ-бы ни была блестяща школа, она не дастъ благотворныхъ результатовъ, если у самихъ дѣятелей ея нѣтъ искренности, нѣтъ беззавѣтнаго стремленія къ правдѣ—не только научной, но и нравственно-общественной. Въ Харьковскомъ Университетѣ имѣются въ изобиліи всякіе образцы, достойные подражанія. Здѣсь были и есть истинные ученые, прошедшіе строгую школу и создавшіе свою; здѣсь много даровитыхъ дѣятелей, но всѣхъ ихъ соединяетъ идея общественной пользы. Этимъ и объясняются тѣ колоссальные труды и блестящіе результаты, какіе мы видимъ на Харьковскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. Здѣсь горитъ огонь правды, и изъ этого свѣтильника кое-что заимствовалъ и я. Позвольте-же выразить Харьковскому Университету мою глубокую благодарность за то нравственное вліяніе, какое онъ на меня оказалъ, за все доброе и прекрасное, что онъ показалъ намъ на своихъ выставкахъ и, наконецъ,—за ту высокую честь, какую онъ оказалъ мнѣ избраніемъ въ почетные предсѣдатели. Но я былъ-бы неискрененъ, если-бы я закончилъ свое слово одною лишь благодарностью. XII Археологическій Съѣздъ намъ воочію показалъ, что центръ малорусскихъ интересовъ нѣсколько передвинулся и въ настоящее время сосредоточивается здѣсь въ Харьковскомъ Округѣ. Здѣсь бьется живой нервъ малорусскаой жизни, здѣсь много оказалось дѣятелей, проникнутыхъ народными интересами. Между тѣмъ старина пропадаетъ, а памятники исчезаютъ. Кромѣ того, мы не имѣемъ такого собранія малорусскихъ пѣсенъ, какое сдѣлано для пѣсенъ великорусскихъ академикомъ А. И. Соболевскимъ. Мы не имѣемъ полнаго и хорошаго малорусскаго словаря.

Позвольте-же пожелать, чтобы Харьковскій Университетъ и въ данномъ случаѣ взялъ на себя иниціативу по части собиранія и изданія всѣхъ пѣсенъ малорусскаго народа и всѣхъ сокровищъ народнаго духа. Этимъ пожеланіемъ я и заканчиваю свое слово.

Затѣмъ А. П. Покровскій прочелъ свой докладъ „**О золотарствѣ въ Харьковской губерніи**“, перенесенный на это засѣданіе съ предшествующаго, за позднимъ временемъ.

По порученію предварительнаго комитета XII археологическаго съѣзда докладчикъ А. М. Копровъ совершилъ нѣсколько экскурсій совмѣстно съ А. П. Крыловымъ и самостоятельно.

Особое вниманіе референтъ обратилъ на кустарные промысли. Въ Верхнемъ-Салтовѣ референтъ нашелъ кустарное производство серебряныхъ вещей.

Прежнія излюбленныя украшенія—золотые дукаты—теперь выходятъ изъ употребленія, замѣняются серебряными золочеными рублями и даже мѣдными пятаками. Производство серебряныхъ и мѣдныхъ вещей производится или отливаніемъ въ формы или штампованіемъ. Отливаніе производится въ глиняныхъ формахъ, приготовленыхъ вдавливаніемъ готовыхъ предметовъ. Дальше, послѣ отливки, предметы разрѣзаются, очищаются, полируются и серебрятся или золотятся. Штампованіе производится на свинцовыхъ кружкахъ; штампы приготовляются самими кустарями. Отливаніе не даетъ вполнѣ законченныхъ предметовъ, требуется пропилить сильно выдающіяся части, какъ-то гнѣзда для камней.

Производство падаетъ благодаря тому, что болѣе дорогой матерьялъ замѣняется все болѣе дешевымъ, а, рядомъ съ этимъ, и сама работа получается хуже и менѣе изящной.

Въ обсужденіи доклада А. М. Покровскаго приняли участіе слѣдующія лица:

1) Г. Малинка спросилъ, какова оборотная сторона дукачей и другихъ золотарскихъ издѣлій. На это А. М. Покровскій отвѣтилъ, что она всегда гладкая.

2) В. И. Василенко считаетъ способъ выдѣлки и употребленіе формы болѣе грубымъ и первобытнымъ, чѣмъ техническіе пріемы Полтавскихъ гончарей, которые пользуются гипсовой формой, состоящей изъ нѣсколькихъ частей.

3) В. В. Ивановъ сдѣлалъ статистическое дополненіе къ докладу Покровскаго по неопубликованнымъ даннымъ Харьковскаго Статистическаго Комитета. Золотарскій промыселъ значительно распространенъ въ Харьковской губ. и не можетъ быть пріуроченъ къ одному Верхнему-Салтову.

4) Г. Твердохлѣбовъ указалъ на развитіе золотарскаго промысла въ Ахтыркѣ и Котельвѣ. Ахтырскіе золотари настолько искусны, что къ ихъ подѣлкамъ прибѣгаетъ даже мѣстная интеллигенція.

5) Г. Малинка отмѣтилъ выдѣлку дукатовъ въ Нѣжинѣ, нѣсколько иного типа; въ послѣднее время она сильно падаетъ.

6) П. Я. Литвинова замѣтила, что въ деревнѣ Дунаевкѣ, Глуховского уѣзда лѣтъ 15 назадъ была распространена отдѣлка „люлекъ“ серебромъ.

7) Проф. Е. В. Пѣтуховъ поставилъ вопросъ о томъ не было ли золотарскихъ школъ и откуда добывался матеріалъ для этого производства?

8) Ю. О. Стовикъ предложилъ вопросъ, какого происхожденія слово „дукачъ“.

9) В. В. Ивановъ отмѣтилъ кустарный характеръ золотарскаго производства.

Г. Малинка спросилъ: одно лицо или нѣсколько приготовляютъ всѣ предметы для производства?

В. В. Ивановъ сказалъ, что одно.

Проф. В. Н. Мочульскій указалъ на роль дукачей въ малорусской народной поэзіи и на возможность заимствованія самаго слова „дукачъ“ и обычая носить ихъ съ Востока.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ спросилъ докладчика, не связаны ли съ золотарскимъ промысломъ как. ниб. преданія, которыя указывали бы на измѣненія его, переносъ съ мѣста на мѣсто, на южно-русское или общерусское происхожденіе?

А. М. Покровскому такихъ преданій встрѣчать не приходилось.

В. И. Василенко прочелъ докладъ: **О ткачествѣ въ Полтавской губ. въ этнографическомъ отношеніи.**

Въ современномъ сельскомъ быту Полтавщины ткачество представляется наиболѣе распространеннымъ промысломъ. Значеніе его необыкновенно важно, судя по тому, что дляобезпеченія населенія разнаго рода бѣльемъ, суконною одеждою и друг. принадлежностями домоводства, необходимо ежегодно 60 мильоновъ аршинъ полотняныхъ и 10 мил. арш. шерстянныхъ тканей, такого рода и вида, какъ требуетъ народный вкусъ и вѣковые обычаи и привычка. Но при существующемъ оскудѣніе натуральнаго хозяйства, обусловливаемымъ естественнымъ приростомъ населенія и возростающимъ малоземельемъ, туземное ткачество обслуживаетъ существующую потребность далеко меньше, чѣмъ нужно и недостатокъ восполняется произведеніями фабрично-заводскими, въ видѣ дешевыхъ мануфактуръ. Главными потребителями мануфактуръ являются безземельные и малоземельные бѣдняки, не имѣющіе собственныхъ матеріаловъ для бѣлья и одежды, и съ другой стороны—болѣе зажиточная часть населенія усваиваетъ формы и обычаи горожанъ въ отношеніи бѣлья и одежды. Такимъ образомъ, туземное ткачество обречено на борьбу съ мануфактурой, при чрезвычайно низкомъ уровнѣ техническихъ знаній, а между тѣмъ нѣкоторые виды ручного ткачества еще долго могутъ существовать рука объ руку съ фабрикой. Отличительнымъ свойствомъ ручного ткачества слу-

жить безконечное разнообразіе въ комбинированіе узоровъ рушниковъ (полотенецъ). Эта индивидуализація издѣлій и можетъ служить крѣпкой позиціей въ борьбѣ за существаніе тѣхъ отраслей ткачества, которыя наиболѣе проявляютъ индивидуализмъ, бросающійся въ глаза при обозрѣніи многочисленныхъ образцовъ на этнографической выставкѣ.

Настолько же оригинальны и своеобразны традиціонныя народныя выставки, въ видѣ лиштвы, вырізування, занызування, мережки, отчасти воспроизводимыхъ въ узорахъ плахтъ и килимовъ. Вообще, народный орнаментъ заслуживаетъ систематическаго изученія спеціальными художниками и дальнѣйшей разработки въ народномъ духѣ и вкусѣ, понятно, въ облагороженномъ видѣ узоровъ. Для развитія народнаго вкуса и распространенія усовершенствованныхъ узоровъ, необходимо устройство ткацкихъ школъ съ преподаваніемъ техническаго рисованія и стилизаціи народнаго орнамента, а также изученіе иллюстрированныхъ альбомовъ съ улучшенными узорами полотенецъ, скатертей, килимовъ, коцей, ковровъ, плахтъ и т. п.

Въ обсужденіи доклада В. И. Василенко приняли участіе слѣдующія лица:

Г. Твердохлѣбовъ сдѣлалъ нѣсколько мелкихъ дополненій и поправокъ къ докладу, въ особенности возражая противъ мысли докладчика о связи между вымираньемъ ткачества и бѣдностью населенія. В. И. Василенко, ссылаясь на свои многолѣтнія и всестороннія этнографич. изслѣдованія Полтавск. губ., не нашелъ возможнымъ согласится съ этими возраженіями.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ, что, кромѣ отмѣченныхъ референтомъ 4 формъ плахтъ, ему приходилось встрѣчать еще другія, и что вообще объ нихъ стоило бы собрать подробныя свѣдѣнія. На это Г. Василенко сказалъ, что имъ собрано до 80 узоровъ плахтъ съ названіями.

В. В. Ивановъ вымираніе національныхъ костюмовъ обяснялъ ихъ дороговизной и дешевизной мануфактуръ. Г. Василенко указалъ, что собранныя имъ свѣдѣнія безусловно противорѣчатъ этому.

За позднимъ временемъ доклады В. А. Бабенка и И. А. [illegible]цкаго были отложены до слѣдующаго засѣданія.

ИЗВѢСТІЯ

XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 12. 15—27 Августа 1902 г. № 12.

23 августа (Пятница).

Аудиторія № 1.

8 час. вечера.

Секція VI: Древности письма и языка.

Почетный предсѣдатель: проф. А. И. Кирпичниковъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Е. Ѳ. Карскій.
Секретари: Н. К. Грунскій и А. П. Кадлубовскій.

Проф. Е. Ѳ. Карскій прочиталъ рефератъ: **„Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій“**.

Проф. Е. Ѳ. Карскій полагаетъ, что примѣты современныхъ русскихъ нарѣчій, не смотря подчасъ на новѣйшее ихъ происхожденіе, опираются въ своей основѣ на черты древнихъ русскихъ говоровъ, составлявшихъ одинъ изъ признаковъ, по которымъ, кромѣ особенностей чисто антропологическихъ и бытовыхъ, дѣлились древне-русскія племена. Установивъ границу между русскими нарѣчіями, мы въ большей или меньшей степени опредѣлимъ и племенной составъ той или другой этнографической группы. Болѣе существенными особенностями, по которымъ можно разграничить *великоруссовъ и бѣлоруссовъ*, являются, какъ исключительно бѣлорусскія черты: 1) *дз* и *ц* мягкіе вмѣсто великорусскихъ *д* и *т* мягкихъ; 2) появленіе *у* неслогового на мѣстѣ *у* безударнаго, предлога *въ* и *л* въ прошедшемъ времени; 3) удвоеніе согласныхъ передъ *і*; 4) слоги *ыі* (иногда *эі*) и *у* вмѣсто великорусскихъ *оі—еі*; 5) смѣненіе *р* твердаго и мягкаго; 6) появленіе чаще въ глаголахъ *дж* вмѣста *ж*; 7) смягченіе *г, к, х* въ склоненіи въ *з, ц, с*; 8) отсутствіе формъ именительнаго множ. числа на *а* у словъ мужес-

каго рода; 9) множ. число при числахъ 2, 3, 4 въ мужескомъ родѣ и возможность двойственнаго въ женскомъ и среднемъ; 10) возможность звательнаго падежа; 11) особый видъ повелительнаго со звукомъ *е* изъ средняго *ѣ*.—Основой для разграниченія *бѣлоруссовъ и малоруссовъ* служатъ неумягчительные (твердые) *е* и *и* у малороссовъ изъ основныхъ русскихъ *е*, *ь*, *и*, совершенно неизвѣстные бѣлоруссамъ (кромѣ нѣскольких отдѣльныхъ словъ); дзеканье у пограничныхъ малоруссовъ передъ *е* и *і* изъ древняго *ѣ*, а также передъ *ь*—признакъ не характерный; тоже слѣдуетъ сказать и относительно *р* твердаго—сѣверныхъ малоруссовъ; аканье въ пограничныхъ областяхъ—безусловно бѣлорусская примѣта. Граница между нарѣчіями *великорусскимъ и малорусскимъ* устанавливается довольно легко: южные великоруссы не знаютъ твердыхъ *е* и *и*, не имѣютъ *і* умягчительного на мѣсто ударяемаго *ѣ*, а также закрытыхъ *о* и *е* изъ основныхъ *о* и *е*, нѣтъ у нихъ и дифтонговъ на мѣстѣ тѣхъ же гласныхъ, не знаютъ они и удвоенія согласныхъ на мѣстѣ группы изъ согласнаго *і*. Съ другой стороны, великорусскому нарѣчію, пограничному съ малорусскимъ, свойственно окопье и разныя измѣненія безударныхъ гласныхъ. Примѣнительно къ указаннымъ примѣтамъ референтомъ сдѣлана попытка точно установить границы между тремя главными русскими нарѣчіями.

Проф. М. Е. Халанскій внесъ нѣкоторыя поправки въ сообщеніе референта о Курской губерніи, гдѣ малорусскія поселенія занимаютъ большее пространство до р. Сейма; на западѣ губерніи клиномъ входятъ бѣлорусскія поселенія до г. Путивля; правда, это бѣлоруссы не совсѣмъ чистые.

В. И. Василенко сообщилъ нѣтоторыя подробности о населеніи Полтавской губерніи, указавъ на 9 селъ великорусскихъ въ Константиногр. уѣздѣ, жители которыхъ усвоили малорусскія черты въ жизни и языкѣ; указалъ затѣмъ на заселеніе нѣкоторыхъ селъ въ Хорольскомъ уѣз. выходцами изъ Курской г.

Х. И. Поповъ указывалъ, что въ казачьемъ населеніи Донской области лишь оттѣнки малорусскаго говора до сего времени сохранились въ говорѣ бывшаго города Черкасска и четырехъ станицъ, лежащихъ ниже его по Дону и Донцу, въ станицѣ Луганской и нѣкоторыхъ другихъ. Сохранившими малороссійскую народность и говоръ являются бывшія помѣщичьи слободы, населенныя въ XVIII в. Эти поселенія разбросаны по всей области: на крайнемъ ея сѣверѣ (Хоперскій и Усть-Медвѣдицкій округъ), на западѣ (Донецкій округъ), на

юго-западѣ (Таганрогскій) и даже на юго востокѣ (1-й Донской и Сальскій округи), менѣе на востокѣ (2-й Донской округъ).

Проф. А. А. Кочубинскій: 1) обращалъ вниманіе на отсутствіе въ рефератѣ историческихъ данныхъ о распредѣленіи русскихъ нарѣчій, 2) возражалъ противъ необходимости проведенія рѣзкой демаркаціонной линіи между нарѣчіями и говорилъ о необходимости признанія пограничной полосы, гдѣ смѣшиваются элементы сосѣдящихъ говоровъ.

Референтъ отвѣчалъ, что: 1) его задачею было именно опредѣленіе современныхъ границъ, какъ матеріала для составленія лингвистической карты; 2) онъ, заботясь объ удобствѣ классификаціи, старается установить немногіе основные принципы, по которымъ, при несомнѣнной смѣшанности говоровъ въ пограничныхъ областяхъ, можно было бы проводить такую классификацію.

Противъ проведенія рѣзкихъ демаркаціонныхъ линій высказывался и проф. В. Н. Мочульскій, указывавшій, что въ пограничныхъ областяхъ наблюдаются колебанія въ сторону преобладанія то одного, то другого говора или народности, происходящія отъ различныхъ между прочимъ соціальныхъ причинъ, борьба между сосѣдними народностями. Эта нейтральная полоса будетъ уже на границѣ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ и шире на границѣ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ.

Проф. М. Е. Халанскій указывалъ, что, по его наблюденіямъ въ Курской губерніи представители различныхъ русскихъ народностей сохраняютъ особенности своихъ говоровъ, даже живя на близкомъ разстояніи, такъ что здѣсь демаркаціонная линія ясна.

Проф. М. С. Дриновъ высказывалъ пожеланія, чтобы были изслѣдованы вопросы объ отношеніи бѣлорусскаго нарѣчія къ польскому.

Референтъ сообщилъ, что онъ уже работаетъ надъ этимъ вопросомъ.

Ю. И. Тиховскій, прочиталъ рефератъ: **Малорусскія и западно-русскія Учительныя Евангелія XVI—XVII вѣковъ, и ихъ мѣсто среди южно-русскихъ и западно русскихъ переводовъ Священнаго Писанія.**

Тезисы:

1. Учительнымъ Евангеліямъ принадлежитъ первое мѣсто среди малорусскихъ и западно-русскихъ переводовъ Священнаго Писанія XVI—XVII вв.

2. Рукописей малорусскихъ переводовъ и передѣлокъ Учительнаго Евангелія сохранилось очень много. (Было и два печатныхъ изданія).

3. Обнимаютъ они періодъ времени почти въ три вѣка (со втор. $^1/_2$ XVI до $^1/_2$ XVII) и происходятъ изъ различныхъ мѣстностей Южной и отчасти Западной Руси.

4. Были несомнѣнно въ употребленіи и притомъ церковномъ; не только предназначались для народа, но и несомнѣнно доходили до послѣдняго.

5. Сохранившіяся рукописи (и печатныя изданія)—по тексту представляютъ не простыя копіи, а все новыя и новыя передѣлки и переводы. Онѣ могутъ дать такимъ образомъ богатый матеріалъ для исторіи литературы и для исторіи малорусскаго языка.

6. Время наибольшаго и повсемѣстнаго распространенія ихъ $^3/_4$ XVI—$^3/_4$ XVII в.в.

7. Причины уменьшенія числа Учительныхъ Евангелій, а въ иныхъ мѣстахъ и полнаго исчезновенія ихъ въ посл. $^1/_4$ XVI—XVII в.—были измѣнившіеся литератуные вкусы и неблагопріятныя для ихъ появленія условія общественой и культурной жизни въ Южной и Заподной Руси.

8. Нравственный долгъ потомковъ и науки возможно скорѣе издать тексты этого малорусскаго Евангелія—апракоса $^1/_2$ XVI—$^1/_2$ XVII вѣковъ.

Проф. М. С. Дриновъ высказывалъ мнѣніе о необходидимости при изслѣдованіи Учительнаго Евангелія сравнить ихъ съ юго-славянскими текстами этого памятника.

Проф. А. И. Кирпичниковъ указывалъ на то, что пересказы на народный языкъ и толкованія встрѣчаются и въ области апокрифическихъ Евангелій и признавалъ желательнымъ, чтобы было обращено вниманіе и на эти памятники.

Г. Лопатинскій прочелъ докладъ: **Нѣкоторые суффиксы русскаго языка, образовавшіеся подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ.**

Референтъ въ своемъ докладѣ коснулся трехъ суффиксовъ: *ск,—ко* и—*чи*. Первый изъ нихъ образовался подъ вліяніемъ одного изъ нарѣчій грузинскаго языка—мингрельскаго, второй—подъ вліяніемъ языка адыгскаго или черкесскаго, а третій—аварскаго. Референтъ того мнѣнія, что эти суффиксы были заимствованы какъ слова самостоятельныя и потомъ только были низведены до роли второстепенныхъ частей слова. Суфф.—*ск.* существуетъ въ мингрельскомъ языкѣ, и какъ слово самостоятельное *скуа* и означаетъ *сынъ*, но оно употребляется также и какъ составная часть сложнаго слова для означенія происхож-

денія; напр., мингрельское *Иліашкуа*—русское *Ильинскій*. Суфф.—*ко* въ черкесскомъ языкѣ употребляется какъ слово самостоятельное и означаетъ тоже *сынъ,* но употребляется также какъ составная часть сложнаго слова для обозначенія происхожденія фамильныхъ именъ: напр. черкесское *Бадыноко*—малорусское *Петренко.* Суфф. *чи* въ аварскомъ языкѣ означаетъ, какъ слово самостоятельное, *человѣкъ*, но употребляется также какъ составная часть сложнаго слова; напр., аварское *дугачи*—богомолецъ и русское *стряп—чій.* Суффиксы эти перешли къ арійскимъ народамъ и, между прочимъ, къ русскимъ еще въ то время, когда эти народы жили по сосѣдству и находились въ постоянныхъ историческихъ сношеніяхъ.

Рефератъ вызвалъ возраженія со стороны проф. Е. Ѳ. Карскаго и М. С. Дринова. Проф. Карскій отнесся съ сомнѣніемъ къ сопоставленію суффиксовъ рус. *ич*, польс *ic* съ указаыв. референтомъ кавказскимъ. Проф. Дриновъ видѣть предпочелъ въ суф. *чи* тюрко-татарское происхожденіе

А. П. Кадлубовскій прочелъ рефератъ: **О старопечатныхъ южно-русскихъ тріодяхъ.**

Референтъ указалъ, что богослужебныя старопечатныя книги, вышедшія изъ южно-русскихъ типографій, представляютъ иной типъ, сравнительно съ книгами сѣверно-русскими, типъ которыхъ съ начала XVIII в. дѣлается господствующимъ. Различіе это, еще не вполнѣ выясненное, особенно значительно въ Требникахъ и Тріодяхъ. Остановившись на послѣднихъ, референтъ отмѣтилъ ихъ особенности въ расположеніи матеріала, въ составѣ церковныхъ чиновъ, въ текстѣ и въ языкѣ или, точнѣе, въ графикѣ. Референтъ ставилъ вопросъ о детальномъ изученіи этихъ особенностей путемъ сличенія ихъ съ печатными и рукописными книгами славянскими и греческими, но находилъ возможнымъ во всякомъ случаѣ возвести нѣкоторыя изъ нихъ къ древности, въ виду аналогіи ихъ съ данными, встрѣчающимися въ древнихъ рукописяхъ (XII—XIV в.). Референтъ закончилъ свой докладъ пожеланіемъ, чтобы издавались подробныя описанія стар. книгъ. Присоединяясь вполнѣ къ этому пожеланію, гр. П. А. Уварова выразила надежду, что рефераты гг. Тиховскаго и Кадлубовскаго будутъ подробно разработаны и войдутъ въ составъ трудовъ съѣзда. Наблюденія референта надъ языкомъ памятника вызвали замѣчанія со стороны проф. Е. Ѳ. Карскаго и М. С. Дринова, указавшихъ на вліяніе юго-славянское.

8 час. вечера.

Актовый залъ.

Параллельное засѣданіе.

Секція IV: Бытъ домашній, хозяйственный, общественный, гражданскій и военный.

Почетный предсѣдатель: А. Я. Ефименко.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Д. И. Багалѣй.
Секретари: В. И. Савва и Е. П. Трифильевъ.

Проф. Д. И. Багалѣй отмѣтилъ, что А. Я. Ефименко является большимъ и глубокимъ знатокомъ исторіи отчаст и юриспруденціи, сопредѣльной съ исторіей. А. Я. Ефименко стяжала себѣ почетную извѣстность въ наукѣ изслѣдованіями въ области русской народной жизни. Ея изысканіе, посвященное крестьянскому землевладѣнію на сѣверѣ Россіи и написанное на основаніи актовъ, представляется капитальнымъ вкладомъ въ науку исторіи русскаго права. Кромѣ того, А. Я. Ефименко сдѣлала рядъ докладовъ на Виленскомъ и Рижскомъ Археологическихъ съѣздахъ, оцѣненныхъ присутствующими и отличающихся тщательнымъ подборомъ матеріала, оригинальностью взглядовъ и глубиною анализа.

А. Я. Ефименко отвѣтила, что она честь избранія ея почетнымъ предсѣдателемъ IV отдѣленія приписываетъ не своему скромному и случайному участію въ трудахъ Археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ, но участію въ трудахъ этого съѣзда женщинъ. Говоря о такихъ женщинахъ А. Я. Ефименко имѣетъ ввиду не графиню П. С. Уварову, которая является душою и нервомъ Археологическихъ съѣздовъ, но г-жу Радакову, которой съѣздъ обязанъ устройствомъ этнографической выставки, Е. М. Антоновичъ (Мельникъ), которая посвятила себя изслѣдованіямъ въ области первобытной археологіи и другихъ женщинъ, потрудившихся надъ устройствомъ Археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

А. С. Лебедевымъ прочтенъ докладъ: „**Епископская дѣятельность Самуила Миславскаго въ Бѣлгородской епархіи**". (1768—1771 г.) Референтъ приготовилъ къ XII Археологическому съѣзду работу: „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности". Дѣятельность этихъ іерарховъ протекала въ епархіи, которая заключалась въ предѣлахъ почти

всей нынѣшней Харьковской губерніи и значительной части Курской. Епархія эта учреждена была въ 1667 г. по постановленію Большого Московскаго Собора въ видахъ болѣе успѣшнаго епископскаго надзора за окраинами Россіи, зависѣвшими ранѣе по духовному управленію частью отъ Москвы, частью отъ Кіева. Въ 1799 г. Бѣлгородская Апархія была раздѣлена на двѣ: Слободско-Украинскую (потомъ переименованую въ Харьковскую) и Курскую или Курско-Бѣлгородскую. Жизнь и дѣятельность Бѣлгородскихъ архіереевъ въ церковно-исторической литературѣ мало обслѣдованы. Сравнительно обстоятельныя свѣдѣнія имѣются лишь о двухъ іерархахъ: Іоасафѣ Горленко и Ѳеоктистѣ Мочульскомъ; объ остальныхъ свѣдѣнія весьма кратки.

Въ своей работѣ референтъ старался выполнить отмѣченный пробѣлъ, пользуясь матеріаломъ, извлеченнымъ изъ архивовъ Курской и Харьковской духовныхъ консисторій, Курскаго Знаменскаго монастыря, Харьковскаго коллегіума и другихъ. Хотя собранныя референтомъ свѣдѣнія о Бѣлогородскихъ архіереяхъ не достигаютъ достаточной полноты, однако онѣ представляются нелишенными значенія, какъ для характеристики самихъ архіереевъ, такъ еще болѣе, для освѣщенія той жизни которая ихъ окружала и съ которой они соприкасались. Этотъ бытовой интересъ референтъ ставитъ центромъ тяжести своей работы. Для ознакомленія съ своею работою референтъ ограничился въ своемъ докладѣ извлеченіемъ одного іерарха изъ ряда епископовъ, о которыхъ говоритъ въ своемъ трудѣ—Самуила Миславскаго,

Самуилъ Миславскій, сынъ священника Глуховскаго полка села Полошекъ, родился въ 1731 г. По достиженіи 11-ти-лѣтняго возраста онъ былъ отданъ въ Кіевскую академію, гдѣ прекрасно изучилъ языки: латинскій, польскій, французскій, нѣмецкій и греческій. По окончаніи академіи, Самуилъ (въ міру Семеонъ) былъ оставленъ преподавателемъ академіи, гдѣ преподавалъ разные предметы и впослѣдствіи назначенъ былъ ректоромъ ея. Въ этой должности Самуилъ по порученію Кіевскаго митрополита, въ качествѣ представителя ея, два раза ѣздилъ въ Петербургъ, первый разъ—для поздравленія императора Петра III съ восшествіемъ на престолъ, второй—для принесенія поздравленій новой императрицѣ—Екатеринѣ II. Своею поздравителъною рѣчью Самуилъ произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе на императрицу. Въ 1768 г. по повелѣнію императрицы, Самуилъ вызванъ былъ въ Святѣйшій Сѵнодъ „на чреду“ и въ томъ же году рукоположенъ въ епископа на Бѣлгородскую ка-

ѳедру. Просвѣтительное значеніе епископскаго служенія Самуила весьма важно. Онъ много заботился о духовныхъ школахъ и Харьковскомъ Коллегіумѣ. Памятникомъ плодотворной заботливости Самуила о подъемѣ образовательнаго значенія Коллегіума служитъ, между прочимъ, иеструкція ректору Коллегіума, какъ и чему учить воспитанниковъ. Инструкція эта весьма обстоятельна и свидѣтельствуетъ объ особенномъ попеченіи іерарха о Коллегіумѣ: ею поднято было преподаваніе иностранныхъ языковъ, возвышено было значеніе русскаго языка, который въ то время былъ въ загонѣ. Диспуты въ Коллегіумѣ при Самуилѣ производились попеременно на русскомъ и латинскомъ языкахъ, но не только на латинскомъ языкѣ, какъ въ другихъ школахъ. Не забывалъ Самуилъ и хозяйственной части Коллегіума, для которой также много сдѣлалъ. Особенно заботился онъ о содержаніи бѣдныхъ учениковъ Коллегіума. Много заботъ понесъ іерархъ въ дѣлѣ открытія славяно-русскихъ школъ для дѣтей духовенства. Ко времени епископства Самуила въ Бѣлгородской епархіи, не смотря на продолжительное существованіе Харьковскаго коллегіума, среди духовенства этой епархіи было мало лицъ съ достаточнымъ образованіемъ, число окончившихъ Коллегіумъ было незначительно, да и тѣ мало заботились о паствѣ своей, поэтому Самуилъ строгими мѣрами побуждалъ духовенства къ исполненію его обязанностей. Не мало заботился онъ объ искорененіи „непотребныхъ вымысловъ“ при совершеніи священно-дѣйствій, напр.—посылки нѣкоторыми священниками женщинамъ родильницамъ молитвъ, начитанныхъ въ шапку. Архіерейская власть при преосвященномъ Самуилѣ по отношеніи къ духовенству расширилась. Подобно современнымъ ему іерархамъ, Самуилъ противопоставлялъ выборному началу въ духовенствѣ свой архипастырскій авторитетъ, но, возвышая свою архипастырскую власть надъ духовенствомъ, Самуилъ былъ всегда близокъ своимъ любвеобильнымъ сердцемъ къ нуждающимся въ средѣ духовенства.

Н. И. Троцкій отмѣтилъ глубокій интересъ доклада, характеризующій въ біографіи одного лица цѣлую эпоху.

Е. А. Альбовскій сдѣлалъ докладъ: **„Къ первоначальной исторіи города Харькова“.** Тамъ гдѣ нынѣ стоитъ городъ Харьковъ, почти два съ половиною вѣка тому назадъ возникъ маленькій казачій поселокъ Харьковскихъ черкасъ. Сюда бѣжали люди свободные, и потому край получилъ названіе Слободской Украйины. Партія черкасъ, поселившихся на мѣстѣ нынѣшняго Харькова, имѣвшая воинское устройство вслѣдствіе борьбы съ татарами обратилась за покровительствомъ въ Москву, и царь

Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ Харьковъ воеводу, который озаботился объ укрѣпленіи города, но встрѣтилъ въ этомъ противодѣйствіе со стороны черкасъ. Московское правительство ласкало ихъ, но имъ не довѣряло; во внутреннюю жизнь Харьковскихъ черкасъ правительство не вмѣшивалось, и власть воеводы надъ черкасами не была велика. Поселившись на мѣстѣ нынѣшняго Харькова, черкасы обратились къ занятію торговлею, и въ 1659 г. обратились къ царю съ челобитьемъ, прося разрѣшить устройство въ городѣ еженедѣльныхъ торговъ и ежегодной ярмарки въ день храмоваго праздника въ Успенскомъ соборѣ, построенномъ къ этому времени въ крѣпости. Царь Алексѣй Михайловичъ исполнилъ просьбу харьковцевъ и разрѣшилъ имъ въ томъ же 1659 г. еженедѣльные торги по четвергамъ и ярмарку въ Успеньевъ день. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь освободилъ харьковцевъ отъ платежа пошлинъ за товары и разрѣшилъ винокуреніе для себя, но не для торговли. Вообще царь Алексѣй Михайловичъ жаловалъ и ласкалъ черкасъ въ г. Харьковѣ: они имѣли казацкое самоуправленіе, свободу отъ податей и повинностей и т. д., чего не имѣли жившіе въ г. Харьковѣ великороссы. Въ 1657 г. въ Харьковѣ былъ выстроенъ въ крѣпости деревяный Успенскій соборъ, въ 25 саж. отъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится соборъ. Черкасы, бѣжавшіе изъ подъ власти польской, привезли съ собою церковную утварь, но она была бѣдная, вслѣдствіе чего воевода доносилъ царю, что черкасы молятся „бумажнымъ листамъ", не имѣя иконъ мѣстныхъ, что нѣтъ у черкасовъ Евангелія напрестольнаго, апостола и др. богослужебныхъ книгъ. Помимо воеводы, сами харьковцы обращались къ царю съ просьбою помочь имъ строить церкви и снабдить ихъ всѣмъ потребнымъ. Въ 1657 г. присланы были изъ Харькова къ царю два попа и одинъ дьяконъ бить челомъ о церковномъ строеніи. Изъ челобитья этихъ священнослужителей видно, что они не были приняты въ Москвѣ любезно: 4 недѣли ждали они аудіенціи у царя и впали въ бѣдность, не имѣя денегъ для пропитанія. Царь Алексѣй Михайловичъ, не оказавши въ этотъ разъ помощи харьковцамъ въ дѣлѣ строенія новыхъ храмовъ, выдалъ священникамъ, по ихъ челобитью, по одному рублю, а дьяконамъ—20 алтынъ.

В. П. Бузескулъ спросилъ референта, гдѣ найдены имъ документы, на основаніи которыхъ составленъ его докладъ. Референтъ отвѣтилъ, что документы имъ извлечены изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Д. П. Миллеръ остановился на томъ мѣстѣ довода, гдѣ говорится о свободѣ харьковцевъ отъ торговыхъ и промышлен-

ныхъ сборовъ и указалъ на хранящуюся въ Архивѣ Московскомъ Мин. Юстиціи книгу таможеннаго сбора по г. Харькову за 1662 г. изъ коей явствуетъ, что объ абсалютной свободѣ харьковцевъ отъ этихъ сборовъ не можетъ быть и рѣчи. Другимъ документомъ, указывающимъ на тоже, является хранящаяся въ томъ же архивѣ книга хлѣбнаго сбора по г. харькову за 90-е годы XVII ст., изъ нея видно, что Харьковцы облагались сборомъ натурой, который шелъ на содержаніе государевыхъ родныхъ людей и мѣстнаго духовенства „государева хлѣбное жалованье".

Д. И. Багалѣй отмѣтилъ, что докладъ Е. А. Альбовскаго заключаетъ въ себѣ новый и крайне любопытный матеріалъ, относящійся къ дѣятельности перваго харьковскаго воеводы Селифонтова, къ началу построенія харьковскихъ церквей и установленія харьковской Успенской ярмарки, имѣющей для Харькова культурное значеніе. Столкновеніе харьковскихъ черкасъ съ воеводою, по объясненію Д. И. Багалѣя, произошло не потому, что черкасы отказывались укрѣплять Харьковъ, но потому, что черкасы укрѣпляли городъ по казацкому фортификаціонному способу, а не по московскому.

Съ другой стороны, столкновеніе между воеводою и черкасами происходили потому, что воевода не мирился съ казацкимъ самоуправленіемъ. Что касается донесеній воеводы о неимѣніи церковныхъ утварей въ храмахъ черкасовъ харьковскихъ, то тутъ краски излишне сгущены. Пришедшіе изъ-за Днѣпра черкасы имѣли иконы, но это были, съ точки зрѣнія воеводы, бумажные листы; вслѣдствіе отличія московскихъ церковныхъ обрядовъ отъ черкаскихъ, воевода относился неблагосклонно къ послѣднимъ.

В. С. Иконниковъ указалъ референту, что аудіенціи у царя приходилось ждать обыкновенно не мало времени, и поэтому нельзя заключать о нелюбезности оказанной пріема царемъ харьковскимъ священнослужителямъ на томъ основаніи, что они нѣсколько недѣль прожили въ Москвѣ въ ожиданіи, когда царь допуститъ ихъ къ себѣ. Затѣмъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что дача у царя священникамъ по рублю не была малою, ибо рубль того времени въ много разъ былъ больше чѣмъ нынѣ.

Выставку посѣтили:

22 Августа Четвергъ.

1) 2602
2) 1598
3) 3459
7659

Кромѣ того:
Гимназистовъ 4-ой гимназіи. 43

Выставка закрыта въ 4 часа дня.

23 Августа Пятница.

1) 2721
2) 1022
3) 2004
5747

Кромѣ того:
Ученицъ гимназіи Оболенской . . 46
„ 1-ой женской гимназіи 102
„ прогимназіи Черняковской 48
Гимназистовъ 3-ей гимназіи . . . 22
218

Выставка была открыта съ 12 час.; закрыта въ 4 часа.

24 Августа Суббота.

1) 1875
2) 2166
3) 1701
5742

Кромѣ того:
Ученицъ гимназіи Драшковской . 39
„ „ Грегорцевичъ . 25
„ 2-й женской гимназіи . . 59
„ Вознесенской гимназіи . 50
Учениковъ Коммерч. училища . . 36
„ 8-го городского Тургеневскаго училища 120
Учениковъ 2-хъ классн. Дергачевскаго училища 25
Учениковъ 1-й школы Общ. Грам. . 27
425

Выставка была открыта съ 12—1 и съ 2—4 час.

ИЗВѢСТІЯ

XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ ХАРЬКОВѢ.

№ 13. 15—27 Августа 1902 г. **№ 13.**

24 Августа (суббота).

10 час. утра.

Аудиторія № 6.

Секція VIII. Славянскія древности.

Почетный предсѣдатель: Проф. А. А. Кочубинскій.
Предсѣдатель отдѣленія: Проф. М. С. Дриновъ.
Секретари: А. Е. Данилевичъ и А. А. Липовскій.

М. Г. Халанскій прочелъ докладъ **„Южно-Славянскія пѣсни о смерти Марка Кралевича“**. Докладчикъ представилъ обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ ему эпическихъ мотивовъ въ юго—славян. нар. поэзіи, пріуроченныхъ къ смерти Кралевича Марка, послѣдовавшей 10 окт. 1394 г. „на Ровинахъ“ въ Румыніи. Съ большой подробностью онъ остановился на трехъ мотивахъ: а) на мотивѣ былинъ о гибели богатырей, излагаемой южно-слав. пѣснями сходно съ рус. былинами. Эти сказанія, по мнѣнію докладчика, стоятъ въ тѣсной связи съ книжными повѣстями о паденіи Царьграда. Площадь передъ церковью св. Софіи, на которой палъ императоръ Константинъ, измѣнилась въ болгар. преданіяхъ, пріуроченныхъ къ эпохѣ паденія болгар. царства и къ городу Самокаву, въ поле Софійское, а въ русскихъ былинахъ—въ Софу, Салфу или Сафатъ рѣку.

ъ) Второй эпич. мотивъ, разсмотрѣнный докладчикомъ пріуроченъ къ Голешъ-Планинѣ и сходенъ съ малорус. думой о смерти Ѳед. Безроднаго и шотландскими пѣснями о воронахъ, изложенныхъ Пушкинымъ въ стихотвореніи „Воронъ“.

c) Третій мотивъ, особенно подробно разсмотрѣнный докладчикомъ—содержится въ пѣснѣ о смерти Марка на Урвинъ-планинѣ. Эта пѣсня близко сходна съ разсказомъ пѣсни о Роландѣ, о смерти Роланда. Сославшись на установленное тождество эпическаго стиха юго-славянъ съ эпическимъ стихомъ романскихъ народовъ, на отмѣченный фактъ распространенія поэтическихъ сюжетовъ съ романскаго запада на славянскомъ и греческомъ востокѣ и между прочимъ сюжетовъ Карлова и Роландова цикла и на движеніе профессіональныхъ пѣвцовъ романскихъ на Балканскій полуостровъ, особенно въ эпоху крестовыхъ походовъ, М. Г. Халанскій высказалъ предположеніе, что южно-славянская пѣсня о смерти Марка на Урвинъ-горѣ излагаетъ поэтическій сюжетъ западно-европейскаго романскаго эпоса, сюжетъ небольшой кантилены, которая предполагается соотвѣтствующимъ мѣстомъ пѣсни о Роландѣ. По мнѣнію докладчика, южно-славянскій эпосъ въ содержаніи и формѣ сохранилъ тотъ видъ простыхъ небольшихъ сравнительно пѣсенъ, которыя предполагаются такими большими поэмами, какъ Нибелунги, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ своеобразный т. е. поэтическій архивъ для исторіи западно-европейской поэзіи.

Л. Г. Лопатинскій указалъ на параллель къ пѣснѣ о смерти Марка Королевича въ одной черкесской пѣснѣ (Сборникъ матеріаловъ о Кавказѣ XII в.).

А. А. Кочубинскій сказалъ, что путемъ простого сближенія, безъ строгой установки промежуточныхъ звеньевъ, нельзя говорить о вліяніи. Съ этимъ вполнѣ согласился и М. Г. Халанскій.

М. С. Дриновъ указалъ на одно историческое свидѣтельство относительно пребыванія Марка въ адріанопольской тюрьмѣ и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ Урвинъ-планинѣ, которую нельзя смѣшивать съ Периномъ.

Н. С. Державинъ прочелъ рефератъ: **Этнографическія условія развитія болгарской колоніи въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.**

Поселившись въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 60-хъ годахъ XIX-го ст., болгары столкнулись здѣсь съ нѣмецкой и русской колоніей, которыя не замедлили оказать на болгарскую колонію свое воздѣйствіе. Вынужденное интересами сельско-хозяйственнаго развитія, общеніе болгарской колоніи съ нѣмецкой съ теченіемъ времени приняло характеръ безотчетнаго заимствованія болгарами внѣшней нѣмецкой культурности безъ сознательнаго и разумнаго отношенія къ ея частностямъ. Вліяніе русской мѣ-

щанской культуры неблагопріятно отразилось на народной нравственности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Нравственная распущенность молодежи, упадокъ народнаго творчества, исчезновеніе старыхъ понятій, обрядовъ и обычаевъ—вотъ результатъ всѣхъ культурныхъ взаимодѣйствій, въ какія вступила болгарская колонія на новыхъ мѣстахъ жительства въ Бердянскомъ уѣздѣ.

А. Ф. Музыченко указалъ, что паденіе народнаго болгарскаго творчества замѣчается главнымъ образомъ въ хороводныхъ пѣсняхъ.

Проф. Ясинскій сдѣлалъ указаніе на необходимость нѣкоторыхъ вычисленій относительно земельнаго владѣнія болгаръ Бердянскаго уѣзда.

Г. Василенко выразилъ сомнѣніе въ возможности объяснять паденіе болгарской колоніи одними матеріальными причинами.

Проф. М. С. Дриновъ выразилъ желаніе, чтобы тѣ памятники творчества болгаръ колонистовъ, которые сохранили чистоту языка, были бы собраны и изданы въ возможно скоромъ времени.

Проф. М. С. Дриновъ сдѣдалъ сообщеніе **объ одномъ рукописномъ сборникѣ церковныхъ чиноположеній XIV вѣка**, въ которомъ находится извѣстный Синодикъ царя Бориса, обнародованный недавно М. Г. Попруженкомъ. Докладчикъ различаетъ въ этомъ сборникѣ два сборника, отличающіеся одинъ отъ другого и почеркомъ и качествомъ бумаги и писаныхъ несомнѣнно въ разное время. Часть, содержащая синодикъ, писана несомнѣнно позже, такъ какъ въ ней провозлашается вѣчная память царю Іоанну Шишману и патріарху Евфимію, которымъ въ другой части поется многія лѣта.

---

24 Августа (Суббота)

10½ часовъ утра.

Актовый залъ.

Секція I. Первобытныя древности.

Почетный предсѣдатель: Проф. В. З. Завитневичъ.
Предсѣдатель секціи: Проф. Н. И. Веселовскій.
Секретари: В. М. Сысоевъ и Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

Е. Н. Мельникъ прочла докладъ: **Археологическія раскопки въ Ахтырскомъ и Купянскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи.**

По порученію Предварительнаго Комитета въ 1900—1901 гг. были произведены раскопки въ уѣздахъ: Купянскомъ и на границахъ Ахтырскаго и Богодуховскаго, въ бассейнѣ рѣкъ Оскола и Ворсклы, при содѣйствіи Е. П. Трифильева и В. Е. Данилевича. Всего было раскопано 73 кургана, Д. И. Багалѣемъ раскопано 15 кургановъ, всего было изслѣдовано 8 могильниковъ.

Эти могильники можно отнести: 1) къ погребеніямъ каменнаго вѣка съ трупосожженіемъ, 2) къ погребеніямъ съ окрашенными костями въ скорченномъ положеніи и 3) къ погребеніямъ славянскаго типа.

Ко второму типу относятся могильники у села Кириковки (18 кург.) на р. Ворсклѣ и у г. Купянска и с. Воронцовки, по Осколу (16 кург.). Курганы перваго района—широкія, пологія, округленныя насыпи. Въ нихъ было найдено: единичныхъ погребеній—7 и коллективныхъ—11.

Погребенія устраивались въ четырехугольныхъ ямахъ (0,80—3 метра длиною, 0,40—2 метра шириною и 0,40—1,50 метр. высотою). Могилъ съ присутствіемъ деревяной кладки было до 30, съ слабыми признаками дерева—15. Почти вездѣ найдена была березовая кора, въ видѣ подстилки или обкладки скелета и т. п. Окраска скелетовъ явленіе обычное. Камен-

ныя орудія встрѣчены въ 10 случаяхъ, на ряду съ большимъ количествомъ бронзы. Положеніе скелетовъ было двоякое или скорченное (31) или протянутое (11).

Сосудовъ было найдено много съ богатымъ и характернымъ орнаментомъ, въ видѣ клѣтокъ, полосъ, крестовъ, свастики и т. п. Изъ предметовъ было найдено: золото—5 случаевъ, бронза—92, желѣзо 42, кость—2, камень—3, стекло—12 и хрусталь—1.

Въ данныхъ погребеніяхъ мы имѣемъ кладбище осѣдлаго племени. Хотя курганы съ окрашенными костями въ скорченномъ положеніи обыкновенно относятся къ концу каменнаго вѣка, но здѣсь можно констатировать значительное вліяніе неоскиѳской культуры.

Тотъ же характеръ погребеній въ скорченномъ положеніи съ окраскою трупа представляютъ могильники купянскаго района по Осколу.

Раскопки были произведены также близъ с. Ницахи, на берегу Ворсклицы, притока рѣки Ворсклы, гдѣ было найдено городище славянскаго великокняжескаго типа и могильникъ въ нѣсколько сотъ кургановъ, изъ которыхъ было раскопано 40, на половину съ единичными, на половину съ коллективными погребеніями.

Здѣсь были курганы куполообразные, съ канавкою, размѣромъ 0,50—2 метра. Погребенія по преимуществу на подпочвѣ и въ ней. Въ 26 случаяхъ были найдены гробы, въ остальныхъ—почти вездѣ слѣды дерева. Гвоздей желѣзныхъ нѣтъ совершенно. Въ немногихъ случаяхъ удалось найти березовую кору. Положеніе скелетовъ въ огромномъ большинствѣ—на спинѣ съ протянутыми ногами. Предметы, найденные при покойникахъ, обычные для могильнаго инвентаря славянскихъ погребеній южной Руси: бытовые предметы, многочисленныя мелкія женскія украшенія; много глиняныхъ сосудовъ.

Среди украшеній головного убора наиболѣе многочисленными являются височныя кольца изъ бронзовой и серебряной проволоки, найденныя при 20 скелетахъ въ весьма значительномъ количествѣ.

Насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ украшеніямъ, остаткамъ волосъ и кожи на черепахъ, женщины носили косы спущенными, украшая ихъ проволочными кольцами. Вокругъ головы отъ лба къ затылку, подвязывали пасмы шелковыхъ шнурковъ, въ которыя продѣвалось множество проволочныхъ колецъ; иногда шнурки замѣнялись низками бусъ съ металлическими привѣсками. Более богатыя носили прямо надъ челомъ серебряные вѣнчики, дальше на темени—шнурки.

Еще болѣе обычнымъ видомъ украшеній являются ожерелья изъ различныхъ бусъ, привѣски и медальоны, бронзовые браслеты.

Поясныхъ пряжекъ нѣтъ; предметы вооруженія чрезвычайно рѣдки и малочисленны.

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ кладбищемъ обширнаго и богатаго мирнаго селенія.

Ницахскій могильникъ можно считать подходящимъ по типу къ славянскимъ курганамъ средняго Приднѣпровья, но онъ имѣетъ и значительныя отличія. Это позволяетъ предполагать, что мы имѣемъ здѣсь какое-то славянское поселеніе, отрѣзанное въ довольно позднее время отъ непосредственнаго общенія съ родственными племенами Поднѣпровья, но открытое постороннимъ вліяніямъ на южной и восточной границахъ. Племя удержало многое изъ достоянія старой культуры, но продолжало развиваться все же подъ нѣкоторымъ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ. Въ покойникахъ ницахскаго могильника можно видѣть тѣхъ бродниковъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись: бродники удержались подъ напоромъ половцевъ, съумѣли съ ними ужиться и просуществовали до нашествія татаръ.

Къ сожалѣнію, монетъ и предметовъ, могущихъ точно опредѣлить время, не было найдено.

Послѣдующія раскопки, которыя необходимы, могутъ дать много очень интереснаго матеріала, который расширитъ наши познанія по вопросу о населеніи городища и кладбища при немъ.

Пр. Д. И. Багалѣй указалъ, что онъ вполнѣ солидаренъ съ заключеніями референта: 1) потому что, какъ показало подробное и точное изслѣдованіе проф. М. А. Попова (изслѣдованіе напечатано въ I т. трудовъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета), черепа Ницахскихъ кургановъ въ огромномъ большинствѣ долихоцефалическіе; 2) потому что близъ могильника находится городище, очевидно, по конфигураціи и признакамъ славянскаго типа. Связь между могильникомъ и городищемъ несомнѣнна: тѣ же обломки сосудовъ красноватой глины, которые референтъ находилъ въ курганахъ, ему удалось найти и на городищѣ. Раскопки могутъ вполнѣ выяснить эту связь. При этомъ высказалъ предположеніе, что городище надо отнести къ типу славянскихъ.

Ю. А. Кулаковскій обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что референтъ погребенія въ скорченномъ положеніи и съ поджатымы ногами относитъ не къ далекому каменному вѣку, какъ это принято. Въ своихъ раскопкахъ въ Крыму онъ находилъ скорченное положеніе и окрашенные костяки и относилъ свои

находки къ каменному вѣку: въ раскопкахъ Е. Н. Мельникъ имѣются типичныя черты погребеній каменнаго вѣка, но въ тѣхъ же самыхъ погребеніяхъ находятъ и скиѳскій мечъ, и греческія издѣлія. Это обстоятельство вызываетъ большое недоумѣніе.

Пр. А. И. Маркевичъ замѣтилъ, что и въ Херсонской губерніи этотъ типъ погребенія сходенъ съ крымскимъ.

Е. Н. Мельникъ сообщаетъ, что таковы результаты ея раскопокъ; тоже было и въ раскопкахъ В. А. Городцова. Раскопки должны сами за себя говорить. Возможно, что Крымскія погребенія болѣе чистыя, болѣе древнія, а наши—болѣе позднія, а потому и смѣшанныя.

В. Б. Антоновичъ признаетъ, что недоумѣніе, высказанное Ю. А. Кулаковскимъ, вполнѣ справедливо; но его возможно разъяснить, если признать, что каменный вѣкъ не могъ сразу смѣниться бронзовымъ. Бронзовые предметы стали появляться только постепенно. Теперешнія раскопки насъ поражаютъ и показываютъ, что прежняя классификація, относившая скорченное положеніе и окраску исключительно къ періоду каменному, теперь должна пошатнуться. Мы здѣсь имѣемъ погребеніе въ скорченномъ положеніи, но культура уже скиѳская. Интересный вопросъ о томъ, когда одна культура смѣнила другую, поясняется этими находками, такъ какъ здѣсь культура окрашенныхъ костяковъ видимо уже отживаетъ.

Д. Я. Самоквасовъ старается найти объясненіе эпохи первыхъ могильниковъ въ историческихъ свидѣтельствахъ, указывая на то, что въ VII в. по Р. Х. пришедшіе въ южную Россію скиѳы имѣли уже бронзовую культуру, а скиѳы вытѣснили отсюда киммерійцевъ, стоявшихъ на степени каменной культуры. Геродотъ говоритъ, что скиѳы истребили киммерійцевъ, но это не могло случиться: несомнѣнно, сохранились группы киммерійцевъ и подъ властью скиѳовъ. Поселившись въ южной Россіи, скиѳы сейчасъ же восприняли изъ греческихъ колоній желѣзную культуру. Это и есть тотъ моментъ, къ которому нужно отнести находки смѣшанныхъ культуръ: каменнаго вѣка—киммерійской, бронзоваго—скиѳской и желѣзнаго—вліянія греческихъ колоній. Мы находимъ цѣлыя кладбища съ такой смѣшанной культурой. Раскопки 1874 г., къ Кіевскому съѣзду, именно дали такое смѣшеніе: каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періода. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., около Рѣжановки были найдены золотыя вещи и Пантикапейская монета V в. и тутъ же были найдены, въ 20 курганахъ, погребенія съ каменными орудіями, бронзой и желѣзомъ.

Могильники, описанные референтомъ, именно стоятъ на этомъ рубежѣ эпохъ киммерійской и скиѳской.

Эпоху Донецкаго городища слѣдуетъ отнести къ X—XI в. и сопоставить его съ Суджанскимъ могильникомъ (Курской губ.) XI в.: тотъ же способъ погребенія на материкѣ, безъ гробовъ, вѣнчики, долиходефалическіе черепа и т. д. Но это не славяно-русская эпоха.

Ю. А. Кулаковскій дѣлаетъ оговорку, что онъ въ данномъ случаѣ совершенно не солидаренъ съ Д. Я. Самоквасовымъ, который съ такою опредѣленностью указываетъ предѣлы тѣхъ и другихъ историческихъ эпохъ. Указываетъ, что автономныхъ Пантикапейскихъ монетъ V в. до Р. Х. совершенно нѣтъ; признаетъ весьма желательнымъ, чтобы была установлена точная классификація эпохъ, но считаетъ это пока еще невозможнымъ, вслѣдствіе недостатка фактовъ.

Д. Я. Самоквасовъ указываетъ, что при опредѣленіи времени слѣдуетъ руководиться типами предметовъ: курганы напр., Куль-Обскій восходитъ къ IV—VI вв. до Р. Х., тоже и Александропольскій... Подробности не важны, а важенъ общій типъ. Въ данномъ же случаѣ важно установить фактъ находокъ одновременнаго смѣшенія 3 эпохъ.

Ю. А. Кулаковскій отмѣтилъ, что и онъ находилъ погребенія различныхъ эпохъ, но расположенныя по наслоеніямъ, а не одновременно.

Г-жа Скриленко указываетъ, что и въ коллекціи Зноско-Боровскаго въ Кіевѣ имѣется такое же смѣшеніе культуръ.

В. З. Завитневичъ, заключая пренія, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что много кургановъ и городищъ уже изслѣдовано, накопилась масса матеріала и были уже попытки классифицировать этотъ матеріалъ, но при этихъ попыткахъ пришлось натолкнуться на непреодолимыя затрудненія, которыя вполнѣ понятны, если обратить вниманіе на то, что югъ Россіи былъ съ давнихъ поръ переходнымъ трактомъ. Здѣсь безконечной вереницей двигались народы, начиная съ киммерійцевъ, скиѳовъ... и кончая татарами. Возможно-ли при этой массѣ народностей въ томъ или другомъ случаѣ опредѣленно высказаться, что вполнѣ ясенъ тотъ или другой этническій типъ погребенія и находокъ. Если гдѣ, то именно въ этомъ случаѣ археологія должна искать отвѣта на свои запросы въ самой себѣ. Пользоваться историческимъ матеріаломъ полезно, но мы должны здѣсь руководиться прежде всего археологическими данными. Пока мы не обладаемъ еще такимъ матеріаломъ, который позволялъ бы давать широкія обобщенія, отъ нихъ пока слѣдуетъ

отказаться, онъ особенно привѣтствуетъ работу Е. Н. Мельникъ, исполненную съ необыкновенной точностью наблюденія, съ крайней осторожностью въ выводахъ, цѣнную очень въ методологическомъ отношеніи; придавая большую важность сравнительному методу, который позволилъ установить славянскій типъ, особаго характера, въ данныхъ погребеніяхъ.

Проф. Д. И. Багалѣй, сдѣлалъ докладъ: **Объ археологической картѣ Харьковской губерніи**.

Представленная къ XII археологическому съѣзду, составленная референтомъ, археологическая карта Харьковской губ. является новой и совершенно переработанной редакціей той карты, которую онъ же 10 лѣтъ тому назадъ доставилъ въ Имп. Моск. Археол. Общество.

Печатными источниками для составленія карты послужили: труды Вад. Пассека (6 небольшихъ замѣтокъ), преосв. Филарета архіепископа Харьковскаго (Историко-стат. опис. Харьковск. г.: о городищахъ), В. Н. Каразина, Г. П. Данилевскаго, И. А. Зарѣцкаго. (Замѣтка о древностяхъ Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ.) раскопавшаго курганы съ богатыми находками, Борисяка (нѣсколько словъ о новѣйшихъ археологическихъ находкахъ въ Харьковской и Екатеринославской губ. въ Трудахъ III археологическаго съѣзда), Ю. А. Морозова (о городищахъ Харьковской губ.) и военно-этнографическая карта, 3-верстнаго масштаба (содержащая весьма много матеріала по указанію кургановъ, хотя многіе изъ кургановъ, отмѣченныхъ въ ней, теперь уже не существуютъ) и, наконецъ, изданный къ открытію XII археологическаго съѣзда „Каталогъ" древностей на выставкѣ. Этотъ каталогъ болѣе всего далъ матеріала.

Но для составленія карты было бы недостаточно этого печатнаго матеріала, пришлось пользоваться и большимъ рукописнымъ матеріаломъ. Такимъ матеріаломъ послужили: 1) свѣдѣнія о древностяхъ, собранныя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1888 г. и предоставленные референту для составленія карты; эти свѣдѣнія были собраны черезъ учителей и священниковъ; 2) матеріалы о каменныхъ бабахъ, собранные Харьковскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1883 г. и 3) масса матеріала, который былъ собранъ Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ къ предстоящему XII археологическому съѣзду. По программамъ, составленнымъ Комитетомъ, поступила, правда, послѣ неоднократныхъ напоминаній, масса свѣдѣній отъ волостныхъ правленій, земскихъ начальниковъ, народныхъ учителей и священниковъ: о курганахъ, городищахъ и т. п. Кромѣ того, былъ собранъ матеріалъ спе-

ціально о каменныхъ бабахъ: объ ихъ настоящемъ мѣстонахожденіи; о томъ, гдѣ ихъ прежде находили; о точномъ опредѣленіи ихъ размѣровъ и вида. Быть можетъ, благодаря этимъ свѣдѣніямъ, теперь будетъ возможно всѣ каменныя бабы сконцентрировать въ будущемъ музеѣ при Университетѣ.

Степень достовѣрности матеріаловъ этого рода опредѣлялась точнымъ разсмотрѣніемъ его, сличеніемъ свѣдѣній и т. п.

Наконецъ, пришлось воспользоваться еще рукописнымъ матеріаломъ слѣдующаго рода: 1) изслѣдованіе г. Копфа въ Лебединскомъ у. Харьковской губ., давшее очень много свѣдѣній; у него же дана карта кургановъ и городищъ Лебединскаго у.; 2) выписки изъ архивныхъ дѣлъ Императорской Археологической Коммиссіи, сдѣланныя спеціально для референта гр. П. С. Уваровой; 3) рукописныя сообщенія о раскопкахъ, сдѣланныхъ экскурантами: И. А. Зарѣцкимъ, В. А. Городцовымъ, А. М. Покровскимъ и В. Е. Данилевичемъ; 4) данныя изъ неизданной карты монетныхъ кладовъ Харьковской губ. В. Е. Данилевича.

Весь этотъ матеріалъ и по количеству, и по качеству дополнялся и провѣрялся взаимно.

Для составленія карты референтъ воспользовался легендой Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, допустивъ только то отступленіе, что вслѣдствіе невозможности нанести на десятиверстную карту точнаго расположенія всѣхъ кургановъ, обозначилъ цыфрою возлѣ селенія число кургановъ. Къ окраскѣ знаковъ для обозначенія эпохъ референтъ рѣдко прибѣгалъ въ виду недостатка точныхъ опредѣленій.

Техника исполненія карты всецѣло лежала на студентѣ Харьковскаго Технологическаго Института Н. В. Игнатовичѣ-Завилейскомъ, который прекрасно выполнилъ свою задачу.

Къ картѣ составленъ и обширный пояснительный текстъ, распредѣленный по 11 уѣздамъ Харьковской губерніи. Оказывается, что число свѣдѣній, доставленныхъ по каждому уѣзду не одинаково, имѣется изъ уѣздовъ: Волчанскаго—63 указанія, Зміевскаго—75, Валковскаго—30, Сумского—17, Харьковскаго—40, Изюмскаго—109, Купянскаго—79, Старобѣльскаго—90, Богодуховскаго—38, Лебединскаго—44, Ахтырскаго—60, всего 645. Самыхъ памятниковъ, конечно, больше.

Неравномѣрность распредѣленія поступившихъ свѣдѣній объясняется, какъ неодинаковостью размѣровъ уѣздовъ (Старобѣльскій уѣздъ, напр., очень большой), такъ и неодинаковостью обилія матеріала и изслѣдованій по уѣздамъ.

Между картой и текстомъ установлена возможно тѣсная связь. Вслѣдствіе мѣстныхъ условій, курганы пришлось отмѣчать на картѣ цифрами, такъ какъ ихъ нельзя было пріурочить къ бассейнамъ рѣкъ, какъ на картѣ В. Б. Антоновича; а въ текстѣ дано точное топографическое описаніе.

Источники свѣдѣній всегда точно указаны.

Объяснительный текстъ является какъ бы каталогомъ древностей Харьковской губерніи; онъ представляетъ собою работу въ 40 печатныхъ листовъ и заключаетъ въ себѣ все, что мы знаемъ по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ о древностяхъ Харьковской губерніи. Въ послѣдующее время раскопки дадутъ еще болѣе значительный матеріалъ, но всегда важно дать карту и опись наличнаго археологическаго матеріала.

Самая карта и опись появились лишь благдаря почину Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, которое создало и самый XII Археологическій Съѣздъ.

В. З. Завитневичъ указываетъ, что всякая археологическая карта, подводя итоги сдѣланному, говоритъ, что еще слѣдуетъ сдѣлать,—это сознаніе и вызвало появленіе археологическихъ картъ. Составленіе археологическихъ картъ, однако, идетъ малоуспѣшно вслѣдствіе большихъ трудностей: нужно не только привести въ порядокъ матеріалъ, но еще и достать, собрать матеріалъ, провѣрить его и т. д. Д. И. Багалѣй сдѣлалъ всю эту тяжелую работу и выполнилъ ее блестяще, не смотря на то, что для предстоявшаго XII археологическаго съѣзда ему пришлось не мало потрудиться. Высказываетъ увѣренность, что археологическое изученіе Харьковской губерніи, находящееся въ такихъ умѣлыхъ рукахъ у Д. И. Багалѣя, и впредь пойдетъ очень успѣшно.

Н. И. Веселовскій указываетъ, что трудъ при составленіи археологическихъ картъ очень большой; между тѣмъ необходимо составлять не только общія археологическія карты, но и частныя по тѣмъ или другимъ видамъ древностей (курганы, городища и т. п.), такъ какъ пользованіе общей картой затруднительно, вслѣдствіе того, что всѣ подробности сливаются вмѣстѣ.

Д. И. Багалѣй замѣчаетъ, что печатаніе нѣсколькихъ картъ связано съ большими расходами; было бы полезно, если бы наряду съ печатной картой имѣлась и рукописная большого масштаба. Вслѣдствіе денежныхъ затрудненій при изданіи и вслѣдствіе трудности собиранія матеріала, дѣло изданія археологическихъ картъ идетъ медленно.

Л. М. Савеловъ подтверждаетъ трудность собиранія свѣдѣній и сообщаетъ, что на его запросъ о древностяхъ на мѣстѣ изъ числа земскихъ начальниковъ: $^1/_3$ дали свѣдѣнія, $^1/_3$ отвѣтили, что древностей нѣтъ и $^1/_3$ совсѣмъ не отвѣчала. Изъ сельскихъ учителей отвѣтилъ только одинъ, а изъ священниковъ—никто.

А. М. Покровскій прочелъ докладъ: **О раскопкахъ въ Зміевскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ.**

По порученію Предварительнаго Комитета референтомъ были совершены раскопки въ уѣздахъ Изюмскомъ, около с. Прелестнаго, въ имѣніи А. Ѳ. Бантышъ и въ Зміевскомъ 1) около с. Новоселки и Раздольнаго, 2) около с. Отрадное и 3) около с. Бунаковки.

Въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ курганы были соединены въ группы по 15—20 кургановъ, въ остальныхъ разбросаны по полямъ или отдѣльными курганами, или группами по два по три кургана.

Около с. Новоселки и Раздольнаго были раскопаны два кургана съ каменными бабами; одинъ изъ нихъ оказался пустымъ, другой далъ богатое погребеніе съ бронзовымъ зеркаломъ, съ золотыми кольцами и бляшками. Общій характеръ погребенія тотъ же что и въ Купянскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ въ раскопкахъ Е. Н. Мельникъ и В. А. Городцева. По большей части подъ курганомъ были крашеные костяки, а въ насыпи кургана—скорченыя погребенія съ грубой глиняной посудой.

Скелеты сохранились очень плохо, кости были въ сильно раздробленномъ и разрушенномъ состояніи; черепа повидимому длинноголовые, кости принадлежали большимъ и сильнымъ субъектамъ. Интересенъ одинъ черепъ, который представляетъ деформацію отъ наложенія кольцевой повязки; другой черепъ, но только дѣтскій, полученный изъ раскопокъ этого лѣта представляетъ примѣръ какой же деформаціи.

Рефератъ Д. Н. Анучина: **Черепа изъ доисторическихъ могилъ Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи** (раскопки В. А. Городцева) доложенъ по порученію проф. Н. В. Веселовскаго А. М. Покровскимъ.

Черепа, добытые В. А. Городцевымъ, дѣлятся на три группы, характеризующимися предметами, найденными при нихъ. Эти три группы слѣдующія: 1) черепа бронзовой эпохи, 2) одинъ черепъ желѣзной эпохи 3) черепа VIII—XII в.в. или изъ насыпи кургановъ, или изъ могильника около с. Зливки.

Характеризуя черепа по ихъ антропологическимъ особенностямъ, Д. Н. Анучинъ находитъ для первой группы длинноголовость.

Черепъ желѣзной эпохи, по типу, походитъ на черепа группы, относимой къ бронзовой эпохѣ.

Болѣе подробно Д. Н. Анучинъ останавливается на послѣдней группѣ; онъ указываетъ, что эти группы распадались на двѣ меньшія группы и обѣ эти группы принадлежатъ народамъ тюркскаго племени, но не тождественнымъ между собою.

По окончаніи доклада Графиня П. С. Уварова сообщила о смерти Р. Вирхова всегда сочувственно относившагося къ нашимъ археологическимъ съѣздамъ и предложила собранію почтить память покойнаго вставаніемъ и послать семейству его отъ имени съѣзда телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія. Предложеніе принято.

В. Р. Апухтинъ демонстрировалъ предметы, добытые имъ изъ раскопокъ на Кавказѣ, при чемъ вниманіе членовъ съѣзда было обращено на то, что въ одной могилѣ г. Апухтинымъ были найдены двѣ человѣческія кости, внутри которыхъ, какъ бы въ футлярѣ (въ дѣтской плечевой и лучевой костяхъ) находилось по одной бронзовой булавкѣ обычнаго типа съ тѣми, которыя находятся въ древнѣйшихъ курганахъ на Кавказѣ сейчасъ же вслѣдъ за каменными орудіями.

---

2 час. дня.

Аудиторія № 1.

Засѣданіе VII секціи: Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія.

Почетный предсѣдатель: проф. Г. О. Шульцъ.
Предсѣдатель секціи: проф. А. И. Кирпичниковъ.
Секретари: А. И. Кадлубовскій и М. А. Масловъ.

Проф. А. И. Кирпичниковъ прочиталъ рефератъ: **„Афинскій Великій Синаксарь, какъ важный археологическій источникъ“.**

Референтъ познакомилъ собраніе съ новымъ греческимъ (аѳинскимъ) изданіемъ сборника житій святыхъ, подъ заглавіемъ: *Яшма* умственнаго рая или великое собраніе житій всѣхъ святыхъ на (каждый) день празднуемыхъ, собранныхъ и изданныхъ, на счетъ Константина *Дукаки* (поклонника).

Отмѣтивъ старозавѣтно-благочестивое настроеніе, выразившееся въ предисловіи къ книгѣ и въ ней самой, черты внѣшняго и внутренняго отличія этого изданія отъ ранѣе изданнаго (1869 г.) греческаго Синаксаря житій Никодима Святогорца (отсутствіе указателя, ученаго аппарата, неисправность корректуры и языка; присутствіе за то поученій новѣйшихъ ораторовъ), проф. А. И. Кирпичниковъ указалъ, что при ближайшемъ ознакомленіи съ Великимъ Синаксаремъ, въ немъ оказывается много данныхъ для археологіи, исторіи, исторической этнографіи Византіи и новой Греціи. Такъ, житія, содержащіяся въ немъ, заключаютъ данныя для иконописи и художественной древности; таково описаніе наружности святыхъ, иногда съ простонародными выраженіями; мы узнаемъ о формѣ и архитектурѣ церквей, формѣ крестовъ и другихъ священныхъ предметовъ, о созданіи большихъ мозаическихъ иконъ въ церквахъ еще въ XII—XIII вѣкахъ. Много данныхъ легендарныхъ, важныхъ для исторіи легендарныхъ мотивовъ (напр. въ житіи Арсенія Великаго извѣстное литургическое видѣніе изложено болѣе подробно, чѣмъ обыкновенно); есть данныя бытовыя (напр. о погребальныхъ обрядахъ, о существованіи идоловъ Судьбы, τῆς τυχης); данныя для исторіи византійской поэзіи и образованности, о школахъ, объ отношеніяхъ къ учителямъ. Эти свѣдѣнія въ самыхъ житіяхъ, въ видѣніяхъ, въ похвальныхъ словахъ, въ комментаріяхъ, какъ ни плохо они составлены. Есть факты не безъинтересныя для русской исторіи: напримѣръ, въ числѣ святыхъ празднуется память Іоанна, русскаго, плѣненнаго при Петрѣ В. турками и скончавшагося въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка (рядъ его чудесъ доведенъ до 1774 г.) Важный отдѣлъ-житія новомучениковъ, т. е. христіанъ, пострадавшихъ, уже въ новое время, отъ турокъ; эти житія мало шаблонны, изложены живо и правдиво; они важны въ бытовомъ отношеніи; референтъ изложилъ данныя о жизни и смерти восьми изъ такихъ новомучениковъ (скончавшихся въ промежутокъ времени отъ 1683 до 1802 г.): Павла Русскаго, Димитрія Филадельфійскаго, Іоанна Солунскаго и др. Далѣе, отмѣчена любовь составителя разбираемаго сборника житій къ легендѣ, обиліе апокрифическихъ мотивовъ (составитель даже заказывалъ переводы апокрифовъ съ латинскаго), мотивовъ демонологическихъ, притомъ въ ихъ народной, архаичной формѣ. Въ заключеніе референтъ высказывалъ пожеланіе, чтобы Синоксарь сдѣлался предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій.

Проф. В. П. Бузескулъ сдѣлалъ сообщеніе „**О новомъ источникѣ для исторіи Аѳинъ V в. до Р. Х.**“ 70-е и 80-е годы

прошлаго вѣка были эпохой эпиграфики; 90-е и первые годы XX ст.—эпоха, такъ сказать, папирологіи. Референтъ остановился на одномъ изъ недавно найденныхъ папирусовъ, названномъ его издателемъ и объяснителемъ Кейлемъ—Anonymus Argentinensis. Это папирусъ, хранящійся въ Страсбургской университетской библіотекѣ, подъ № 84, пріобрѣтенъ въ Каирѣ въ концѣ 1898 года, изданъ въ текущемъ году Кейлемъ. На лицевой сторонѣ имѣется какой-то незначительный счетъ, а на обратной—текстъ, историческаго содержанія: упоминается здѣсь объ эпистатахъ (повидимому для построекъ), о началѣ построенія Парѳенона, предложеніи Перикла въ архонтство Евтидема и перенесеніи союзной казны въ „городъ“, т. е. въ Аѳины, причемъ показана цыфра ея,—5000 талантовъ; въ связи съ этимъ упоминается о построеніи новыхъ 100 тріэръ; затѣмъ — о походѣ Аѳинянъ противъ Ѳивъ, о тріерѣ какого-то оратора, о Декелейскомъ и Архидамовомъ періодѣ Пелопоннесской войны, пораженіи Аѳинянъ (въ связи съ именемъ, повидимому, Адиманта), о „Тридцати“, казначеяхъ и прежнихъ колакретахъ; далѣе—о ѳесмоѳетахъ и ареопагѣ (повидимому рѣчь шла о реформахъ въ финансовомъ и судебномъ дѣлѣ), потомъ идетъ ссылка на „хронографіи“ и, по всей вѣроятности, на Аттиду, и, что особенно важно, упоминаются *номофилаки*, а въ послѣднихъ сохранившихся строкахъ упоминается о лицахъ, получающихъ гражданство.

Къ сожалѣнію, сохранилась лишь правая половина строкъ, лѣвой же не имѣется,—она оторвана. Поэтому приходится путемъ комбинацій и даже дивинаціи возстановлять недостающее начало строкъ. Кейль это дѣлаетъ съ большимъ остроуміемъ и находчивостью. У него получается стройная картина развитія аѳинской исторіи V в. Но у него слишкомъ много догадокъ, подчасъ очень смѣлыхъ и произвольныхъ, не имѣющихъ почвы, и не со всѣми его возстановленіями и гипотезами можно согласиться.

Во всякомъ случаѣ, папирусъ бросаетъ нѣкоторый лучъ свѣта на исторію Аѳинъ V в., между прочимъ онъ снова подымаетъ вопросъ о номофилакахъ, существованіе которыхъ въ ту эпоху новѣйшими учеными отвергалось. Такимъ образомъ, папирусъ имѣетъ значеніе какъ источникъ. Это несомнѣнно эксцерптъ; рукопись относится ко второй половинѣ I в. по Р. Х. Вопросъ въ томъ, изъ какого сочиненія сдѣлано это извлеченіе. Многіе признаки указываютъ на Аттиду, хотя Кейль въ концѣ концовъ полагаетъ, что извлеченіе сдѣлано не изъ Аттиды, а изъ историческаго сочиненія со связнымъ изложеніемъ.

Авторъ былъ очевидно человѣкъ свѣдущій, и вновь найденный эксцерптъ снова напоминаетъ намъ, какъ богата была историческая литература грековъ, и какою ничтожною (по количеству) частью ея мы располагаемъ.

Г. Ф. Шульцъ обратилъ вниманіе на исправленіе строкъ лицевой и оборотной стороны папируса,—обстоятельство, которое могло бы повести къ нѣкоторымъ, не лишеннымъ интереса выводамъ.

В. М. Сысоевъ прочелъ рефератъ „**Киммерійцы**". Наши свѣдѣнія о киммерійцахъ очень скудны. Впервые о ихъ упоминаетъ Гомеръ, какъ о людяхъ, живущихъ въ странѣ мрака, на крайнемъ берегу Океана. Историческія свѣдѣнія о Киммерійцахъ мы имѣемъ отъ Геродота: скиѳы, потѣсненные массагетами, заставили киммерійцевъ уйти изъ южной Россіи въ Малую Азію, которую тѣ и опустошили. Это было въ первой половинѣ VII в. Весьма возможно, что еще около X в. киммерійцы совершили свои первые набѣги на М. Азію. Около 633 г., слѣдомъ за киммерійцами пришли въ Азію и скиѳы, которые, повидимому, смѣшивались съ киммерійцами, прошли всю переднюю Азію до Египта, вездѣ все опустошивъ. Лѣтъ 18 скиѳы владѣли Передней Азіей, но затѣмъ, когда главныя силы ихъ удалились въ Европу, Кіаксару изъ Мидіи и Аліатту изъ Мидіи удалось изгнать скиѳовъ и киммерійцевъ и свергнуть ихъ тяжелое иго. Историки Востока нѣсколько расходятся въ подробностяхъ съ греческими источниками. Этимологія слова Kimmerioi (Киммерійцы) неизвѣстна, такъ какъ оно, очевидно, не греческое. Греки давали самыя разнообразныя толкованія этому слову; вѣроятно, что оно взято съ еврейскаго kamar, темный. Фантазія древнихъ поэтовъ и историковъ (Гомера и др.) переносила киммерійцевъ на крайніе предѣлы земли. Однако, Геродотъ опредѣленно указываетъ, что киммерійцы жили въ нынѣшней Ю. Россіи около Керченскаго пролива (Воспора Коммерійскаго). Здѣсь остались слѣды ихъ пребыванія въ видѣ сохранившихся до позднѣйшаго времени названій нѣкоторыхъ мѣстностей: Страбонъ упоминаетъ о „ селеніи Киммерійскомъ „ или „ Киммерикѣ ", Птоломея, о „мысѣ Кимерійскомъ",— но, повидимому, это два названія одного и того же пункта; Периплъ Безымяннаго указываетъ еще городъ „Киммерикъ"; есть „Воспоръ Киммерійскій", есть „Киммерійскія переправы". Однако, и эти историческія свидѣтельства немногочисленны. Археологія до сихъ поръ не можетъ придти на помощь въ этомъ темномъ вопросѣ, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ находокъ, которыя можно было бы отнести къ киммерійцамъ.

2 часа дня

Актовый залъ

Засѣданіе IV отдѣленія: Бытъ домашній, хозяйственный общественный, юридическій и военный.

Почетный предсѣдатель: Проф. М. Н. Ясинскій.
Предсѣдатель отдѣленія: Проф. Д. И. Багалѣй.
Секретари: В. И. Савва и Е. П. Трифильевъ.

М. Н. Ясинскій, выражая благодарность за избраніе его почетнымъ предсѣдателемъ, честь этого избранія отнесъ на долю Университета Св. Владимира и Историческаго Общества Нестора Лѣтописца и еще болѣе на долю юридическаго Факультета Университета Св. Владимира, который обогатилъ науку рядомъ изслѣдованій по исторіи русскаго права; далѣе, М. Н. Ясинскій выразилъ пожеланіе, чтобы впредь на Археологическихъ съѣздахъ присутствовало большее число историковъ вообще и историковъ русскаго права.

Н. А. Максимейко прочелъ докладъ: „**Русская Правда и обычное право Литовско-русскаго государства до изданіи Статута**“. Референтъ сличалъ постановленія Русской Правды съ обычнымъ правомъ литовско-русскаго государства XV и первый четверти XIV вв. Свѣдѣнія объ обычномъ правѣ референтъ черпалъ изъ актовъ судебныхъ, найденныхъ въ Литовской Метрикѣ. Такого рода сличенія референту дало возможность опредѣлить территорію, на которой возникли и дѣйствовали нормы права, изложенныя въ Русской Правдѣ: этой територіей были южныя и западныя русскія земли, вошедшія потомъ въ составъ Литовско-Русскаго государства. Тотъ же методъ сравненій помогъ референту выяснить отдѣльныя статьи Русской Правды, напр., статьи о наслѣдованіи вдовы. Русская Правда, трактуя объ испытаніяхъ желѣзомъ, имѣетъ въ виду, по мнѣнію референта пытку, а не ордаліи. Молчаніе въ Русской Правдѣ о судебныхъ поединкахъ референтъ объяснялъ не случайнымъ недосмотромъ составителя Правды, но тѣмъ обстоятельствомъ, что поединки были неизвѣстны на территоріи, составившей Великое княжество Литовское. Изъ всѣхъ своихъ выводовъ референтъ придавалъ наибольшее значеніе рѣшенію вопроса о мѣстѣ происхожденія Русской Правды, такъ какъ оно должно отразиться на всей системѣ изложенія исторіи русскаго права.

Е. Ѳ. Карскій, соглашаясь съ мнѣніемъ, референта, что связь между Русскою Правдою и Литовскимъ законодательствомъ существуетъ, призналъ неправильнымъ методъ референта: сходство Литовскаго законодательства съ Русскою Правдою существуетъ, но это потому, что Русская Правда въ основѣ Литовскаго законодательства. Далѣе, Е. Ѳ. Карскій указалъ, что подъ Русскою землею слѣдуетъ понимать не только южно-русскія области, ибо составитель древнѣйшаго нашего лѣтописнаго свода, получившаго начало въ Новгородѣ, называлъ русскою землею всю территорію, занятую восточными славянами, и вообще въ лѣтописяхъ русскіе противопоставляются литовцамъ, полякамъ и др.; что касается суда Божьяго и пытки, то упоминаніе о нихъ находится въ правѣ юго-западной Руси.

М. А. Остроумовъ указалъ, что отверженіе референтомъ византійскаго вліянія на Русскую Правду, шедшаго чрезъ духовенство, является крайностью; безъ детальнаго разсмотрѣнія статей Русской Правды съ источниками ихъ, нельзя дѣлать выводовъ, какіе допускаетъ референтъ. Обращая вниманіе на то, что Русская Правда явилась по времени ранѣе, чѣмъ Литовская метрика, М. А. Остроумовъ отмѣтилъ, что Русская Правда —книжный памятникъ, набранный изъ разныхъ книгъ, а также изъ мѣстнаго права. Указывая вліяніе византійское и компиляцій греко-болгарскихъ на Русскую Правду, М. А. Остроумовъ приводилъ сходныя статьи послѣдней и вліявшихъ на нее чужеземныхъ законодательствъ.

Д. Я. Самоквасовъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ, было ли вліяніе Русской Правды на Литовское право или наоборотъ, призналъ весьма интересной попытку референта объяснить темныя статьи Русской Правды архивнымъ матеріаломъ. Мнѣніе, что Русская Правда является сборникомъ обычнаго права, раздѣленное референтомъ, Д. Я. Самоквасовъ призналъ неправильнымъ. Онъ указалъ, что со времени лѣтописцевъ было на Руси убѣжденіе, что Русская Правда—сборникъ княжескихъ уставовъ; мнѣніе, будто Русская Правда—сборникъ обычнаго права, которое приводилъ Калачовъ, обставлено слабыми доказательствами. Представивъ цѣлый рядъ соображеній въ опроверженіи мнѣнія, будто Русская Правда—сборникъ обычнаго права, Д. Я. Самоквасовъ указалъ, что цѣлый рядъ ученыхъ вполнѣ основательно видѣлъ въ Русской Правдѣ сборникъ обычнаго права. Затѣмъ Д. Я. Самоквасовъ остановился на вопросѣ о пыткѣ и судебныхъ поединкахъ.

В. Б. Антоновичъ указалъ, что подъ Русскою землею слѣдуетъ понимать Кіевщину, причемъ привелъ лѣтописный

разсказъ (XII в.), какъ князь Галицкій Владиміръ, разгнѣванный на вел. кн. Изяслава, приславшаго къ нему посла, видя послѣдняго отъѣзжающимъ къ Изяславу, сказалъ: „Поѣха путь Руский“. В. Б. Антоновичъ отмѣтилъ существованіе и другихъ лѣтописныхъ извѣстій, на основаніи которыхъ должно думать, что Русью называлась Кіевщина.

Д. И. Багалѣй указалъ, что въ изслѣдованіи Гедеонова „Варяги и Русь“ собраны лѣтописныя данныя, свидѣтельствующія, что Русью называлась Кіевщина.

А. Н. Ясинскій представилъ соображенія, на основаніи которыхъ слѣдуетъ смотрѣть на Русскую Правду, какъ на записи обычнаго права, причемъ подробно остановился на уясненіи того, какъ въ судебныхъ установленіяхъ опредѣлялись нормы обычнаго права. Но на основаніи сходства между постановленіями Русской Правды и рѣшеніями судовъ позднѣйшаго времени (начала XVI в.) ничего по мнѣнію А. Н. Ясинскаго, нельзя доказать; не трудно усмотрѣть подобное же сходство между постановленіями Русской Правды и рѣшеніями судовъ въ Чехіи, Германіи, Франціи, что объясняется тѣмъ, что постановленія и статьи Русской Правды чрезвычайно однородны съ статьями и постановленіями „варварскихъ правдъ“ (leges barbarorum) и съ чешскими сборниками обычнаго права, которые долгое время служили руководящими сборниками для соотвѣтственныхъ судебныхъ мѣстъ Чехіи, Германіи и Франціи. Не слѣдуетъ забывать, что однородность и сходство всѣхъ этихъ различныхъ сборниковъ обычнаго права объясняется, конечно, не заимствованіемъ одного народа отъ другого, а однородностью культурнаго и правового состоянія этихъ народовъ: въ моментъ записи обычнаго права народы эти стояли на одной ступени культуры. Такимъ образомъ, между Русскою Правдою и „варварскими правдами“ болѣе сходства, чѣмъ между тою же Русскою Правдою и позднѣйшими законодательными памятниками русскаго права.

Кромѣ этого, А. Н. Ясинскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу изданій, какъ судебныхъ доказателъствъ и судебнаго поединка.

М. Н. Ясинскій, заявилъ, что, вслѣдствіе затянувшихся преній, онъ принужденъ ограничиться лишь немногими замѣчаніями, остановился прежде всего на оцѣнкѣ матеріаловъ, которыми пользовался референтъ. По мнѣнію М. Н. Ясинскаго для сравненія Русской Правды съ обычнымъ правомъ Литовско-Русскаго государства недостаточно было пользоваться лишь судебными рѣшеніями великокняжескихъ судовъ, которые не

всегда, судя по нѣкоторымъ даннымъ, основываются на туземномъ обычномъ правѣ, а необходимо было воспользоваться также рѣшеніями копныхъ судовъ, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ несомнѣнными нормами обычнаго права въ его чистомъ видѣ. Далѣе, проф. М. Н. Ясинскій рѣшительно не согласился съ утвержденіемъ референта, что Русская Правда говоритъ не объ ордаліяхъ (испытанія желѣзомъ и водою), какъ то думаютъ изслѣдователи этого памятника и въ томъ числѣ проф. Владимірскій-Будановъ и Сергѣевичъ, а о пыткахъ: и общій смыслъ 17-й ст. Русской Правды Карамзинскаго списка, и отдѣльныя выраженія этой статьи, и аналогія съ германскимъ правомъ, гдѣ ордаліи уступили мѣсто пыткамъ (по отношенію къ свободнымъ людямъ) лишь въ XIV в., и наконецъ,—документальныя, опубликованныя уже данныя, свидѣтельствующія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и случаяхъ ордаліи примѣнялись въ Западной Россіи даже въ XVII в., говорятъ въ пользу господствующаго мнѣнія, т. е. что Русская Правда говоритъ именно объ ордаліяхъ, а не о пыткахъ. Въ дальнѣйшихъ болѣе мелкихъ замѣчаніяхъ М. Н. Ясинскій указалъ, что положенія референта: 1) о раличіи системъ обычнаго права въ различныхъ частяхъ русской земли, 2) о территоріи происхожденія Русской Правды и 3) о пробѣлахъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о состояніи права въ промежутокъ отъ времени окончательнаго сложеніи Русской Правды съ Московскаго періода—не дышутъ новизной и едва ли нуждаются въ настоящее время въ новыхъ доказательствахъ. Наконецъ, М. Н. Ясинскій указалъ, что терминъ юго-западная Русь въ томъ смыслѣ и объемѣ, какъ его употребилъ референтъ, является для XV и первой половины XVI в. довольно неопредѣленнымъ и даже искусственнымъ.

По выслушаніи обстоятельныхъ отвѣтныхъ заявленій референта, предсѣдательствующій въ засѣданіи М. Н. Ясинскій объяснилъ продолжительность преній важностью возбужденныхъ и затронутыхъ референтомъ вопросомъ и заявилъ, что за позднимъ временемъ докладъ А. Я. Ефименко—„Къ вопросу о братствахъ отлагается“.

---

24 Августа (суббота).

въ 8 часовъ вечера.

Актовый залъ.

Секція II: древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель: проф. Н. И. Петровъ.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.
Секретари: В. В. Каллашъ и А. В. Ветуховъ.

Послѣ открытія засѣданія почетнымъ предсѣдателемъ проф. Н. И. Петровымъ, проф. А. И. Маркевичъ прочелъ докладъ: „**О бывшей Хотинской крѣпости**". Докладчикъ, секретарь Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей, сообщилъ, что этому обществу представляется возможность получить въ завѣдываніе развалины бывшей Хотинской крѣпости. Общество командировало докладчика и проф. А. А. Кочубинскаго для обозрѣнія и изученія этихъ развалинъ. На основаніи своихъ изслѣдованій проф. А. И. Маркевичъ далъ краткую характеристику развалинъ съ иллюстраціями, при чемъ высказалъ мнѣніе, основанное на долговременномъ опытѣ, что принятіе въ завѣдываніе для охраны памятника древностей всегда можетъ быть обставлено такими условіями, что не только будутъ покрываться всѣ расходы, но даже можно ожидать и извѣстнаго дохода.

По содержанію доклада никакихъ возраженій не послѣдовало.

Затѣмъ В. А. Бабенко прочитанъ былъ рефератъ: „**Коцарство въ Харьковской губерніи**". По порученію Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда референтомъ предпринято было всестороннее обслѣдованіе одного изъ старинныхъ промысловъ Харьковской губерніи, а именно— коцарства, которое въ настоящее время не только утратило свое прежнее значеніе, но уже начинаетъ отходить въ область мѣстныхъ преданій. Между тѣмъ, въ былыя времена коцарство считалось однимъ изъ распространенныхъ народныхъ промысловъ, какъ нѣкоторыхъ уѣздовъ данной губерніи, такъ и самого города Харькова, при чемъ послѣдній числился чуть ли не первымъ представителемъ на всю Россію этой отрасли промышленности.

Въ виду того, что коцарство было сосредоточено главнымъ образомъ въ губернскомъ городѣ и только отчасти въ уѣздныхъ городахъ и селахъ и въ виду интереса, какой можетъ представить изъ себя Харьковское коцарство въ этнографическомъ отношенiи, докладчикъ счелъ необходимымъ прослѣдить первымъ долгомъ за исторiей развитiя, процвѣтанiя и совершеннаго паденiя этого промысла именно въ Харьковѣ и прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ, а затѣмъ уже и въ остальныхъ частяхъ губернiи.

Точныхъ свѣдѣнiй о времени начала развитiя коцарскаго промысла, по словамъ референта, не имѣется; по разсказамъ же, собраннымъ имъ у лицъ, близко знакомыхъ съ коцарскимъ мастерствомъ, и по другимъ источникамъ, послѣднее извѣстно было въ началѣ XVIII-го и даже въ концѣ XVII вѣковъ, время же процвѣтанiя коцарства можно отнести къ концу XVIII и началу XIX-го столѣтiй, когда чуть ли не большая половина мастеровыхъ Харькова и его пригородковъ занимались коцарскимъ производствомъ. Одна изъ главныхъ улицъ западнаго Харькова, сохранившая и по настоящее время имя „коцарской"; была населена исключительно „коцарками", имѣвшими спецiальныя заведенiя, въ которыхъ работало по нѣсколько „коцарокъ" и до двухъ десятковъ ихъ помощницъ или работницъ, изготовлявшихъ сотни и даже тысячи ковровъ, носившихъ своеобразное малорусское названiе „коци", отъ котораго и производству присвоено было наименованiе „коцарства".

Въ подтвержденiе нѣкоторыхъ данныхъ авторъ приводитъ отрывокъ о коцарствѣ изъ „Топографическаго описанiя Харьковскаго намѣстничества", гдѣ, между прочимъ, упоминается, что работа женскаго пола состоитъ въ дѣланiи ковровъ разной мѣры и цѣны, что ковры эти называлось „коцы", а мастерицы „коцарками" и проч.

Въ началѣ XIX столѣтiя коцарство, по словамъ докладчика, достигаетъ высшей степени развитiя и распространенiя, „Коци" считаются не сотнями или тысячами, а цѣлыми десятками тысячъ. Въ продажу они шли не только на Украинѣ, но и въ болѣе отдаленныя мѣстности, во внутреннiя губернiи, Новороссiю, Крымъ и даже за границу, а въ одно время—требовались часто во дворецъ, преимущественно какъ покрывала для лошадей—попоны, отличавшiяся своимъ изящнымъ приготовленiемъ.

Въ такомъ видѣ, какъ можно думать, коцарсто существовало до начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтiя, въ дальнѣйшемъ же послѣдовалъ быстрый упадокъ этого произ-

водства. Причиной тому послужила конкуренція фабричныхъ ковровъ.

Что же касается до самой техники коцарства, то она состоитъ въ слѣдующемъ: на особомъ станкѣ „разбіи" насновывается рядами основа изъ шерстяныхъ нитей, въ которую перепутываютъ нити „подтканья" и кусочки цвѣтной шерсти. По окончаніи этой работы, коверъ снимается со станка въ готовомъ для употребленія видѣ. Въ заключеніе докладчикъ выражаетъ сожалѣніе къ обычному у насъ явленію—вымиранію весьма цѣнныхъ и выгодныхъ народныхъ промысловъ.

В. В. Ивановъ, при обсужденіи доклада, указалъ нѣсколько архивныхъ данныхъ по исторіи коцарскаго промысла въ Харьковской губ. и выразилъ желаніе, чтобы изслѣдователи народныхъ кустарныхъ промысловъ озаботились тщательнымъ собираніемъ кустарной номенклатуры, теперь уже исчезающей и забываемой, но очень важной въ научномъ отношеніи.

В. И. Василенко, указалъ на то, что техническіе пріемы коцарства и названія въ этомъ промыслѣ нѣсколько иные въ Полтавской губ. и подробно описаны имъ самимъ въ техническомъ словарѣ Полт. губ.; затѣмъ онъ сдѣлалъ также нѣсколько разъясненій относительно цѣны и производства ковровъ въ Полт. губ. Вымираніе коцарства онъ объясняетъ отсутствіемъ организацій въ средѣ коцарокъ.

Докладъ А. И. Зарѣцкаго былъ посвященъ вопросу о **„Гончарномъ производствѣ въ Полтавской губерніи и орнаментѣ на гончарныхъ издѣліяхъ"**. Гончарное производство въ Полтавской губерніи—одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ губерніи. Количество и качество глины даютъ возможность ему существовать еще безконечно долго и развиваться. Техника изготовленія здѣсь даже самыхъ дешевыхъ издѣлій для домашняго обихода весьма совершенна. Орнаментъ гончарныхъ издѣлій Полтавской губерніи настолько богатъ и самобытенъ, что, при примѣненіи къ нему художественной обработки, онъ могъ бы занять видное мѣсто въ ряду орнаментовъ другихъ стилей.

Общій характеръ орнамента—восточно-азіатскій, но онъ подвергся значительнымъ мѣстнымъ измѣненіямъ.

Въ заключеніе докладчикъ сдѣлалъ подробныя разъясненія къ составленнымъ имъ таблицамъ формъ и орнаментовъ Полтавскихъ гончарныхъ издѣлій.

Г. Г. Лукьяновъ сдѣлалъ докладъ: **„Изъ исторіи колдовства XVII вѣка"**. Въ которомъ изложилъ найденное имъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи дѣло о Шацкомъ вѣдунѣ XVII вѣка.

Авторъ между прочемъ приводитъ подлинное сыскное дѣло въ г. Шацкѣ про вѣдуна Нестерку отъ наговоренныхъ питій которою умеръ человѣкъ; въ допросныхъ рѣчахъ здѣсь находится еще много отголосковъ ятвяжской старины и вообще пережитковъ прошлаго.

Дѣло это не было закончено въ мѣстномъ судѣ, а затребовано для окончательнаго производства въ центральное учрежденіе именъ въ приказъ Сыскныхъ Дѣлъ; приговоръ котораго по этому дѣлу остался неизвѣстнымъ для докладчика;—тѣмъ не менѣе онъ скорѣе склоняется въ пользу возможности оправдательнаго приговора, такъ какъ статья уложенія, карающая смертью за отравленіе зельемъ, предусматриваетъ намѣренность дѣянія, а этого то именно и не видно въ описываемомъ дѣлѣ.

Что же касается наличности колдовства, то въ Соборномъ уложеніи, составленномъ при участіи народа и отразившемъ въ себѣ народный пантеистическій взглядъ на колдовство, нѣтъ указаній, чтобы оно преслѣдовалось само по себѣ.

Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ вѣрилъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны нѣкоторымъ личностямъ—вѣдунамъ, но обладаніе тайнами природы не представлялось народу грѣховнымъ, и вообще отношеніе его къ вѣдунамъ не было враждебнымъ, за исключеніемъ случаевъ, когда этимъ наносился вредъ его экономическому или личному благосостоянію. Тогда народъ обращался или къ оффиціальному суду, какъ это было въ данномъ случаѣ, или даже въ исключительныхъ случаяхъ—къ кровавому самосуду.

За позднимъ временемъ доклады проф. Н. Ѳ. Сумцова и А. В. Ветухова отложены до слѣдующаго засѣданія.

Въ 7 час. вечера, въ аудиторіи № 1 состоялось, подъ предсѣдательствомъ пр. Д. И. Багалѣя, засѣданіе Ученаго Комитета Съѣзда, на которомъ было выработана программа занятій съѣзда на понедѣльникъ, 26 августа, и порядокъ закрытія съѣзда во вторникъ, 27 августа.

---

26 Августа (понедѣльникъ).

10 час. утра.

Актовый залъ.

Секція IX. Археографическая.

Почетный предсѣдатель: А. В. Орѣшниковъ.
Предсѣдатель отдѣленія: проф. Ал. Ив. Маркевичъ.
Секретарь: Ар. Ив. Маркевичъ.

Доклады:

Д. Я. Самоквасовъ. О будущей архивной реформѣ.

Д. П. Миллеръ. Харьковскій Архивъ.

М. Н. Бережковъ. Рукописное собраніе г. Дорошенко въ Глуховѣ.

В. В. Ивановъ. Архивные матеріалы для исторіи Слободской Украины.

10 час. утра.

Аудиторія № 1.

Параллельное засѣданіе.

Секція II. Древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ.

Почетный предсѣдатель: проф. М. Е. Халанскій.
Предсѣдатель секціи: проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.
Секретари: В. Е. Данилевичъ и А. П. Кадлубовскій.

Доклады:

Д. И. Багалѣй. Основаніе города Харькова.

М. М. Ковалевскій. Къ ранней исторіи г. Азова.

Сообщеніе предсѣдателя секціи Н. Ѳ. Сумцова о поступившихъ докладахъ.

Д. И. Багалѣй. Докладъ о картографической выставкѣ— на самой выставкѣ.

2 час. дня.

Актовый залъ.

Секція I: Первобытныхъ древностей.

Почетный предсѣдатель: В. Б. Антоновичъ.
Предсѣдатель секціи: Н. И. Веселовскій.
Секретари: В. М. Сысоевъ А. А. Мироновъ.

Доклады:

В. С. Данилевичъ. Раскопки около с. Будъ и Березовки.

В. А. Перелешинъ. Объ археологической картѣ Воронежской губ.

Н. И. Веселовскій. Новый типъ каменныхъ бабъ.

А. А. Скрыленко. О глинянныхъ статуэткахъ изъ Триполья.

О. В. Спесивцевъ. О Райгородкѣ.

Сообщеніе г. Предсѣдателя секціи о поступившихъ докладахъ.

8 час. вечера.

Секція VI. Памятники общественнаго быта.

Почетный предсѣдатель: проф. М. А. Остроумовъ.
Предсѣдатель секціи: проф. Д. И. Багалѣй.
Секретари: В. И. Савва и Е. П. Трифильевъ.

Доклады:

А. Я. Ефименко. Къ вопросу о братствахъ.

В. В. Иванова. Изъ внутренней исторіи Слободской Украины.

Сообщеніе г. Предсѣдателя секціи о поступившихъ рефератохъ.

27 августа (вторникъ.)

10 час. утра.

Совѣтъ XII Археологическаго съѣзда.

1 часъ дня.

Закрытіе XII Археологическаго съѣзда.